КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 16 января 1904 г.

ПОПРАВКИ.

Въ приложенномъ къ № 1 «Библіографическомъ указателѣ музыкальной и литературной дѣятельности Н. В. Лисенка» просимъ исправить слѣдующіе недосмотры:

Предисл. стр. 2; 3 и 4 стр. снизу—слова «при разысканіи» и «произведеній» поставить одно вмѣсто другого.

— 3, № 2, стр. 3-ья вмѣсто 1858 г. д. б. 1868 г.

— 10, № 37, стр. 2-я вмѣсто «поодыноки, якъ такъ и гуртови» д. б. «якъ поодыноки, такъ и гуртови».

— 18, № 81 и 82 относятся къ 1901 г., который въ заголовкѣ пропущенъ.

— 19, № 84, стр. 2-ая, вмѣсто *Мазуренка* д. б. *Морозенка*.

— — № 85, стр. 3-ья, вмѣсто *серія VI* д. б. *серія IV*.

— — — — стр. 4-ая, вмѣсто *№ 52* д. б. *№ 62*.

— 22, № 13 стр. 2-ая, вмѣсто годовъ *1899* и потомъ *1889* д. б. *1889* и потомъ *1888*.

Ремесленное училище въ Черниговѣ, учрежденное сто лѣтъ назадъ. (1804—1811 г.).

Учрежденіе ремесленныхъ и другихъ промышленныхъ школъ только въ послѣднее время стало предметомъ особаго вниманія правительства и общественныхъ учрежденій, да и сдѣланное въ этомъ отношеніи далеко не соотвѣтствуетъ тому запросу и той необходимости, какія проявляются въ самомъ обществѣ. Тѣмъ интереснѣе и значительнѣе фактъ существованія ремесленной школы въ Черниговѣ сто лѣтъ назадъ, созданной по инициативѣ перваго малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина. Мы уже много разъ касались изумительной дѣятельности этого замѣчательнаго администратора, оказавшаго Малороссіи немало услугъ устройствомъ въ ней домовъ воспитанія для бѣдныхъ дворянъ, основаніемъ гимназій, богадѣленъ, богоугодныхъ заведеній, построеніемъ множества зданій, устройствомъ ботаническихъ садовъ и т. п.[1]). И все это совершено въ теченіе шести лѣтъ (1802—1808) его пребыванія на посту малороссійскаго генералъ-губернатора. Настоящій очеркъ представляетъ дополнительныя данныя для характеристики этого дѣятеля[2]).

---

[1]) См. нашъ очеркъ «Полтава въ началѣ XIX столѣтія» «Кіевская Старина» 1902 г., и тамъ же много замѣтокъ о немъ въ 1901 и 1902 годахъ.

[2]) Очеркъ изложенъ исключительно по даннымъ, извлеченнымъ нами изъ архива Полтавскаго Губ. Правленія (по описи № 340, 1807

I.

По инициативѣ кн. А. Б. Куракина, 1 мая 1804 г. были торжественно открыты въ Черниговѣ ремесленное училище и домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ [1]). Торжество открытія этихъ двухъ учрежденій началось богослуженіемъ въ соборѣ, совершеннымъ преосвященнымъ черниговскимъ Михаиломъ. По окончаніи службы, изъ храма двинулась процессія, во главѣ съ преосвященнымъ, при участіи губернатора и другихъ начальствующихъ лицъ, въ помѣщеніе «дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», гдѣ было водосвятіе и молебенъ. Отсюда процессія двинулась въ томъ же порядкѣ къ дому ремесленнаго училища, гдѣ также было освященіе воды и молебствіе. По этому случаю преосвященнымъ Михаиломъ были произнесены соотвѣтствующія случаямъ рѣчи, коихъ подлинные тексты были присланы черниговскимъ губернаторомъ князю Куракину. Въ тотъ же день былъ обѣдъ у губернатора, на которомъ присутствовало духовенство и начальники отдѣльныхъ частей. Объ этомъ торжествѣ черниговскій губернаторъ баронъ Френсдорфъ прислалъ князю Куракину подробное донесеніе, въ которомъ говорится и о впечатлѣніи, какое произвело на населеніе открытіе этихъ двухъ учрежденій. «Имѣвъ честь сего числа (т. е. 8 мая) отправить къ вашему сіятельству формальное донесеніе мое объ открытіи въ Черниговѣ домовъ воспитанія бѣдныхъ и ремесленнаго училища, съ чувствомъ живѣйшей радости присовокупляю, что сіе открытіе, бывъ производимо торжественнѣйшимъ образомъ, при благопріятствующей погодѣ сколько наблюсти было можно, сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ умахъ здѣшней публики и открыло глаза даже и тѣмъ, коимъ всякая перемѣна или новое заведеніе, сколько бы оно полезно для общества ни было, кажется святотатствомъ, если оно не соотвѣтствуетъ закосненнымъ привычкамъ и обычаямъ». Далѣе губерна-

---

года, № 215—1804, № 279—1806.

[1]) Черниговскій «Домъ воспитанія» учрежденъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Полтавѣ. См. нашъ очеркъ: «Полтава» etc.

торъ сообщаетъ о мастерахъ, прибывшихъ еще за два года до открытія, и хвалитъ ихъ работы (пробныя). «Дай Богъ,—такъ заканчивается его письмо,—чтобы благое начало имѣло желаемый успѣхъ, къ прославленію имени вашего сіятельства, какъ виновника всему сему, и къ памяти эпохи начальствованія вашего надъ симъ краемъ».

Кн. Куракинъ, въ свою очередь, сообщилъ о совершившемся открытіи черниговскаго рем. училища и дома для бѣдныхъ дворянъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, попечителю харьковскаго учебнаго округа Сев. Потоцкому и др. Спустя немного времени князь былъ удостоенъ слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ: «Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ доставленное отъ васъ увѣдомленіе объ открытіи дома воспитанія бѣдныхъ и ремесленнаго училища. Я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ сего, что предположенія ваши по сей части начинаютъ уже приходить къ своему совершенію и, безъ сомнѣнія, достигнутъ его подъ вашимъ руководствомъ. Черниговскому губернатору, отлично при семъ случаѣ одобряемому, приказалъ я, сверхъ настоящихъ окладовъ, производить по двѣсти рублей столовыхъ на мѣсяцъ, доколѣ въ настоящемъ мѣстѣ онъ пребудетъ. Чиновникамъ, употребленнымъ вами по симъ заведеніямъ, надворнымъ совѣтникамъ Соколову и Карташевскому объявить мое благоволеніе и въ знакъ онаго вручить имъ прилагаемые при семъ подарки».

Черниговское ремесленное училище основано было для низшихъ классовъ черниговской и полтавской губерній и комплектъ его могъ быть доведенъ до 336 учащихся, но такого числа въ разсматриваемый періодъ не было. Ко дню открытія училища было принято 35 учениковъ, изъ которыхъ козачьихъ дѣтей было 9, мѣщанъ 25 и одинъ купеческаго званія. Скоро комплектъ учащихся увеличился до 50, затѣмъ до 60 человѣкъ и въ 1811 г. ихъ было 96. Черезъ годъ послѣ открытія кн. Куракинъ разрѣшилъ принимать въ училище и дѣтей крѣпостныхъ, если на это изъявятъ желаніе ихъ владѣльцы и обяжутся при этомъ доста-

влять для нихъ и провіантъ, такъ какъ они не могли содержаться на общія училищныя суммы.

Всѣ воспитанники жили въ училищѣ; это былъ интернатъ. Принимались на 6 лѣтъ; пріемъ учащихся происходилъ каждые два года въ январѣ мѣсяцѣ. Не принимались дѣти моложе 12 лѣтъ и старше 15; послѣдніе могли быть приняты лишь при условіи, если избирали столярное ремесло. Обратимся теперь къ содержанію этихъ учениковъ. Кн. Куракинъ, разсмотрѣвъ смѣты, очень точно обозначилъ ежедневное количество продуктовъ на каждаго ученика, и сообразно этой табели и отпускались суммы, отчасти изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, а частью изъ городскихъ доходовъ. На постройку училища и обзаведеніе было ассигновано 40 тысячъ отъ казны. Самое же училище помѣщалось сперва въ городскомъ домѣ. Изъ одежды полагалось каждому ученику суконная свита, стоимостью въ 2 р., тулупъ въ 3 руб. 75 к., лѣтняя круглая шляпа—60 к., зимняя—90 к., три пары рубахъ съ портками стоимостью въ 1 р. 20 к., пара сапогъ въ 1 р. и платокъ набойчатый на шею, стоимостью въ 40 коп. Всего выходило по 20 руб. на каждаго воспитанника. Впослѣдствіи для нихъ шили не свиты, а шинели, и введены были халаты. Еще точнѣе было обозначено количество потребныхъ продуктовъ на каждаго ученика. Хлѣба отпускалось ежедневно по $1^1/_2$ ф. на человѣка, что составляло въ годъ 13 п. $27^1/_2$ ф. Помимо этого, ту же ржаную муку отпускали по 3 фунта на каждаго ученика «для уваріванія кваса въ пищу и питье». Гречневой крупы полагалось въ мѣсяцъ по 2 гарнца,—четверть ея стоила 2 руб. 25 к.; соли по 2 ф. въ мѣсяцъ, свиного сала для мясоѣдныхъ дней, которыхъ въ году по табели считалось 180, по 2 ф. въ мѣсяцъ на каждаго человѣка, а пудъ его стоилъ тогда 3 р. 20 к. Воспитанники училища должны были соблюдать всѣ посты, а постныхъ дней по табели было 180. Говядина давалась только въ праздничные и воскресные дни, при чемъ на каждаго ученика отпускалось по полуфунту мяса на человѣка; если же праздники и воскресенья приходились въ постъ, то тогда отпускалось по одной тарани на человѣка, а сотня тарани стоила въ то время 1 руб. 20 к. Надо

сказать, что пищевое довольствіе было высчитано до мельчайшихъ подробностей. Такъ, напр., высчитано было, сколько отпускать на человѣка капусты, луку. Эти продукты, какъ читаемъ въ смѣтѣ, не росли будто бы на тамошнихъ огородахъ, что, кажется, едва ли вѣрнымъ. Капусты полагалось по двѣ головки на человѣка въ мѣсяцъ, а сотня ея стоила 1 руб.; луку по $^1/_2$ вѣнка, а сотня вѣнковъ оцѣнивалась въ 4 р. Молочное довольствіе допускалось только на сырной недѣлѣ, когда ежедневно на каждаго ученика полагалось по $1^1/_2$ ф. сыру, фунтъ котораго стоилъ 2 к. Улучшенный столъ былъ во время Пасхи, для чего отпускалось по 10 к. на человѣка. Все пищевое довольствіе въ годъ стоило 552 р. 20 к. на 50 чел. учащихся. Столъ учениковъ, какъ видно изъ этой табели, былъ самый скромный, именно такой, какой былъ привычнымъ въ той средѣ, изъ которой поступали въ школу. Одинъ разъ въ мѣсяцъ учениковъ водили въ городскую баню, что обходилось по 5 коп. на человѣка. Отпускалась и сумма на говѣнье, по разсчету 10 к. на каждаго воспитанника, что также внесено было въ смѣту.

Въ послѣдующіе годы столъ въ училищѣ былъ нѣсколько улучшенъ; это сдѣлано было по распоряженію кн. Куракина, посѣтившаго училище въ 1807 году. Приказано было увеличить порцію хлѣба, особенно для учениковъ столярнаго и слесарнаго ремеслъ, «по роду работъ ихъ,—какъ писалъ Куракинъ,—требующихъ сильнаго движенія». Было прибавлено хлѣба всего по $^1/_2$ ф. на человѣка, а для учениковъ столярнаго и слесарнаго отдѣленій по $^3/_4$ фунта, что должно было составлять для нихъ полдникъ. Въ 1808 г. былъ опредѣленъ одинъ день въ недѣлю, кромѣ праздниковъ и воскресеній, когда воспитанникамъ давали по $^1/_2$ ф. мяса; если это былъ постъ, то давали рыбу. Такое исчисленіе до мельчайшихъ подробностей продуктовъ практиковалось только въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ существованія училища; въ 1807 г. было назначено на пищевое довольствіе по 7 коп. на человѣка въ день.

Обзаведеніе и оборудованіе училища вообще стоило по тому времени не дешево. При училищѣ была пара воловъ, лошади.

На отопленіе училища и на кухню покупались дрова возами, и каждый возъ стоилъ 25 к., а всего требовалось 1224 воза. Для освѣщенія употреблялись сальныя свѣчи; пудъ ихъ стоилъ 6 руб. Прислуги въ училищѣ полагалось нѣсколько человѣкъ: поваръ, его помощникъ, два дворника; въ числѣ прислуги помѣщенъ «надзиратель изъ отставныхъ солдатъ для всегдашняго надсматриванія за успѣхами и поведеніями учениковъ». Жалованья послѣдній получалъ 50 р. въ годъ. Съ увеличеніемъ числа учащихся были выстроены въ 1811 г. два деревянныхъ корпуса, стоимостью въ 4 тыс. р. съ небольшимъ, а мѣсто было уступлено городомъ по приказанію кн. Куракина, когда вскорѣ послѣ открытія явилась необходимость сдѣлать пристройку и строенія для хозяйственныхъ надобностей. Это расширеніе обошлось въ 1433 р.

Весь бюджетъ училища въ первые годы его существованія былъ около 3 тысячъ асс. Въ 1807 г. онъ былъ значительно увеличенъ, о чемъ хлопоталъ попечитель училища А. Х. Угнаде, представившій довольно подробныя исчисленія. Кн. Куракинъ, одобривъ ихъ, предписалъ Приказу «съ уваженіемъ всѣхъ представленныхъ обстоятельствъ учинить распоряженіе о составленіи новаго штата съ назначеніемъ ремонта всякой вещи, распространивъ уже по таковому новому ремесленнаго училища».

II.

Училище имѣло не мало начальствъ надъ собой. Подчинено оно было Приказу Общественнаго Призрѣнія, которому отдавало отчетъ въ расходованіи суммъ, губернатору, и кн. Куракину, какъ главному начальнику края. Ближайшимъ же начальникомъ училища былъ попечитель, избиравшійся генералъ-губернаторомъ [1]). Первымъ попечителемъ былъ надв. совѣтникъ Карташевскій, но онъ пробылъ очень недолго. Мѣсто его занялъ Арк. Ригельманъ, на долю котораго и выпала главная забота объ устройствѣ учи-

---

[1]) Попечителями были чиновники, такъ какъ трудно и даже невозможно было найти въ то время людей съ технической подготовкой.

лища. Дѣятельностью его кн. Куракинъ, вообще очень требовательный, былъ доволенъ. Въ августѣ 1807 года Ригельманъ оставилъ службу. Куракинъ его представилъ къ награжденію чиномъ (должность эта была коронная), самъ благодарилъ его особымъ письмомъ и предписалъ Приказу Общественнаго Призрѣнія выразить ему благодарность за полезную службу. Преемникомъ ему былъ назначенъ также надворный совѣтникъ, какъ и два предъидущіе, А. Х. Угнаде. Князь Куракинъ, приглашая его на эту службу, писалъ: «Извѣстная мнѣ аккуратность и опытность ваша въ дѣлахъ и то усердіе, которое имѣете къ пользѣ общественной, подаютъ мнѣ поводъ приглашать симъ васъ, милостивый государь мой, къ принятію на себя онаго званія, съ таковымъ съ моей стороны предвареніемъ, что сіе ваше согласіе будетъ ободреніемъ для самаго сего столь полезнаго заведенія, которое останется всегда вамъ обязано къ удовольствію публики». Угнаде не отказался и занялъ это мѣсто, какъ доносилъ Приказъ, «по введеніи его въ познаніе всего должности сей относящагося». При немъ было много сдѣлано улучшеній; имъ намѣчены постройки двухъ новыхъ домовъ, что сдѣлано было послѣ него, при немъ увеличена была смѣта и онъ много заботился о работахъ учениковъ; образовался при немъ и капиталъ училища. Съ уходомъ его, попечителемъ былъ назначенъ Ничволодовъ, при которомъ вскорѣ же и открылось разстройство въ суммахъ ремесленнаго училища. Его тотчасъ смѣнили, хотя суммы всѣ были пополнены, и попечителемъ былъ назначенъ «полковникъ и кавалеръ» Григоровскій. Итакъ, въ теченіе 7 лѣтъ смѣнилось пять попечителей. Всѣ они, конечно, занимались болѣе хозяйствомъ училища, а самыя ремесла были на отвѣтственности мастеровъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію учебнаго дѣла, остановимся на очень интересномъ фактѣ,—образованіи комитета при этомъ училищѣ. Инструкція ему была написана самимъ кн. Куракинымъ. Помимо попечителя, въ составъ комитета входили два чиновника изъ жительствующихъ въ Черниговѣ дворянъ, засѣдатель Приказа Общественнаго Призрѣнія, а также по два человѣка изъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ. Это, кажется, былъ

первый примѣръ въ Россіи привлеченія представителей самого общества къ участію въ школьномъ дѣлѣ. Комитетъ этотъ прежде всего, согласно инструкціи, долженъ былъ вести журналъ своихъ занятій, «дабы упражненіе свое сдѣлать извѣстнымъ, и доносить объ успѣхѣ генералъ-губернатору каждыя двѣ недѣли». Вѣдѣнію комитета подлежала оцѣнка вещей, матерьяловъ, поступающихъ въ училище, для чего онъ долженъ былъ собираться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; онъ долженъ былъ заботиться о сохраненіи этихъ матерьяловъ, слѣдить за справочными цѣнами и «всякія перемѣны представлять на усмотрѣніе генералъ-губернатора». Онъ долженъ былъ принимать задатки за заказанныя работы въ училищѣ, назначать цѣны за издѣлія, взимая не болѣе половины ихъ костоимости. Три раза въ недѣлю, въ послѣобѣденное время, комитетъ долженъ былъ собираться для сочиненія табели, т. е., для составленія росписанія; заботиться относительно пищевого довольствія учениковъ и т. под. Обратимся теперь къ учебному дѣлу. По проекту, начертанному кн. Куракинымъ, въ училищѣ должны быть введены постепенно 14 ремеслъ; но въ разсматриваемый періодъ, о которомъ имѣются у насъ архивныя данныя, были введены съ перваго года пять ремеслъ: столярное, слесарное, рѣзное (по дереву), серебряное и сапожное. Черезъ два года было введено еще токарное.

Во главѣ каждаго ремесла (или класса—какъ называли) былъ мастеръ и подмастерій. Содержаніе ихъ до введенія штатовъ въ 1808 г. не было точно установлено и находилось въ зависимости отъ соглашеній между ними и попечителемъ. Съ каждымъ изъ мастеровъ долженъ быть заключенъ контрактъ, по образцу, начертанному самимъ Куракинымъ. До введенія штатовъ мастера и подмастерья получали отъ 140 до 300 р.; помимо этого имъ выдавалось 30—40 р. квартирныхъ и 25, а чаще всего 30 р. дровяныхъ, т. е. на отопленіе. Сверхъ того мастера получали 20-ый процентъ съ суммы выдѣланныхъ вещей въ училищѣ, и каждый вырабатывалъ 200—205 рублей въ годъ. Съ 1806 г. получали процентъ и подмастерья. Постоянные оклады были введены лишь въ 1808 году и были таковы: большинство мастеровъ

получало жалованья 350 р. въ годъ, токарный мастеръ 450 р., а рѣзчикъ 250 р. Помимо этого, всѣмъ этимъ мастерамъ выдавали по 40 р. квартирныхъ (рѣзчику 30 рублей) и всѣмъ по 30 руб. дровяныхъ. Подмастерья были въ токарномъ классѣ, серебряномъ, впослѣдствіи и въ другихъ и жалованья получали отъ 110 до 195 рублей въ годъ, квартирныя отъ 20—40 р., а одинъ получалъ еще и харчевыя—25 р., но не получалъ за то дровяныхъ. Не всѣхъ мастеровъ можно было достать тогда въ Малороссіи. Рѣзчикъ былъ крестьянинъ Егоръ Ушаковъ, умершій на службѣ въ училищѣ въ 1807 году. Мастеръ по слесарному ремеслу былъ тоже изъ мѣстныхъ, а подмастеріемъ былъ нѣкто Яковъ Крапивенцовъ, выписанный княземъ Куракинымъ изъ тульскаго оружейнаго завода. Очень скоро этотъ Крапивенцовъ занялъ мѣсто мастера, но долженъ былъ оставить его, такъ какъ онъ не имѣлъ права уйти изъ казеннаго завода, и лишь по особому ходатайству кн. Куракина передъ императоромъ мастеру дозволено было остаться въ училищѣ, если онъ поставитъ на мѣсто себя работника въ тульскій заводъ, будетъ уплачивать въ казну ежегодно по 30 р. и также ежегодно представлять въ тульскій заводъ по 12 ружей собственной работы. Послѣдняго условія Крапивенцовъ не выполнялъ, о чемъ и завязывалась постоянная переписка.

Мастерами бывали очень часто иностранцы. За всѣми ими особенно зорко слѣдилъ попечитель Угнаде. Объ одномъ изъ мастеровъ, уроженцѣ Кенигсберга Іоганнѣ Котлибѣ Милле велась долгая переписка. Онъ былъ шорный мастеръ «сѣдельнаго дѣла». Угнаде его уволилъ, находя его «въ искусствѣ мастерства своего посредственнымъ, а въ поведеніи ненадежнымъ», хотя князь Куракинъ былъ имъ доволенъ, такъ какъ по его «классу» выдѣлывалось много интересныхъ вещей [1]).

---

[1]) Въ архивныхъ дѣлахъ имѣется «табель всѣмъ вещамъ» за 1805 годъ, гдѣ перечисляютъ издѣлія училища въ алфавитномъ порядкѣ. Вѣдомость эта подписана членами комитета и попечителемъ училища. Укажемъ на нѣкоторые отдѣлы. По серебряному ремеслу выдѣлывались: серебр. чайныя приборы, кресты, лампады, ножи, вилки,

Желая увеличить продуктивность школы и познакомить мѣстное общество съ тѣмъ, какія именно издѣлія въ ней вырабатываются, кн. Куракинъ предписалъ сдѣлать для образца по каждому ремеслу нѣсколько вещей, которыя и велѣно было хранить въ училищѣ. Интересенъ этотъ реестръ, составленный самимъ кн. Куракинымъ, и его предложеніе губернатору, рисующее состояніе этого училища въ 1807 г., т. е. три года спустя послѣ его открытія. «Здѣшнее ремесленное училище, писалъ князь, уже достаточными способами и знающими мастерами къ продолженію въ немъ ремеслъ оказываетъ довольно хорошій успѣхъ въ разныхъ выдѣлываемыхъ тутъ вещахъ, и слѣдовательно время отъ времени можетъ обращать сугубое на себя вниманіе публики и желающихъ заказывать кому какія угодно въ немъ издѣлія. А посему я признаю нужнымъ имѣть тутъ по каждому ремеслу выдѣлываемыя въ самомъ семъ училищѣ образцовыя вещи, служащія для любопытства посѣтителей и для примѣра при заказахъ ими себѣ вещей. Какія именно по каждому ремеслу должны быть сіи образцовыя вещи, объ оныхъ прилагаю при семъ реестръ и прошу васъ, милостивый государь мой, о приведеніи въ исполненіе учинить начальственное вашего превосходительства распоряженіе съ таковымъ притомъ назначеніемъ, что сіи вещи должны считаться капиталомъ по каждому ремеслу и въ продажу не поступятъ, развѣ пока опять до новой издѣлки, и то не въ скоромъ времени, и безнадобности ихъ не перемѣнять».

Вотъ и реестръ тѣмъ образцовымъ вещамъ, какія должны быть сдѣланы въ училищѣ. По столярному ремеслу: столы (круглый, овальный и карточный) съ бронзою изъ краснаго дерева, маленькій столикъ, большое кресло, небольшое бюро, ларчикъ, рама

подсвѣчники, пряжки, рамы, шпоры, щипцы, и была сдѣлана напрестольная гробница. Продавали по вѣсу отъ золотника, начиная отъ 5 коп. до 40; была одна вещь, продаваемая по 70 к. за золотникъ, это «ланцюжокъ» (цѣпочка). По слесарному: замки, трубы, задвижки, винты, вало́ны, кровати, коробки, стволы. По токарному: ручки, роговыя головки, самопрядки, шпуги и т. п. По столярному—всевозможная мебель.

для зеркала, ящичекъ для чая или табаку—и все это изъ краснаго или чернаго дерева съ бронзой. Помимо этого, изъ ольхового дерева должны быть слѣд. вещи: бюро съ шкафомъ, два стула, софа и табуретъ, и др.—всего 14 вещей. По рѣзному отдѣленію: ваза, съ цвѣтами на ней, рама для императорскаго портрета, 6 образцовъ портретныхъ рамъ, рама зеркальная, кіотъ для образа и разная порѣзка. По слесарному: замки, печать, шпоры, ножницы, ширмы, зонтикъ «для писанія на свѣчу» и «особенная штучка для погашенія оной», канфорка съ плитою, всего 12 штукъ. По серебряному: чайный приборъ, вѣсомъ не менѣе 6 ф., чеканная лампада, чернильный приборъ, курительница, ложки столовыя и чайныя и лопатки для масла и сыра. По сапожному: ботфорты, сапоги, башмаки, спальныя сафьяновыя туфли и два сѣдла.

Многое изъ этого перечня выдѣлывалось и ранѣе, и мы имѣемъ документальныя данныя, указывающія сумму выручки отъ продажи издѣлій училища. Въ 1805 году было выручено 867 р. 38 к., въ 1806 г.—1538 р. 80 к., въ 1807 г.—1450 р. 96 к., въ 1808 г.—1907 р. 12 к., а къ 1 января 1811 года сумма эта (барышная, какъ ее называли) достигла до 4145 р. 47 к. При окончаніи курса, ученикъ получалъ половину стоимости выработанныхъ имъ за послѣдніе три года вещей.

Работы въ училищѣ, видимо, шли успѣшно; само училище хорошо зарабатывало продажей вещей, да и кн. Куракинъ не жалѣлъ средствъ поставить это училище хорошо. Въ 1808 году, училище имѣло слѣдующія суммы: на покупку матерьяловъ 1046 р. 50¾ к., «барышной» отъ продажи вещей 1907 р. 12 к., матерьяловъ для выдѣлыванія разнаго рода вещей на 3973 руб. 78 к. и инструментовъ на 2442 р. 2 к. Бюджетъ же на учебное дѣло съ этого года былъ увеличенъ до 4435 руб. асс. Изъ «барышной» суммы отпускалось съ 1807 г. триста пятьдесятъ рублей на жалованье помощнику попечителя,—новая должность, введенная княземъ [1]).

---

[1]) Мастера брали и частныя работы, что строго преслѣдовалось. Съ цѣлью прекратить это, разрѣшено было взимать съ виновныхъ въ

Преемникъ кн. Куракина по должности малороссійскаго генералъ-губернатора кн. А. И. Лобановъ-Ростовскій нѣсколько уменьшилъ жалованье служащимъ; такъ, бухгалтеру и его помощнику сократилъ на 50 р., эконому же вмѣсто 250 р. велѣлъ выдавать только 150 р На пятьдесятъ рублей съ 1808 г. сокращено и учителю ариѳметики; это былъ единственный общеобразовательный предметъ въ этой школѣ.

Таковы данныя, извлеченныя изъ архивныхъ дѣлъ о ремесленномъ училищѣ въ Черниговѣ и заботахъ о немъ князя А. Б. Куракина. О дальнѣйшей судьбѣ этого интереснаго учрежденія намъ пока не удалось еще отыскать свѣдѣній въ нашихъ источникахъ. Прибавимъ лишь, что въ губернаторскомъ домѣ въ Полтавѣ и въ настоящее время существуетъ мебель работы этой школы—письменный столъ и стулья изъ корельской березы. На письменномъ столѣ, въ ширину его, вырѣзана надпись: «Черниговское ремесленное училище, 1818 года», изъ чего можно заключить, что школа въ этомъ году еще существовала.

И. Фр. Павловскій.

первый разъ штрафъ въ два раза больше стоимости работы, во 2-й — въ четыре раза, а затѣмъ уже взыскивать на основаніи закона, какъ за ослушаніе.

Общее направленіе образованія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія.[1]

Насколько многосложныя и потому не скоро и не легко удовлетворимыя задачи представляетъ собою разработка исторіи прошлой жизни нашей Академіи,—это достаточно извѣстно ученымъ труженникамъ, посвящающимъ изслѣдованію минувшихъ академическихъ судебъ долгіе годы самой напряженной энергіи.

Какъ наша Alma Mater выполняла свое назначеніе, служить которому она выступила въ пору, весьма грозную для православія юго-западной Руси; въ чемъ именно проявились со стороны Академіи ея заслуги для православной церкви, русской народности и нашего отечественнаго просвѣщенія; какая при этомъ обнаруживалась съ ея стороны степень напряженія силъ; какими она пользовалась средствами и какихъ достигала результатовъ и въ охраненіи православной вѣры, и въ движеніи и разработкѣ преподававшихся ею наукъ, и въ поднятіи общаго уровня образованности въ нашемъ государствѣ,—вотъ что, думаемъ, непремѣнно должна явить о себѣ на своихъ скрижаляхъ обстоятельная исторія Кіевской Академіи.

---

1) Рѣчь, сказанная 18 декабря 1903 г., предъ защитой магистерской диссертаціи: «Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія (Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время)».

Одно лишь приблизительное представленіе всей подавляющей массы того документальнаго матеріала, собрать и изучить который необходимо для столь многосторонней исторіи, безъ сомнѣнія, должно смущать каждаго, знакомаго съ кропотливостью и медленностью поисковъ и занятій въ архивахъ, подъ густыми слоями пыли скрывающихъ дѣла давно минувшихъ дней. Работа въ этихъ хранилищахъ памятниковъ прошлаго нашей Академіи не можетъ быть выполнена единичными лицами. Нуженъ трудъ коллективный, дружный, долгій и упорный...

Лично на нашу долю выпала честь около восьми лѣтъ изучать сравнительно небольшой періодъ изъ жизни воспитавшей насъ Академіи, именно,—періодъ съ 1701 по 1750 годъ. Плодомъ нашихъ изысканій и явилось изслѣдованіе, подлежащее суду нынѣшняго почтеннаго собранія. Изучили мы избранную нами эпоху академической жизни далеко не въ полныхъ предѣлахъ тѣхъ широкихъ задачъ, какія, по нашему крайнему разумѣнію, лежатъ на научной исторіи учебнаго заведенія. Мы ограничили свое изслѣдованіе скромною цѣлью, во 1-хъ, провѣрки и во 2-хъ, возможнаго для насъ (при нашихъ служебныхъ обязанностяхъ) восполненія новыми данными того, что уже извѣстно объ Академіи за избранный нами періодъ времени по прежнимъ спеціальнымъ трудамъ о ней В. Аскоченскаго и іеромонаха (впослѣдствіи митрополита московскаго) Макарія (Булгакова).

На основаніи по крупицамъ собранныхъ, крайне отрывочныхъ и часто неясныхъ данныхъ, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ, мы въ своемъ изслѣдованіи изобразили внѣшнюю жизнь Академіи: очертили систему ея управленія, дали перечень ея административныхъ лицъ, правда, безъ желательной характеристики направленій ихъ администраціи (для подобной характеристики источники, бывшіе въ нашемъ распоряженіи, мы нашли мало достаточными); раскрыли, какими матеріальными средствами жила въ ту пору Академія, гдѣ и какъ она помѣщалась, какими средствами содержались ея профессора и студенты. Изображеніе же внутренней ея жизни, ея учебно-образовательной дѣятельности,—при массѣ сырого и при томъ трудно читаемаго матеріала, съ его

особенною латынью и спеціальною терминологіею, съ особыми рукописными сокращеніями, условными знаками, обиліемъ описокъ, искаженій смысла словъ (напр., собственныхъ именъ) и цѣлыхъ предложеній, съ немалымъ числомъ этимологическихъ и синтаксическихъ ошибокъ,—мы сдѣлали въ объемѣ невеликомъ, достаточномъ *только* для *общаго* сужденія объ основномъ характерѣ и направленіи академической науки, отчасти объ ея источникахъ и главныхъ моментахъ ея развитія.

Наше (сравнительно ограниченное) изученіе внутренняго строя жизни Кіевской Академіи привело насъ къ убѣжденію, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія Кіевская Академія оставалась неизмѣнно вѣрною своей исторической задачѣ—отвлекать православное юношество отъ обученія въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ «да не отъ чуждаго источника (тамъ) пиюще, смертоноснаго яда западния схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся».

Въ достиженіи такой задачи Академія (мы нашли) пользовалась школьной системой іезуитскихъ и піарскихъ школъ,—въ той, разумѣется, мѣрѣ, насколько ихъ система могла быть примѣняема ею у себя *безъ явнаго ущерба православію*, служить интересамъ котораго Академія считала своимъ священнымъ призваніемъ.

Направленіе всѣхъ наукъ академическаго курса было, можно сказать, чисто формальнымъ. Во все время своего образованія въ Академіи студентъ долженъ былъ вращаться почти въ однѣхъ формахъ: отъ формъ языка онъ переходилъ къ формамъ піитической и риторической рѣчи, отъ формъ рѣчи—къ формамъ мысли; наконецъ, всѣ эти формы онъ пріучался прилагать къ разнымъ богословскимъ положеніямъ, которыя и являлись почти главнѣйшимъ ихъ содержаніемъ.

Понятно, такое направленіе академическаго образованія въ первой половинѣ XVIII столѣтія нельзя назвать высокимъ. Но и осуждать за него Академію—съ исторической точки зрѣнія—нельзя, въ виду той неоцѣнимой пользы, какую принесла Ака-

демія, при такомъ направленіи своего образованія, православной церкви, русской народности и русскому просвѣщенію.

Академія держалась отмѣченнаго нами направленія въ образованіи потому, что оно въ то время было господствовавшимъ въ популярныхъ тогда латино-польскихъ іезуитскихъ и піарскихъ школахъ. Выступивши въ противовѣсъ этимъ школамъ, чтобы прекратить стремленіе туда русскихъ юношей и тѣмъ сохранить ихъ членами православной церкви, Академія видѣла легчайшее средство для достиженія своей задачи во введеніи у себя по возможности того, что было тамъ, и что манило туда русскихъ юношей (сообщивъ лишь всему вводимому духъ, соотвѣтствующій своимъ православнымъ цѣлямъ). Конечно, поступивши такъ, Академія не ошиблась. Она стала такимъ путемъ почти на одномъ учебно-образовательномъ уровнѣ съ латино-польскими школами; сообщая въ своихъ аудиторіяхъ почти то же, что могли дать и онѣ, Академія тѣмъ самымъ и отвлекла отъ нихъ православныхъ юношей.

Но Академія не обольщалась своимъ успѣхомъ, пріобрѣтеннымъ *такимъ* путемъ. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей она сознавала, что достигаетъ своей цѣли, хотя и довольно вѣрными, но, сравнительно не высокими пріемами, *рабствуя* предъ латино-польскою ученостью; она признавала, что эта ученость не такъ высока, чтобы на ней успокоиться, и была убѣждена, что ей самой необходимо стать на самостоятельную научную дорогу. Выразителемъ этого сознанія въ изслѣдованное нами время былъ знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ (скончавшійся въ санѣ архіепископа новгородскаго). Онъ рѣзко осудилъ латино-польское направленіе академической науки; самъ почти всю ее поставилъ на новый, болѣе высокій путь и своимъ соработникамъ-профессорамъ, оставляя Академію, далъ совѣтъ: «*не идти только по дорогѣ, протоптанной другими учеными, но слѣдовать самостоятельнымъ научнымъ воззрѣніямъ*, которыя, рождая солидную ученость, образуютъ знатоковъ, а не торгашей науки. Такого рода самостоятельныя научныя воззрѣнія,—говоритъ онъ,—никогда не стыдились являться предъ обществомъ, и просвѣщен-

ному міру *уже опротивѣла до тошноты* (если можно такъ выразиться) *та наука*, которая не истекаетъ изъ первоначальныхъ источниковъ, но капля по каплѣ *въ испорченномъ видѣ* течетъ сквозь пожелтѣвшую бумагу изъ болотъ неискусныхъ потѣшныхъ учителей (скомороховъ--ludimagistrorum), и не оставляетъ въ умахъ человѣческихъ ничего, кромѣ глупаго убѣжденія въ собственной мудрости, какого-то мрака, сновидѣнія и призрачности»... [1])

Безспорную цѣну заслугъ Ѳ. Прокоповича для академической науки и несомнѣнную справедливость указаннаго имъ пути ей профессора Академіи не могли не признавать, и нѣкоторые изъ нихъ въ изложеніи академическихъ наукъ слѣдовали лекціямъ Ѳ. Прокоповича. Но ни одинъ изъ нихъ не смогъ все-таки пойти личнымъ самостоятельнымъ усердіемъ по дорогѣ, открытой и начатой великимъ новаторомъ, чтобы внести лепту своего труда на созданіе собственной православно-русской науки, которая бы стала выше латино-польской; а большинство ихъ,—вполнѣ спокойно и увѣренно, какъ бы совсѣмъ не зная про дѣло Прокоповича,—шло въ своихъ лекціяхъ по традиціонной до-Ѳеофановской стезѣ.

Одной изъ причинъ этого, по нашему мнѣнію, была матеріальная бѣдность Академіи въ изслѣдованное нами время. Она лишала Академію всякой возможности быть знакомой съ лучшими теченіями въ наукѣ, зарождавшимися тогда въ Западной Европѣ, даже *путемъ литературнымъ*. Заключать такъ можно по тому сожалѣнію, какое выражали профессора Академіи о тратѣ времени и силъ на изученіе іезуитско-схоластическихъ твореній, когда имъ случайно попадалось въ руки какое-нибудь новѣйшее сочиненіе, болѣе или менѣе далекое отъ обычнаго схоластицизма. Напр., Георгій Конисскій, уже будучи посвященнымъ

---

[1]) Такъ писалъ Ѳ. Прокоповичъ профессорамъ Кіевск. Академіи предъ своимъ посвященіемъ во епископа, сложивъ съ себя званіе ея ректора. См. «Труды Кіевск. духовн. Академіи», 1865 г., т. I, письмо 3-е, стр. 158.

во епископа Бѣлорусскаго, давая 13 сентября 1755 г. кіевскому митрополиту отзывъ о присланныхъ ему послѣднимъ для разсмотрѣнія (въ видахъ введенія въ Академіи въ качествѣ учебниковъ) философіяхъ Баумейстера и Пурхонія, между прочимъ, писалъ: «Я окружно (цѣликомъ) не вичиталъ, якожъ и *не имълъ* ихъ, когда самъ въ философіи по должности, на мене бывшей положенной, упражнялся, что особливо за *нещастіе* свое причитую, ибо на смѣттяхъ интерпретовъ Аристотелевихъ времени всуе не потерялъ бы было» [1]).

Другія причины отмѣчены нами въ самомъ нашемъ изслѣдованіи.

Подняться на самостоятельную научную дорогу, выработать собственную научную систему Кіевская Академія въ первую половину XVIII-го столѣтія не смогла: по многимъ *неизбъжнымъ* обстоятельствамъ Академія рабствовала предъ латино-польскою наукою.

Къ сожалѣнію, такая рабская зависимость временами *невольно* приводила Академію къ нѣкоторымъ отступленіямъ отъ православія (см. наше изслѣдованіе, стр. 221—232), къ уклоненію мыслей ея профессоровъ относительно тѣхъ или иныхъ богословскихъ вопросовъ въ католицизмъ. Но мы убѣдились, что мнѣнія не православнаго характера являлись у профессоровъ тогдашней Академіи, если можно такъ выразиться, безсознательно, т. е. *безъ отчетливаго представленія ихъ* достоинства. Отступленія Кіевской Академіи отъ православія въ изученную нами эпоху могутъ быть трактуемы, какъ наслѣдіе отъ XVII-го столѣтія, когда, при отсутствіи собственныхъ опредѣленныхъ и устойчивыхъ богословскихъ воззрѣній, въ южно-русской церкви (и въ Кіевской Академіи), подъ вліяніемъ діалектически сильнаго католичества, легко могли утверждаться мнѣнія неправославнаго характера. Но въ первой ужъ половинѣ XVIII-го столѣтія, по мѣрѣ укрѣпленія богословской мысли въ Кіевской Академіи, временныя

---

[1]) Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 50.

отступленія ея отъ православія мало-по-малу исчезали изъ лекцій ея профессоровъ, такъ что вліяніе католическихъ богословскихъ руководствъ на эти лекціи хотя было большимъ, но по отношенію къ православной догмѣ *постепенно* оказывалось лишь формальнымъ, внѣшнимъ, *почти* не воспринимавшимся въ самое существо православнаго ученія. И профессора Академіи, подчиняясь такому вліянію католическихъ руководствъ съ формальной стороны, не щадили никакихъ авторитетовъ тамъ, гдѣ нужно было защищать внутреннее содержаніе понимаемаго ими православнаго ученія.

Профессора Кіевской Академіи, разоблачая несомнѣнныя для нихъ католическія отступленія отъ православія, смѣло называли католическую церковь, богословскими трудами которой сами пользовались для составленія своихъ лекцій, *схизматическою* и даже еще рѣшительнѣе—*еретическою*. «Римляне, *schismatici*, *haeretici*, *novatores*, утверждаютъ, что Духъ Святой исходитъ не отъ Отца только, но и отъ Сына» [1]). Такъ мы читаемъ въ томъ самомъ курсѣ профессора-іеромонаха Иннокентія Поповскаго, гдѣ онъ держится католическаго ученія по нѣкоторымъ вопросамъ. Отсюда наше мнѣніе, что если ученые Кіевской Академіи повинны въ нѣкіихъ уклоненіяхъ въ католическія заблужденія, то повинны въ малой степени. Ихъ уклоненія, видимо, происходили по невѣдѣнію, какъ *правильнѣе*, *православно* мыслить по тому или другому богословскому вопросу. Если бы они были *хорошо* знакомы съ ученіемъ Восточной церкви, съ твореніями ея отцовъ и учителей,—несомнѣнно, они твердо устояли бы въ православіи, защита котораго была цѣлью дѣла и жизни кіевскихъ ученыхъ. Но при незнаніи греческаго языка (до 1740-хъ годовъ), при необходимости дать богословскую пищу своимъ ученикамъ, не худшую той, какую давали католическія учебныя заведенія, они *вынуждены были* пользоваться католическою богословскою литературою; а эта литература по инымъ вопросамъ смущала ихъ мысль,

---

[1]) Рукопись библ. Кіево-Соф. собора, № 220, л. 166, disputatio 6-ta, sectio 1-a.

не имѣвшую, на чемъ твердо опереться, и порой склоняла ее въ католическія заблужденія.

Не будучи, такимъ образомъ, въ состояніи (при отсутствіи почти всякихъ средствъ къ тому) подняться выше латино-польской науки, и чуть не по необходимости рабствуя предъ нею, повторяя ее, лишь съ сообщеніемъ ей *по возможности* православнаго духа, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го вѣка и этимъ путемъ съ полнымъ успѣхомъ выполняла свое православно-историческое призваніе, чѣмъ содѣйствовала укрѣпленію національнаго единства на Руси, ограждая ея юго-западные предѣлы отъ религіознаго и *eo ipso* политическаго вліянія фанатической Польши. Не даромъ же Кіевская Академія была столь ненавистною для латино-польскаго духа!.. Ея питомцевъ католическія учебныя заведенія не желали принимать къ себѣ, смотрѣли на нихъ, какъ на «волковъ отъ лѣсовъ кіевскихъ», увѣренно опасаясь, что каждый изъ нихъ, получивъ у нихъ образованіе, направитъ силу его противъ нихъ же самихъ, подобно Ѳеофану Прокоповичу. Порою это высказывалось католиками съ озлобленною откровенностью [1]).

---

[1]) Напримѣръ, ректоръ Виленской католической Академіи, въ 1728 году, въ своемъ письмѣ къ папскому нунцію въ Варшавѣ (нунцій переслалъ это письмо въ Римъ къ префекту Священной конгрегаціи о распространеніи вѣры), между прочимъ, вотъ что писалъ о Петрѣ Коссѣ или Кулябкѣ (Кулябка, вѣроятно, учился въ Кіевской Академіи до философіи, затѣмъ, во Львовской іезуитской коллегіи; въ 1726 году онъ поступилъ въ Виленскую Академію): «...Ille (Петръ Коссъ) non sit origine Moschus, sed Kozachus, non Koss, sed Kop dictus, cujusdam poponis prope Kijoviam filius, Leopoli dum scholas nostras frequentasset, se schysmaticum publice profitebatur. Postea Lublini dum studia tractaret, unitum se esse simulabat. Demum ubi ad Academiam Vilnensem venit, catholicum se esse mentiebatur». *)

---

*) *Переводъ*: Онъ родомъ не москвичъ, но козакъ, и не Коссъ, но Копъ *(сора—трактиръ)* по прозванію, сынъ какого-то трактирщика подлѣ Кіева; пока посѣщалъ наши школы во Львовѣ, явно исповѣдывалъ православіе. Потомъ, пока проходилъ науки въ Люблинѣ, притворялся уніатомъ; впослѣдствіи-же, когда перешелъ въ Виленскую академію, показывалъ видъ, что онъ католикъ.

Съ другой стороны, своею,—по существу хоть не высокою, но въ ту пору у насъ, на Руси высшею,—наукою Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія имѣла универсально-*образовательное* значеніе для всей Россіи, давая въ лицѣ своихъ питомцевъ главнѣйшихъ просвѣтителей нашему отечеству. Многіе ея воспитанники въ первой половинѣ XVIII вѣка заводили въ разныхъ концахъ Россіи училища, давали имъ такое же устройство и сообщали имъ тотъ же православно-церковный духъ, какой они выносили изъ своей almae matris. И можно сказать, почти всѣ училища Россіи того времени обязаны или своимъ возникнове-

Кулябка намѣренъ былъ отправиться въ Римъ для продолженія своего образованія. Ректоръ Виленской Академіи въ дальнѣйшихъ словахъ своего письма и поясняетъ, что цѣль Кулябки въ томъ, «ut ibi (въ Римѣ) solide eruditus, ad schismaticos suos redeat, et ecclesiae catholicae in Moscho erudito gravius noceat, quam si esset rudior. Prout plurimi alii ejusdem farinae homines in academiis catholicorum idem antea fecerunt, ut nouissime aliquis dictus *Prokopowicz*, similiter Kozachus, sive Ukrainensis, nam Ukraina est Kozachorum patria, qui ordinem patrum Basilianorum ingressus et ab iisdem Romam pro tractandis studiis missus, ibique emenso studiorum curriculo, postea a fide et a religione apostata factus, in Moschoviam profugit, ibique nunc est supremus, utpote doctissimus inter suos spirituales, et graviores in illam gentem induxit errores, quam fuerint antea, nam per eum stetisse dicitur, quod adhuc vivente praeterito czaro, sit typis mandata reformatio religionis Graecae, plus de Calvino, quam schysmate redolens»...*) И въ другомъ мѣстѣ пишетъ: «...quidam religiosus

*) *Переводъ*: ...чтобы тамъ (въ Римѣ) совершенно обучившись, возвратиться къ своимъ православнымъ и въ Московіи вредить католической церкви сильнѣе, чѣмъ если-бы онъ былъ невѣжественнѣе. Подобно тому, какъ многіе другіе люди изъ того-же тѣста въ академіяхъ католическихъ то-же самое дѣлали, такъ въ самое послѣднее время поступилъ какой-то по прозванію Прокоповичъ, почти что козакъ, или украинецъ, потому что Украина есть родина козачества; онъ, вступивши въ орденъ отцовъ Базиліанъ и будучи ими посланъ въ Римъ для изученія наукъ и тамъ закончивши курсъ обученія, впослѣдствіи сдѣлавшись отступникомъ отъ вѣры и религіи, ушелъ въ Московію и тамъ теперь является наивысшимъ, какъ наиболѣе образованный среди своихъ, и возбудилъ въ этомъ народѣ еще большія заблужденія, чѣмъ были раньше. Ибо, благодаря ему, какъ говорятъ, случилось то, что еще при жизни прежняго царя было предпринято реформированіе учрежденій

ніемъ, или своимъ ростомъ, или своимъ внутреннимъ строемъ Кіевской Академіи.

Вотъ въ чемъ заслуги, величіе и слава нашей Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія!

Чѣмъ дружнѣе и быстрѣе пойдетъ теперь обнародованіе и изданіе церковно-историческихъ матеріаловъ XVIII-го столѣтія, тѣмъ яснѣе и величественнѣе станетъ выступать во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей яркости сила Кіевской Академіи, какъ великой въ ту пору носительницы и, быть можетъ, главной спасительницы въ юго-западной Руси нашего православно-русскаго націонализма!

Охватить весь этотъ матеріалъ намъ, быть можетъ, и не суждено... Мы, что могли, то́ и сдѣлали для исторіи родной намъ Академіи. А какъ сдѣлали, судъ объ этомъ принадлежитъ нашимъ глубокоуважаемымъ г.г. оппонентамъ. Ихъ слова мы примемъ, какъ авторитетную оцѣнку нашего посильнаго труда...

Димитрій Вишневскій.

Romae in studiis Czerczycki, in Ukraina vero *Prokopowicz* nuncupatus fuerat, qui ibidem perversis modis acquisitam Romae sapientiam Kijoviam portavit et factus est schismaticus et archiepiscopus Moschoviae...»*) («Сводная Галичско-Русская Лѣтопись съ 1700 до конца 1772 г.», А. С. Петрушевича, ч. 1-я, Львовъ, 1887 г., стр. 316—321; сн. наше изслѣдованіе: «Кіев. Акад. въ первой половинѣ XVIII стол.», Кіевъ, 1903 г., стр. 327—8, примѣч.; сн. «Кіевская Старина» 1890 г.: «Автобіографическая «сказка» малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. Лукомскій «въ Польши..., ради преслѣдованія за благочестіе греческаго исповѣданія и что *(онъ)* малороссіянинъ, не моглъ... долѣе *(полученнаго въ Кіевской Академіи)* ученія своего имѣть», почему и возвратился (снова) въ Кіевъ для слушанія здѣсь, въ Академіи, богословскаго курса).

греческой вѣры, болѣе сообразное съ католицизмомъ, чѣмъ съ православіемъ (схизмою).

*) *Переводъ:* ..какой-то Черчицкій, благочестиво воспитанный въ Римѣ, въ Украинѣ переименованъ былъ *Прокоповичемъ,* и тамъ пріобрѣтенную въ Римѣ мудрость нечестивыми способами въ Кіевъ перенесъ и сдѣлался схизматикомъ и архіепископомъ въ Московіи.

Степная Лубенщина[1]).

Глава 1-я.

Юго-восточное побережье Сулы въ предѣлахъ Лубенскаго уѣзда. Великоселецкая волость.

Древній Лукомль и его окрестности. Лукомскіе пожары. Иржавцы и Селецкія.

На высокой горѣ надъ Сулой дремлетъ старый сторожъ Лубенщины, нѣкогда городъ, Лукомль, теперь мѣстечко Лукомье. Возникъ ли онъ раньше княженія Владиміра св. или тогда, когда послѣдній «нача ставити городы по Сулѣ», достовѣрно неизвѣстно; въ лѣтописи Лукомль упоминается только въ 1179 г. по поводу набѣга Кончака на Переяславльское княжество[2]). Вообще въ княжескій періодъ русской исторіи Лукомль сохранялъ стратегическое значеніе, прикрывая правый берегъ Сулы отъ набѣговъ кочевниковъ, и затѣмъ раздѣлилъ судьбу всей Переяславльской земли, палъ подъ ударами татаръ, надолго опустѣлъ и обновленъ только въ концѣ XVI в. Но уже въ слѣдующемъ вѣкѣ несчастный городокъ, неуспѣвшій еще обжиться, опять разоряется своими и чужими; такъ въ 1638 г. Конецпольскій, по сдачѣ Пав-

---

1) См. «Средняя Лубенщина» въ «Кіевской Старинѣ» 1903 г., IX—XII-я.

2) Ляскоронскій. Ист. Переясл. земли. Кіевъ 1897 г., 185.

люка, занявъ городъ, истреблялъ мѣстное населеніе, вѣшалъ и обливалъ людей на морозѣ [1]), а въ 1662 г. Юрій Хмельницкій «якъ шаленый много невинного народа вырубалъ» и вырубилъ бы весь, если бы не былъ удержанъ Паисіемъ; орда же набрала ясиръ въ Лубенскомъ полку. Въ 1679 г. Хмельницкій съ крымской ордой опять «бѣгалъ загонами до Лукомля», жегъ села и убивалъ людей вокругъ [2]).

И теперь еще о пережитыхъ временахъ свидѣтельствуютъ какъ окружающія Лукомье земляныя сооруженія—аванпостные курганы и валы, все еще грозные, такъ и слѣдующія народныя преданія. «Надъ горою йе Сторожева могыла, тамъ стоявъ стовпъ и сторожъ. Кажуть, якись забигы булы, татары хапалы людей. А на толоци по Костолесову жалы давнійшъ люде. Сторожъ бачыть, шо заходять чужоземци, випъ виху якъ похылыть на Лукомья и люде тикають у крипость. И тоци сторожъ сида на коня и скильки заскочыть тика. Тоди було якъ сонце на пивдень, то иды до-дому, а то піймають».

Отъ Сторожевой могилы къ мѣстечку разстилается обширный выгонъ [3]). Роздолъ, полный маленькихъ могилокъ, значеніе которыхъ не выяснено. У самаго мѣстечка Роздолъ перегороженъ былъ валомъ во всю ширину отъ берега рѣки до спуска въ предмѣстье Чирковку. Чрезъ этотъ первый валъ проѣзжали Лубенскими воротами, по преданію чугунными. Теперь валъ сгладился, и только у самой дороги видны еще небольшіе круглые остатки. Если этотъ валъ принять за основаніе, то древняя, горная часть мѣстечка представится въ видѣ равносторонняго треугольника или мыса [4]), къ востоку глубоко вдавшагося въ долину Сулы и окру-

---

[1]) Костомаровъ. Борьба козак. съ Польш. 228.

[2]) Лѣтоп. Величка. II, 22, 29, Бѣлозерскій. Южнор. лѣтоп. Кіевъ 1856 г., 83, Рубанъ, Кратк. лѣт. Мал. Рос. 136, Антоновичъ и Бецъ. Истор дѣят. 40, 44.—Въ 1670 г. Лукомлемъ владѣлъ Дорошенко. Костомаровъ, Руина. Вѣстн. Евр. 1879 г., IX, 13.

[3]) Въ 300 десятинъ. Сборн. Хоз. стат. полт. губ., IV. луб. у. 239.

[4]) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. Харьк. 1888 г., 329.

женнаго съ остальныхъ трехъ сторонъ рѣкой, лугами и болотами. Къ валу прилегаетъ Бублыкивка, заселенная козаками Бублыками, давшими названіе кутку, Вольскими, Личками, Юркевичами и Якимовскими. На Бублыкивкѣ расположена узкая, неправильнаго очертанія базарная площадка, тѣсно застроенная, какъ и примыкающая къ ней улица, домами, лавками, сараями. Между постройками изрѣдка зеленѣютъ деревья: бересты, вишни, сливы и яблони, трудно разводимые на безжизненной почвѣ, смѣшанной съ углемъ и кирпичемъ, въ которой, между прочимъ, нашли и бронзовыя стрѣлы [1]). Обширное значеніе Лукомскихъ базаровъ, служащихъ рынкомъ для сбыта мѣстной рыбы не только жителямъ лубенскаго и смежнаго хорольскаго уѣздовъ, но и дальнимъ торговцамъ изъ Пирятина, Прилукъ, Лохвицы и Кременчуга, привлекло въ Лукомье евреевъ, поселившихся вокругъ базара на сосѣднихъ грунтахъ. По воскресеньямъ, въ базарные дни площадка и сосѣднія улицы запружены повозками, крестьянами, евреями, разодѣтыми молодицами и дивчатами, точно на ярмаркѣ. Нарядная толпа наполняетъ и новую, просторную Успенскую церковь съ хорами, стоящую поодаль на толокѣ, построенную въ 1899 г.; но иконостасъ въ ней старый, несоотвѣтствующій размѣрамъ церкви. Изъ старыхъ образовъ обращаетъ на себя вниманіе изображеніе Пр. Дѣвы Маріи съ очень круглымъ румянымъ лицомъ, въ массивной серебряной шатѣ, украшенной цвѣтами. Сверхъ шатъ на шеѣ привѣшено много нитокъ бусъ, а внизу образа—лентъ, коралловъ и серебряныхъ привѣсокъ [2]).

---

[1]) Ляскоронскій. Ист. Переясл. земли. 98.

[2]) Образъ великъ—въ арш. ширины и $1^1/_2$ арш. вышины, кромѣ того сохраняются слѣдующія старинныя книги съ надписями: 1) 1734 г., іюня 3 дня, сія книга, называемая Минеей, отмѣнена ея милостью пани сотниковой Лукомской Маріей Ивановной за отпущеніе грѣховъ своихъ и пана своего Мартына Ходинця и надана до храму Успенія Пр. Богородицы въ городѣ Лукомьѣ священствовавшимъ онаго времени Максимомъ и Іоанномъ Левицкими братьямъ; 2) въ року 1737 сіе евангеліе первѣе трудомъ и коштомъ отмѣнено его милости паномъ Андреемъ Даниловичемъ Ревою надано до храму Успенія Пр.

Къ Сѣверу отъ базара за небольшой впадиной по самой срединѣ мѣстечка возвышается бугоръ, бывшій городъ великокняжескаго времени, и теперь называемый городкомъ; окруженный хорошо сохранившимся валомъ сажня въ три вышины и четыре—ширины. Посрединѣ въѣздъ въ крѣпость, надъ которымъ стояла башня (дзвиныця), по Ляскоронскому [1])—городныця, и въ ней вторыя, также чугунныя, ворота, названныя въ Румянцовской описи замковыми. Къ сѣверу городской валъ сливается съ обрывистой горой; отъ него внизъ бѣгутъ тропинки, по которымъ лукомскія дѣвицы ходятъ къ Сулѣ за водой, такъ какъ въ Лукомьи нѣтъ колодцовъ; отсюда же видна вдоль горы зеленѣющая впадина или рытвина, шириной около сажня—слѣдъ подземнаго хода къ рѣкѣ. Этотъ подземный ходъ принадлежалъ къ упоминаемымъ Кулишомъ [2]) сховищамъ, т. е. длиннымъ погребамъ, ходникамъ, тайникамъ и корридорамъ, характеризовавшимъ опасныя мѣста, въ которыхъ укрывали скарбъ, хлѣба, утварь, даже скотъ. О немъ старожилы говорятъ: «Тры лёхы булы ажъ пидъ церкву и до воды; и двери йесть изъ одного лёха въ другый. Лазылы люде,—тильки пролизты чоловику, тай

Богородицы въ городъ Лукомль за отпущеніе грѣховъ своихъ и жены своей и чадъ своихъ за настоятеля іерея Іоанна Левицкаго, сотника Іоанна Пиковца и атамана Романа Ревы; и 3) сія книга священное Христово Еѵангеліе Благовѣрнаго мужа, представившагося козака Власа Нора, а старательствомъ его милости пана Атамана Сѣчи Запорожской куреня Батуринскаго Петра Цигана и всего товариства совѣтомъ благимъ сдѣлано и надано до храму Успенія Пр. Богородицы въ городъ Лукомль для поминовенія въ той Успенской церкви отъ представшагося Власа о упокоеніи во вѣчно блаженной жизни, а въ живыхъ обрѣтающихся о здравіи и благосостояніи. А принялъ оное евангеліе отъ рукъ двухъ козаковъ Сидора Чеберяченка и Карпа Кручка. Тогда будучи при оной церкви настоятелемъ и намѣстникомъ Іоаннъ Левицкій. А прилѣжаніемъ родимца Лукомского Ивана Никитича Караня. Въ 1760 г. въ мѣсяцѣ іюнѣ 4 за содержащимъ тогда урядъ и чинъ сотничества Господина Стефана Пиковецъ.

[1]) Истор. Переясл. земли, 471.

[2]) Истор. возсоедин. Руси. С.-Петерб., 1874 г., III, 273.

тильки». Теперь не только подземный ходъ завалился, но и самая рѣка, протекавшая еще въ XVIII в. въ 60-ти саженяхъ отъ вала [1]), оттѣснена отъ горъ наносомъ гораздо дальше въ долину, и только весной узкій ручей прорывается и обозначаетъ старое русло. Внизу въ оврагѣ лежитъ валунъ краснаго крупно-зернистаго пегматита [2]) въ $2^1/_2$ арш. длины, такой же ширины и до 2 арш. высоты, сверху полукруглый. Съ этимъ камнемъ связано слѣдующее мѣстное преданіе: «Якъ непріятелька вбиралась зъ Лукомья, то зняла зъ себе сорочку та сунулась зъ горы голою ажъ у нызъ и казала: «Щобъ таке голе Лукомья було!» Черезъ то воно й голе. А іи чоловика голова и шляпа зостались у Лукомьи. Якъ до порона иты—каминь и голова батька навернута каминемъ. Турчынъ побывается усе щобъ узять батькову голову» [3]). По другому варіанту: «Ляхъ побывается сюды, що шляпа батькова тутъ зосталася» [4]).

Въ городкѣ стояла прежде небольшая Успенская церковь съ узкой готической кровлей, построенная въ 1792 г. [5]) и по преданію просуществовавшая 103 года. Мѣсто ея обозначено двумя небольшими каменными памятниками. Изъ городка на Хоролъ вели—согласно Румянцовской описи [6])—третьи Хорольскія ворота, но народныхъ воспоминаній о нихъ не сохранилось. Изъ городка открывается видъ на широкую долину Сулы, купы деревъ, стальную полоску рѣки и Хорольскій берегъ, тонущій въ синемъ туманѣ, внутри же городокъ и прилегающая къ нему

---

[1]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 111.

[2]) Гуровъ. Геол. опис. полт. губ., 320.

[3]) Отъ К. Норъ.

[4]) По варіанту Г-на Ляскоронскаго въ Лукомьи жилъ турецкій королёкъ, хватавшій нашихъ. (Ост. древн. Луком. городища въ «Кіев. Стар.», 1902 г., IX).

[5]) Въ Лукомьи была еще другая кладбищенская церковь Рождества Пр. Богородицы, устроенная И. И. Мальчевскимъ. «Служылы паныхыду и не вбереглысь и кладовська церква зъ середыны занялась и сгорила».

[6]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 111.

мѣстность поражаетъ безжизненностью, бугристостью, укими проулками, безобразіемъ построекъ и отсутствіемъ растительности. Въ городкѣ жили козачьи, дворянскія и духовныя фамиліи: Божки, Лисянскіе, Кущинскіе. Изъ послѣдней фамиліи происходилъ старый благочинный протоіерей М. П. Кущинскій [1]), любимый прихожанами, глубоко убѣжденный христіанинъ, простой суровой жизни и высокой добродѣтели. За городкомъ мѣстность постепенно понижается до послѣдняго кута Прылипкы, лежащей въ самой вершинѣ треугольника. Съ этой стороны живутъ козаки: Онищенки, Фепы, Чепурки [2]). Если такимъ образомъ древній городъ былъ на горѣ, то Гоголь, рисуя въ отрывкѣ «Плѣнникъ» Лукомль XVI в. лѣпящимся на днѣ прорвы, ошибочно принялъ позднѣйшіе выселки у подошвы горы за древній городъ, а помѣстивъ въ концѣ его еще и монастырь, совсѣмъ разошелся какъ съ письменными, такъ и съ устными данными, умалчивающими о существованіи здѣсь монастыря. Эта же древнѣйшая часть Лукомья почти вся выгорѣла въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, какіе пожары, врѣзавшіеся въ народную память неизгладимыми чертами, а частью измѣнившіе видъ мѣстности, входятъ въ исторію Лукомья и должны быть поэтому упомянуты здѣсь.

Въ субботу 1-го августа 1881 года, въ полночь, Лукомскіе жители услышали набатъ. Кое-гдѣ въ окна хатъ мелькнулъ красноватый свѣтъ. Въ узкихъ улицахъ мѣстечка начиналось смятеніе: женщины причитали и выносили дѣтей, изъ одной хаты выводили слѣпца. Земля звенѣла отъ топота парней и дѣвокъ, бѣжавшихъ на пожаръ, вблизи котораго смятеніе разросталось: крики отчаянія евреекъ, бѣгавшихъ съ распущенными волосами въ рубашкахъ и юбкахъ среди безпорядочно наброшенныхъ ве-

---

[1]) Родился 1832 г. † 1889.

[2]) Изъ числа настоящихъ Лукомскихъ козачьихъ фамилій нѣкоторыя: Бахматы, Скрипки, Супряги, Черевки и Чепурки встрѣчаются еще въ XVII в. (Лазаревскій. Переписн. книги 1666 г., Кіевъ, 1900 г., 42).

щей, сливались съ рѣзкимъ голосомъ урядника, командовавшаго на пожарѣ. Горѣли два сарая, амбаръ, хлѣбъ и сѣно еврея Груннеса, и полъ неба казалось въ пламени. Но такъ какъ вѣтеръ тихо повѣвалъ на сосѣдній оврагъ и народа собралось довольно, то огонь скоро погасъ. Воскресный день прошелъ спокойно; настала безлунная ночь и съ нею мертвая тишина, прерываемая голосами, какъ будто выходившими изъ-подъ земли: то жители прятали имущество въ погреба. Въ понедѣльникъ на разсвѣтѣ загорѣлись постройки зажиточнаго еврея Шинкарева. Огонь зажегъ сосѣдніе дома, лавки, солому и быстро распространился по всей базарной площади, поддержанный спиртомъ и керосиномъ. Слѣва, отъ церкви вся улица покрылась дымомъ, между которымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ можно было различить красныя печи, похожія на работающія кузницы: то догорали постройки. Въ срединѣ улицы вился къ небу столбъ пламени широкій, колеблющійся. Справа отъ этого столба, вся улица клубилась сѣрыми, бѣлыми, черными, голубоватыми струями дыма. Клочья огня неслись по вѣтру и прихотливо зажигали отдаленныя постройки и стоги, минуя сосѣднія, окутанныя дымомъ. Остававшійся въ Лукомьи и предмѣстіяхъ народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался на пожаръ. Нечего было и думать выносить вещи, такъ какъ огонь жегъ нестерпимо, а дымъ застилалъ глаза; успѣли только выхватить нѣсколько дѣтей изъ домовъ да стянули съ повозки хозяина одной изъ горящихъ построекъ въ безсознательномъ состояніи. Притомъ не оказалось ни пожарныхъ трубъ, ни даже достаточно крючьевъ. Въ эти минуты, когда люди терялись, женщины плакали и причитали, съ горящей крыши вдругъ раздался крикъ: «Кидайте жидовъ въ огонь, это жиды палятъ!» Услышавъ крики, евреи начали разбѣгаться. Вслѣдъ имъ раздались отчаянные крики: «Жиды спалять Чирковку. Подилъ!» Возбужденному народу казалось, что предмѣстья уже горятъ и многіе побѣжали внизъ. А между тѣмъ широкій столбъ дыма далеко виднѣлся надъ Лукомьемъ, и тревожные, неумолкавшіе удары колокола призывали народъ съ поля, откуда онъ ѣхалъ и бѣжалъ такъ быстро, что матери забывали брать дѣтей. Только соединенными усиліями

сбѣжавшагося народа, полиціи и крестьянъ сосѣднихъ селъ, привезшихъ пожарныя трубы, удалось потушить огонь. Послѣ этого пожара Лукомье приняло необыкновенный видъ, напоминавшій далекія времена татарскихъ набѣговъ или похода польскихъ войскъ. Въ срединѣ мѣстечка дымились развалины, за нимъ на Роздолѣ около Сторожевой могилы таборомъ стали евреи съ остатками имущества, сложеннаго на возахъ и арбахъ. По всему мѣстечку, въ отдаленныхъ предмѣстіяхъ надъ рѣкой вездѣ лежало козачье и крестьянское добро: сундуки, мѣшки, рядна, вынесенные изъ хатъ. Возлѣ вещей играли дѣти. На берегу рѣки хозяйки варили обѣдъ. Отовсюду слышались: жалобы, совѣты забросить мѣстечко и выселиться на луга, за рѣку, подозрѣнія, правдивые и фантастическіе разсказы о погромѣ евреевъ въ Переяславѣ, о только что кончившихся еврейскихъ безпорядкахъ въ Лубнахъ, о появленіи подъ городомъ антихриста и о предстоящемъ концѣ міра отъ огня. Отдѣльные, небольшіе пожары, слѣдовавшіе за главнымъ, еще усиливали тревожное настроеніе жителей: такъ, въ среду въ центрѣ Лукомья вспыхнули, но тотчасъ потушены, постройки мѣщанина Трофименка, а въ воскресенье вновь загорѣлся сарай того же Трофименка на виду у многочисленнаго народа, принарядившагося къ обѣднѣ и стоявшаго на горѣ вокругъ церкви и погоста, не вмѣщавшихъ прихожанъ и окрестныхъ жителей. Всё видно было, какъ на ладони. На концѣ крыши горѣвшаго сарая красное пламя закружилось и стало описывать все болѣе и болѣе широкіе круги, одинъ изъ которыхъ зажегъ избу Трофименка. Бѣлые клубы дыма повалили внизъ. Подолъ съ своими постройками, деревьями, противоположный берегъ Сулы, Мойсеевка и далекій видъ на хорольскій уѣздъ—всё затянуло дымомъ, какъ бѣлой кисеей, отъ глазъ пораженнаго народа. Хлопья тростника летѣли даже за Сулу. Такъ кончились Лукомскіе пожары, произведенные, какъ оказалось, козачьей дѣвочкой, вѣроятно, въ состояніи душевнаго разстройства, а съ ними и тревожные дни, и мѣстечко зажило обычной жизнью.

За Прилицкой на низинѣ вниманіе прежде всего останавливается на паромѣ, переполненномъ въ воскресные базарные

дни, когда онъ то и дѣло медленно движется по Сулѣ. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ люди; вотъ бѣжитъ запыхавшаяся баба, но паромъ отчаливаетъ подъ самымъ носомъ.—Дурный! —кричитъ она паромщику.—Дурный пойихавъ, а розумна осталась, невозмутимо отвѣчаетъ послѣдній.

Прежде въ Лукомлѣ была плотина на протяженіи двухъ верстъ. Въ 1597 г. по ней прошелъ Жолкѣвскій съ войскомъ навстрѣчу Наливайкѣ [1]). И теперь еще на Подолѣ «будто гребля знать, и пали йе, и рика зветься Мостова». Но плотина эта была настолько неудобна, что жители предпочитали ѣзду дубами и лодками. Въ 1746 г. сдѣланъ былъ на общій счетъ паромъ, перевозившій жителей безплатно, но перевозомъ завладѣлъ помѣщикъ сосѣдней Мойсеевки Антонъ Крыжановскій и установилъ платежъ: съ пѣшаго по копѣйкѣ, съ коня по двѣ, съ пустыхъ возовъ 5, съ нагруженныхъ 10—20 коп. Лукомцы жаловались въ коллегію, которая и предоставила имъ имѣть свой перевозъ на Сулѣ; тогда сынъ Крыжановскаго приказалъ сломать общественный паромъ, но право лукомцевъ возстановлено было Лубенскимъ городскимъ судомъ [2]). Въ началѣ XIX в. общественнаго перевоза все же не было, а существовалъ лишь владѣльческій—Башилова; только въ срединѣ столѣтія церковный староста Божко выхлопоталъ вновь разрѣшеніе открыть перевозъ въ пользу церкви «шо въ церкви не було сумы», послѣ чего Башиловъ уничтожилъ свой паромъ, а лукомцы, купивъ сосны въ Кременчугѣ, устроили плотъ, опредѣливъ плату за перевозъ: 5 коп. съ конскаго, 10 к. съ воловаго воза, а если съ тяжестью – по 20 к., съ пѣшаго—копѣйку, но вскорѣ понизили плату до 3—5 коп. съ подводы. Когда же въ полую воду паромъ, отчаливая къ сѣверу отъ Прилипки на Подолѣ, долженъ пересѣчь всю долину Сулы и причалить у Малой Мойсеевки, то плата за переѣздъ увеличивается до 50 коп —2 рубля за разъ. Двѣ части выручки идутъ на церковь, а третья поступаетъ паромщику. Съ парома общій видъ Лукомья

---

[1]) Костомаровъ. Борьба козак. съ Польш. 228.

[2]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 119—121.

напоминаетъ Лубны: такія же блѣдно-желтыя нависшія горы, также церковь и постройки посреди и рощица влѣво у Прилѣпки. Сѣверное предмѣстье Лукомья, упомянутый Пололъ [1]), заселенъ козаками: Божками, Загнойками, Норами, перешедшими изъ хорольскаго уѣзда, Оникіенками (Гелюсами), Пушкарями, Рѣзниками, предокъ котораго присталъ къ дѣвицѣ изъ вымершаго рода Кобъ, и Скрипками. Къ нему отъ мѣстечка расположены на отдѣльныхъ холмахъ: Лука, нѣкогда сѣнокосъ, а теперь: жилье—Воликовъ, Даценковъ, Жадановъ, Ризниковъ по уличному Жуковъ, Сайковъ и Сененковъ, и Млынянка, на которой живутъ: Быдьки, Гробы и Личманы. Нѣкогда здѣсь была плотина и «ставыдла», также восемь водяныхъ мельницъ: Башилова, Кодинца и др., и трибокъ, на которомъ валили сукна. Только половина Млынянки принадлежитъ Лукомскому приходу, а другая половина къ сосѣдней Чирковкѣ.

Сельцо Чирковка, отдѣляясь отъ Млынянки широкой улицей, занимаетъ холмъ и подгорье. За купами большихъ деревъ почти не видно построекъ. Основаніе Чирковки положено Чиркой

---

[1]) Въ Лукомской дачѣ есть слѣдующія урочища: могила на бугрѣ Колодня, гдѣ по преданію было городище: «Тамъ було село и церква, або городъ. И сказано: щобъ ты запавсь! И війшовъ винъ у землю. Було якъ выгонять на пасьбу у Благовищення, то прыслухаются будто тамъ народъ гука. Скилькн тамъ годъ воно було у земли. Пасъ вивчаръ вивци, дойшовъ у те мисто, лежыть шнурокъ, винъ узявъ за той шнурокъ и тягне и вытягъ хрестъ изъ церквы. Ось другый гука: «Що ты тамъ робышъ, завертай вивци!» А винъ и налаявъ. Воно взяло, шнурокъ одирвавсь и церква задзвенила въ землю» (отъ Е. Норъ). Въ Колодной есть и выселокъ изъ Лукомья, состоящій изъ Недбайлъ и Сайкивъ. Недалеко Костолесова: «Лёхъ у ій вырытый и якъ сходыть сонце—якъ разъ у двери»; Барабашеви могылы, Кобеляки, Дубова долына, Лизки, а по Сулѣ:—Фылево, названное такъ по быстротѣ теченія. Здѣсь нѣкогда была мельница Божка, спущенная оттого, что убавилось воды, Остривъ, «де пали, тамъ була вынныця Башылова». Еще есть Манилово, Романово, части рѣки и выгонъ Оглянка у Млынянки.

такимъ образомъ: «винъ поставывъ поганеньку хату». Съ краю села отъ Млынянки поселился на кутѣ Колесныкивкѣ, доходящемъ до Сулы, многочисленный зажиточный родъ Колесниковъ, предокъ которыхъ былъ мастеромъ, за нимъ живутъ крестьяне Захарченки, предокъ которыхъ «у скупи годы пидійшовъ пидъ панивъ». Далѣе идетъ средній кутокъ, состоящій изъ Фепичивки, занятой: Диденками, Загнойками, Карпенками, Кравцами, зашедшими изъ Вязовка, и Миронивки—жилища древняго рода Миронцевъ, также изъ особыхъ отдѣловъ: Коношокъ на подгорьи, гдѣ живутъ Руди, и Сененокъ—въ балкѣ. На подгорьи былъ древній подземный ходъ, какъ и въ Лукомьѣ: «Улазылы у провалля пидъ горою и бувъ склепъ зъ цеглы и холодный духъ видтиля ишовъ, темно, острахъ возьме [1]). Соединеніе всѣхъ кутовъ, кромѣ Колесниковки, называется собственно Чирковкой [1]). На Колесниковкѣ стоитъ вся въ зелени небольшая Троицкая церковь, основанная въ 1747 году иждивеніемъ прихожанъ. Прежде она была мала и баня помѣщалась надъ алтаремъ, потомъ мѣстнымъ помѣщикомъ Короновскимъ [2]) баня перенесена на средину церкви и въ послѣдней прорѣзаны притворы. Колокольня построена въ 1807 г., а въ 1833 г. перестроена и самая церковь [3]). Изъ иконъ выдѣляется только небольшое изображеніе Божьей Матери, необыкновеннаго типа: ликъ темный, худой, истощенный, выражающій скорѣй недугъ, чѣмъ душевное страданіе, выраженіе глазъ печальное. Внизу иконы, помѣщенной въ кіотѣ, стоявшемъ прежде

---

[1]) Въ Чирковкѣ встрѣчаются еще слѣдующія фамиліи: Босенки, Деревянки, Головки, Кацкіе, Квитницкіе, Линники, Стилики, Сукачи и Хорошки; и особые выселки: Семененковъ 9 и Миронцивъ—5 хатъ. Къ ней же прилегаетъ лугъ Займа, нѣкогда выпрошенный у жителей помѣщикомъ Галецкимъ для пастьбы телятъ.

[2]) Предокъ ихъ по церковнымъ даннымъ былъ Горошинскій намѣстникъ протоіерей Өедоръ Коруновскій (1772 г.). В. П. Короновскій былъ послѣднимъ окружнымъ начальникомъ лубенскаго уѣзда и составилъ статистическое описаніе послѣдняго наканунѣ преобразованій.

[3]) Грановскій. Полт. епарх. 401.

въ алтарѣ, стоитъ небольшой серебряный ларчикъ (ковчежецъ) въ формѣ гробницы съ неизвѣстными мощами, вывезенными изъ Турціи майоромъ Короновскимъ [1]).

Лукомль при Вишневецкихъ насчитывалъ уже 100 дворовъ и 524 хозяина [2]), а въ настоящее время въ Лукомскомъ приходѣ 2252 души, въ томъ числѣ 1538 въ одномъ мѣстечкѣ, да въ Чирковскомъ приходѣ—1424 души [3]). Нельзя сказать ничего точнаго о происхожденіи этого населенія; по историческимъ даннымъ извѣстно только, что въ Лукомль бѣжали люди изъ Мининокъ, Триполья, Мизнякова Брацлавскаго и изъ Жеребятина на Карани [4]). Во всякомъ случаѣ въ лубенскомъ уѣздѣ только въ Лукомьѣ [5]) да еще развѣ въ Александровкѣ на Слѣпородѣ, всматриваясь въ типы жителей, можно замѣтить примѣсь подольскаго элемента къ основному населенію. Лукомцы средняго роста, хорошо сложены, темнорусы; у женщинъ встрѣчаются глаза «цвѣта морской волны» и русые волосы, тоненькіе съ горбинкой носы и продолговатыя лица. Онѣ легко сложены, стройны и кокетливы.

---

[1]) Среди книгъ есть евангеліе съ надписью: «Евангеліе сіе дано на церковъ Лукомскую Троицкую Н. И Кулябкою, господиномъ поручикомъ 1787», и другое:—«Сіе евангеліе коштомъ Романа Перепечая и пана писаря Хорольского Григорія Бороховича и жены его Евдокіи Ивановны справлено 1762 г.» Въ церкви также сохраняются два креста, «справленные коштомъ»: Романа Перепечая въ 1759 г. и Филиппа и Евдокіи Фепъ въ 1791.

[2]) П. Бодянскій. Памятная книжка Полт. губ. за 1865 г., 12 и 13, П. Кулишъ: 1) Исторія возсоед. Руси. I, 26—26 и 2) Борьба шляхты съ козак. въ Библіот. для чтенія 1865 г. IX, 5, 7, Лазаревскій. Лубенщ и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., 1, 228.

[3]) Къ приходу принадлежатъ: хутора Гробовка и Чернетъ.

[4]) Лѣвоб. Украина въ XV—XVII в. въ Кіевск. Стар. 1896 г., IV, 99, 100.

[5]) Возможно, что и Кущинскіе происходятъ изъ Кущинецъ, гайсинскаго уѣзда, о нихъ упоминается въ ст. профессора В. Б. Антоновича: «Нѣск. данныхъ о землевлад.» въ «Кіевск. Старинѣ», 1896 г., IX, 15.

Въ самомъ Лукомьѣ онѣ напоминаютъ, впрочемъ, по буднямъ городскихъ чумичекъ: босыя, накрытыя платками, въ грязныхъ, заношенныхъ кофтахъ и исподницахъ; но за то по праздникамъ на мѣстныхъ дѣвицахъ и женщинахъ появляются: банты и острыя головныя повязки, много бусъ, короткіе корсеты со множествомъ сборовъ, длинныя исподницы, чулки, башмаки или ботинки. У мужчинъ преобладаютъ сѣрыя свитки и, конечно, пиджаки.

Въ старину изъ массы Лукомскаго населенія выдѣлялось лишь нѣсколько самостоятельныхъ семей: Бублики, Клеменки, Онищенки и Рѣзники. Разбогатѣли они какъ хозяйственными предпріятіями, такъ и скупкой земель въ голодные годы, когда мѣстные жители смѣшивали съ мукой и мякинами посѣченную дубовую кору и почки (бруньки) [1]; «тоди нажывалы за коробку борошна десятыну». Старый Бубликъ, Харланъ, привезъ однажды возъ рыбы, потомъ два, и разжился, женившись на Божковой, у отца которой была водяная мельница. Его сыну Петру съ братьями досталось 88 десятинъ. У нихъ былъ свой плугъ и пасика: пней 60 оставляли на зиму. И другіе богатыри: Клеменки, Кириленки имѣли плуги и по 30—40 пней старнику. Большинство жителей Лукомья несостоятельныхъ, много пѣшихъ козаковъ. Чирковка гораздо богаче, но и тамъ треть безземельныхъ. Изъ чирковскихъ богатырей извѣстны были: Василій Колесникъ, имѣвшій 80 дес. и около 15 лошадей, Семенъ Рудь,—обладатель 50 десят. и значительныхъ денегъ, онъ посылалъ въ дорогу двѣ пары. Его дѣти удвоили батьковщину. И Кравци имѣли до 80 дес. Одинъ изъ нихъ, Василій, былъ лукомскимъ волостнымъ головой. Миронцы имѣли заводъ въ 40 кобылъ. Прежде была маленькая запашка, такъ какъ пудъ пшеницы, напримѣръ, стоилъ 10 коп. Вспоминаютъ о слѣдующихъ отношеніяхъ хозяина и съемщиковъ: первый получалъ 7-ю, затѣмъ 3-ю копу урожая, жнецъ имѣлъ традиціонный 3-й снопъ, теперь онъ получаетъ 5—6 снопъ и дол-

---

[1]) Вѣроятно эти народныя воспоминанія относятся къ 1742 г., когда люди «живилися листемъ, корою, порохнею, лободою, жолудемъ и бронками». Лѣтоп., издан. Бѣлозерскимъ. Кіевъ 1856 г., 1, 152.

женъ отработать 2 дня. Прежде хозяину приходилась 3-я копица сѣна, затѣмъ половина, а теперь уже съемщику 4—7 копица. Скотъ легко было содержать при черезполосицѣ, когда толока простиралась на 8 верстъ вокругъ Лукомья. За скотину платили тогда $1^1/_2$—3 коп., а теперь за пастьбу лошади только съ 9 мая по 29 іюня платятъ 3 руб., а за лѣтній выпасъ коровы—10 руб. Большимъ подспорьемъ жителямъ является рыболовство, которымъ славился Лукомль еще при Вишневецкихъ [1]). До размежеванія ловля производилась по всѣмъ «Суламъ», т. е. по главному руслу, по рукавамъ и протокамъ безпрепятственно, потомъ каждому нарѣзана часть рѣчки и общая ловля запрещена. Ловятся: караси, лини, щуки и сомы. Пудъ рыбы, стоившій нѣкогда 1 руб., дошелъ въ настоящее время до 4-хъ руб., и до 15 коп. за фунтъ. Такое вздорожаніе рыбы уменьшило вывозъ ея въ другіе уѣзды.

За Лукомскимъ Роздоломъ къ западу по нижнему теченію потока Иржавца раскинулись хутора: Низшій, Высшій Иржавцы и Каленивщина, иначе Дмитровка или Барвинщина, нѣкогда принадлежавшіе Кодинцамъ. Ближайшій къ Лукомью Низшій Иржавецъ построенъ вокругъ большого выгона. Крестьянскія усадьбы почти закрыты разросшимися вербами, тополями и берестами. Обиліе зелени придаетъ хутору свѣжій, оживленный видъ. На противоположномъ западномъ краѣ хутора возлѣ горы мутный ручей нѣсколько расширенъ и черезъ него перекинутъ мостъ. Хуторъ основанъ Мартиномъ Кодинцомъ, прежде служившимъ при лубенскомъ полковникѣ Андреѣ Маркевичѣ [2]), впослѣдствіи въ 1727 и 1728 г.г. занимавшимъ урядъ лукомскаго сотника. Кодинцы производятъ свою фамилію различно: или отъ мѣстечка Кодни, откуда былъ родомъ предокъ, или отъ неправильнаго прибавленія буквы *к* къ первоначальному родовому прозвищу Одинецъ (одинокій поселенецъ) въ одной изъ бумагъ. Способъ прі-

---

[1]) Лазаревскій. Лубенщ. и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., 1, 228.

[2]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 55.

обрѣтенія Кодинцами Иржавца [1]) неизвѣстенъ, но изъ-за него начались споры съ Маркевичемъ, и Мартинъ съ сыномъ Лавриномъ, впослѣдствіи наказнымъ лукомскимъ сотникомъ, были задержаны въ Глуховѣ по жалобѣ Маркевича [2]). Затѣмъ извѣстна покупка городисскимъ сотникомъ Иваномъ Кодинцомъ у козака Пушкаренка левады съ садомъ, лукп на 100 копенъ сѣна и 15 дней поля къ своему хутору Ржавцу за 15 рублей и лошадь, цѣной въ 35 руб. [3]). О сынѣ Ивана, войсковомъ товарищѣ Алексѣѣ, вспоминаютъ лишь по поводу споровъ его съ Башиловымъ за рыбныя ловли на Сулѣ, соединенныхъ съ вооруженными столкновеніями крестьянъ обоихъ помѣщиковъ; о сынѣ же послѣдняго, Захаріи Алексѣевичѣ, сохранились болѣе полныя воспоминанія. У него было большое хозяйство: винокурня, двѣ водяныхъ мельницы и земляная (топчакъ), тѣмъ не менѣе хлѣбопашество не было значительнымъ: всего лишь два четырехпарныхъ плуга, зато развелось значительное скотоводство: до 50 рыжихъ и гнѣдыхъ кобылъ и стадо коровъ съ быкомъ сѣрой украинской масти. Была и пасика въ 500 пней. Крестьяне, какъ и вездѣ при крѣпостномъ правѣ, не имѣли своихъ лошадей, а только около десятка коровъ, ходившихъ въ панскомъ стадѣ на панской толокѣ. Тяглымъ крестьянамъ предоставлялось по два дня поля озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ и по 1 дню для проса и гречихи. Пѣшіе зарабатывали 3-й снопъ, имъ разрѣшались и посторонніе заработки у сосѣднихъ козаковъ. Но съ Захарія Алексѣевича началось и паденіе Кодинцовскаго благосостоянія. Онъ сталъ запивать. «Якъ погоныть винъ скотъ, або коней у ярмарокъ, продасть и гуля зъ Свичкою и Косинскимъ. Вернется до-дому, побье въ себе викна и шо тильки йе, и диты по хутору ходять. Бувало

---

[1]) По мѣстнымъ даннымъ Кодинцамъ принадлежали еще земли при Юсковцахъ (хутора Косинскаго и Асауленка), Пулинцахъ, Александровкѣ и Мацковцахъ.

[2]) Дневн. генер. подскарб. Я. Маркевича въ Кіев. Стар. 1894 г., VI, 242 и IX, 322.

[3]) Лазаревскій Ист. очер. Полт. Луб. 127.

прыйде у ричку мыться, набере грошей и кыда у воду. Разъ ударывъ Бублыкивну шутя батогомъ, а на другый день пославъ ій грошей, а другый разъ пошуткувавъ зъ бабы,—скынувъ очипокъ и вона сказала: «Будешъ ты довго шуткувать, згадаешъ мене!» Другой причиной упадка благосостоянія была многосемейность [1]). Кредиторы соглашались ждать уплаты многочисленныхъ долговъ, но по несогласію наслѣдниковъ принуждены были подать ко взысканію. Послѣднимъ владѣльцемъ небольшого уже имѣнія при Лукомьи былъ кирасирскій штабъ-ротмистръ Антонъ Захарьевичъ Кодинецъ,. высокаго роста, полный, хорошій хозяинъ. Онъ резюмировалъ происшедшую 19 февраля 1861 г., перемѣну, обратясь послѣ чтенія манифеста къ стоявшему вблизи козаку со словами: «Теперь вы—мы, а мы—вы». Его сыновья продали и послѣдніе остатки батьковщины въ Лукомьи, а Низшій Иржавецъ купленъ Барановскими, владѣвшими сосѣднимъ хуторкомъ Чернетъ [1]). «Якъ волю объявлено, то Барановська зибрала людей, покаялась и хотила дешево оддать людямъ землю и винокурню. Якъ бы було люде послухалы, якъ макъ цвилы бъ», а теперь горюютъ.

За Иржавцемъ начинается высокая степь, къ востоку ограниченная горной террасой Сулы, обрывисто спускающейся въ глубокую низину, пересѣченную извивами и рукавами рѣки, озерами и озерцами, чередующимися съ лугами, группами деревъ, торфяниками и солонцами—до голубыхъ далей Хорольскаго берега [3]). Одинъ изъ обрывовъ расчищенъ и, какъ единственный

---

[1]) Одинъ изъ сыновей—Иванъ, женатый на Родзянкиной, выселенъ былъ на гору, и такимъ образомъ основанъ х. Высшій Иржавецъ. Крестьяне этого хутора, а также Низшаго Иржавца и Барвинщины, доставшейся Хильчевскимъ, а отъ нихъ въ приданное Н. К. Барвинскому, носятъ слѣдующія фамиліи: Брижахи, Винниченки, Гуки, Гусаки, Джулаи, Кодиненки, Криворучки, Лысенки, Нелины, Орды, Притулы, Спивенки, Сторчаки, Шамраи, Шингиреи и Шкарупы.

[2]) Чернетъ населенъ: Гончаренками, Кущенками, Пучичами, Рѣзниками и др., всего 80 душъ.

[3]) Матер. для оцѣн. зем. полт. губ. III. Хорольск. у. С.-Петерб. 1898 г., 32.

спускъ съ горъ въ эту часть долины, называется Звизъ. У Звиза подъ горой лѣпятся разбросанныя, зажиточныя усадьбы хутора Гатокъ, основаннаго малоселецкими козаками: Мазняками и Федоренками. За Гатками раскрывается круглый, широкій выгонъ Диброва [1]), прежде принадлежавшій одному малоселецкому обществу, а по утратѣ документовъ ставшій общимъ для обоихъ селъ Малой и Великой Селецкой. Диброва песчана. сбита скотомъ, обожжена солнцемъ и пестрѣетъ бѣлыми стадами гусей и темными овечьими ватагами. Вдоль южной окраины выгона протянулся линіей хуторъ Шіяновъ, основанный великоселецкимъ козакомъ Семеномъ Шіяномъ, а къ востоку у самой Малой Селецкой мѣстные хутора: Мазняки, Демиденкивъ и Гаврыкивъ, козаковъ Мазняковъ и Федоренковъ. На всѣхъ этихъ хуторахъ, окружающихъ Диброву, отпечатлѣвается зажиточность,—у каждаго свой витрякъ. За хуторами надъ рѣкой видна линія села. Начало Малой Селецкой, въ XVII в. называвшейся также Дубровкой [2]), положено было въ мѣстѣ расширенія Сулы, у такъ называемаго пруда. Отсюда часть рѣчки къ сѣверу принадлежитъ козакамъ и называется Козача, южная же часть, принадлежащая бывшимъ крестьянамъ Мгарскаго монастыря, называется Ченською, Черненченською. У пруда расположенъ Федоренкивъ кутокъ и на немъ вблизи рѣки, какъ въ Мацковцахъ, стоитъ въ зелени Успенская церковца, темная и такая маленькая, что въ алтарѣ только и можетъ пройти священникъ. Судя по колоколамъ 1644 и 1679 годовъ приходъ существовалъ уже въ половинѣ XVII в. Въ 1784 году церковь перестроена за ветхостью [3]). На Федоренковомъ кутѣ живутъ древнѣйшія мѣстныя козачьи фамиліи: Кривохижи, Мазняки [4]), Федоренки и казенные крестьяне Щербины. На слѣдующемъ южномъ

---

1) Въ 466 десятинъ. Сб. хоз. стат. IV. Луб. у. 239.

2) А. Лазаревскій. Малор. перепис. книги 43.

3) А. Грановскій. Полт. епар. 401.

4) Не есть ли эта фамилія искаженное названіе мѣстности Мизнякова Брацлавскаго, откуда бѣжали сюда жители? (См. «Лѣвоб. Укр.» Кіев. Стар. 1896 г., IV, 99—100).

Таровиковомъ кутѣ живутъ козачьи роды Таровиковъ и Плахутъ [1]). Всѣхъ жителей 1092, они вышесредняго роста, темпорусые. Въ старину всѣ хозяева перечисленныхъ фамилій имѣли по четырехпарному плугу, у Федоренковъ и Кривохижъ были табуны, у Дмитра Кривохижи—въ 50 матокъ. Съемщики вносили хозяину 10-ю, потомъ 3-ю копну урожая; потомъ земля нанималась по 1 руб. за десятину; пѣшіе получали 3-й снопъ, теперь они получаютъ 5—6-й снопъ и платятъ еще по 3 руб. съ десятины; наемъ десятины на деньги доходитъ до 12—15 руб. Поддерживаютъ населеніе какъ выгонъ Диброва, дающій возможность содержать скотъ и птицу, такъ и рѣка, обильная рыбой. Въ рѣкѣ ловятся: караси, лини, вязи и щуки разными способами: прежде устраивали забои, въ которые входила рыба, на мелкихъ мѣстахъ изъ плетней (йизы), а на глубинѣ изъ расколотыхъ досокъ (трости). Случались уловы до 100 пудовъ въ разъ, да и потомъ еще «вычалювалы» пудовъ по 20. Однажды завалили весь ближайшій токъ рыбой; въ другой разъ засвѣтили свѣчку, «щука роспоноскала лидъ, опарювала и пидходыла; іи за головку бралы и выкыдалы на лидъ». Цѣны на рыбу устанавливаются Лукомскимъ рынкомъ. Раки уничтожились съ 1888 года [2]).

---

[1]) Изъ древнихъ фамилій, упоминаемыхъ въ Переп. кн. 1666 г. (стр. 43), сохранились лишь Цупы. Вокругъ села: Могилы Бжоляни, Гостра, Жилина, и урочища: Кривуля, Крыжанове, Млынови Джерела, гдѣ была мельница Кривохижъ. Иржавецъ впадаетъ въ Сулу за селомъ.

[2]) Названіе мѣстной снасти: невидъ, у него крылья и матня, вентиръ или вятирь, хохля, которою гонятъ рыбу. Въ лубенскомъ у. записаны слѣдующіе примѣты и поговорки, касающіеся рыболовства: Якъ на Благовищання птыця грае, то буде ловыться рыба, а якъ сыдыть тыхо—не буде. Якъ мисяць миняется, тоди рыба не ловытся. На молодыку рыба не ловытся. Передъ дощемъ ни рыба, ни раки не ловлятся. Якъ иты по рыбу, та стринется таке, шо не йисть рыбы, то ничого не вловытся. Прыказують: Господы помогай, а ты чорте, не гуляй, та рыбу мени заганяй! Прыказкы: Заказала сорока, шобъ не бачылы рыбьячого ока; заказавъ макогинъ, шобъ тикала рыба за сто гинъ.

Около Малой Селецкой за ручьемъ Загаткой размѣстилась Великая Селецкая по топкой долинѣ и на подгорьи. На верху горы разсѣяны мельницы и могилы. О послѣднихъ мѣстные жители разсказываютъ: «На гори йе Шляхова могыла и Федорчыха, Шапранка, Пикулыха, Стороживня. Булы забигы. Сторожъ стоить на Шляховій могыли надъ шляхомъ, другый на Федорчыси, третій на Шапранци, четвертый на Пикулыси, пьятый на Стороживни и шостый на дзвиныци. Якъ бижять забигы одъ Пирятына,—сторожъ на Шляховій похылывъ виху на село, сида на коня и самъ бижыть скилькы заскоче у село, на Шапранци и соби виху похылыть сторожъ, бижыть, на Пикулыси, на Стороживій похылылы—бижять, а дзвонарь дзвоныть, люде сбигаются у село, стари и дробына[2]): жинкы, дивкы, диты у церкву, а чоловикы стоять зъ позасмалюваными килкамы кругомъ ограды. Непріятели прибижять и якъ подужають, то выбьють дробыну, позабирають худобу, наберуть хлиба и пойидуть. Наши якъ подужають, выбьють йихъ и коней заберуть». Изобиліе могилъ надъ Селецкой навело покойнаго А. М. Лазаревскаго на предположеніе[3]), что она поселена на мѣстѣ древняго городища или селища. Отъ послѣдняго слова, вѣроятно, происходитъ и самое названіе села, такъ какъ всякія другія объясненія произвольны. Предполагаютъ, напримѣръ, что Селецкіе болота были мѣстомъ ссылки провинившихся козаковъ: ихъ здѣсь селили, откуда и названіе. По преданію сосѣднихъ Онушекъ раненый запорожецъ Романъ Селекъ поселился на болотѣ Романчикѣ и завелъ тамъ селище, а его два сына основали Великую и Малую Селецкія. Есть и еще одно объясненіе, по которому Селецька—сокращенное Васылецька. «Якъ стало село заводыться, то ждалы, що вылупытся найпоперидъ, то такъ и село назвать, якъ ту дытыну; вылупывсь тутъ хлопець Васыль,

[1]) Слово *дробына*, мелочь, употребляется въ лубенскомъ уѣздѣ въ трояковъ значеніи: 1) домашней птицы, какъ и вездѣ (напр. въ Сбор. сказ. Манжуры въ Сбор. Харьк. Истор. Фил. Общ. II, 179), 2) мелкихъ пресмыкающихся: жабъ, змѣй, червей и 3) женщинъ и дѣтей.

[2]) Въ Ист. очер. Полт. Лубенщ. 126, 127.

а въ Малій—меньшый хлопець и назвалы се Велыка, а то Мала Селецька, а въ Онишкахъ вылупывсь Онишко». На самомъ дѣлѣ: «Селецька заводылась зъ Кирпанивъ. Загатка первый кутъ и церква попередъ була на Загатци. Тутъ и кулачылысь на Риздво, ганялы малоселечанъ. Колона ихъ и наша: диты, потимъ парубкы, потимъ чоловикы прыступають лава на лаву и крычять: «стуй, стуй!»—и тоди пишлы. Кого подужають, ти куповалы пиввидра. Сыдячого не былы». Отъ Загатки[1]) до горы и царины тянется кутъ, называемый Зацаринный, на которомъ живутъ: Шіяны, Черкаскіе[2]), Куци, Вечирки и Баи. Въ концѣ кута куринь и застава (коворотъ), или царина, отдѣляющая село отъ полей. Въ куринѣ сидитъ дидъ, обязанный отгонять скотъ отъ полей и затворять ворота, за что онъ получаетъ по три снопа съ каждаго хозяина, везущаго хлѣбъ съ поля, также по три горсти рыжію и конопли и по коробкѣ картофеля. У горы помѣстился особый кутокъ—Пидгирья, жилье: Клепанивъ, Кирпанивъ, Костюкивъ и Прихидёкъ, къ югу—Годунивщына, гдѣ живутъ: Годуны, Недолужки и Ярмоши; далѣе у рѣчки Пристань,—жилье: Бакуновъ, Пушкарей, Тараненковъ, Тоцкихъ и Чубарей. Село прорѣзано изъ конца въ конецъ Середнимъ куткомъ, доходящимъ до озера Масляного и рѣчки Пекла, занятымъ: Клеменками, Сидоренками, Степаненками, Стовбунами и Тимчаями. На среднемъ кутѣ у топкой низины стоитъ церковь св. Николая, по счету прихожанъ уже четвертая[3]). Она полузакрыта деревьями

---

[1]) «На Загатци чоловикъ Бланъ утопывся у ями, прозвалы іи Бланивська яма»—быть можетъ потомокъ Булана, упоминаемаго въ переписн. кн. 1666 г. (43)?

[2]) У бабки Черкащенка сотникъ Ив. Пиковецъ отнялъ 12 дней поля за 2 руб., «напитые» ею въ шинкѣ, а у Зѣнца Пушкаренка вымѣнялъ поля 6 дней и сѣнокосъ на лошадь. (Лазаревскій. Ист. очер. Полт. Луб. 126, 127).

[3]) Церковь существовала уже съ 1749 г., что́ видно изъ купленныхъ тогда тріодей. Въ церкви хранится крестъ съ надписью: «Сей крестъ сооруженъ Семеномъ Войтовичомъ за отпущеніе грѣховъ своихъ».

погоста, такъ что видѣнъ только шарообразный куполъ. Колокольня остроконечная. Къ церкви ведетъ деревянный помостъ. Первыми священниками были: Гавріилъ Оникіенко и Иванъ Маіоровичъ, изъ мѣстныхъ козаковъ, и Семенъ Кучеревскій, изъ крестьянъ с. Мгаря. Его посылали вмѣстѣ съ другими послушниками на работы въ монастырскія мельницы въ урочищѣ «Красномъ» [1]). Всего жителей 2000. Село зажиточное, богатырями признаются: Вакуленки, Дворяненки, Куци и Симоненки, по уличному Титенки, пришедшіе изъ Зарога. Въ старину болѣе зажиточные хозяева имѣли по 4 пары воловъ, менѣе зажиточные по парѣ, но хлѣбопашество было настолько незначительно, что за полверсты отъ села были уже облоги. Прежде половинщикъ обязанъ былъ лишь вспахать половину участка, а посѣвъ и уборка производились хозяиномъ; изъ сѣна хозяину приходилась третья копица. За то легкій выпасъ содѣйствовалъ развитію скотоводства. Подводъ 20 ходило въ дорогу. У всѣхъ были коровы, да гулевого скота 10—20 головъ, не говоря уже объ овцахъ. У Клеменкивъ, Степаненкивъ и Ярмошей были косяки, у послѣднихъ до 30 матокъ «такихъ, шо до двадцяты годъ и въ рукахъ не булы, грыва тягалась по земли» [2]). Цѣны на домашнихъ животныхъ стояли тогда такія: пара воловъ стоила 10 руб., корова—5, лошадь—5—10, овца—45—60 коп. и валахъ—15. Содержаніе въ общинной чередѣ обходилось 3 коп. и гарнецъ муки, 2 коп. отъ овцы и десятое руно. Теперь черидъ нѣтъ. Пасики не были значительны, не свыше 25—30 пней. Рыболовство развито въ Великой Селецкой, какъ и въ окрестностяхъ. Здѣсь также ловятся: карась,

[1]) Теперь Красный одичалъ: «У Краснимъ вовка захопыла весна и винъ попливъ за чоловикомъ, тильки шо не вхопыть за весло и перепливъ на той бикъ». Возлѣ села въ Стѣнкахъ «выкопано: грошыну, срибный перстень и цурпалокъ золота—закрывылося».

[2]) Такъ какъ по Боплану (Описаніе Украйны, 44) долгогривыми были татарскіе кони, то возможно, что мѣстная порода лошадей поведена отъ татарскихъ жеребцовъ, отбитыхъ во время одного изъ тѣхъ набѣговъ, о которыхъ приведены выше народныя преданія.

линь, вязь, щука, сомъ и плотва (плитки). Ловятся неводами, ятерями (комлачами), соединенными ятерями (паровиками), ятерями съ крыльями (крылачами). Способы ловли различны, смотря по времени года: весной плетнями, какъ и въ Малой Селецкой, лѣтомъ же устраиваютъ каналъ (джерело) между озеромъ и рѣкой и отъ рѣчки дѣлаютъ перебой изъ очерета или лозы (китъ), а въ канавѣ передъ озеромъ другую кить съ широкимъ входомъ изъ раздвижныхъ лозинокъ и узкимъ выходомъ изъ сошедшихся послѣ прохода рыбы лозинокъ. Вошедшая въ средину забоевъ рыба назадъ уже не выйдетъ. Зимою ставятъ ятеря и верши, въ которыя гонятъ рыбу, стѣсненную въ канавахъ. «Разъ бувъ низовый витеръ и рыба пишла у ятирь и натрушено 37 пудивъ на 75 рубливъ; ставъ потимъ витеръ верховый и вона пройшла». Лучшіе уловы на Рождество, но теперь меньше рыбы и она мельче.

Великая Селецкая—чисто козачье село: крестьянъ почти нѣтъ: однако при крѣпостномъ правѣ крѣпостными совершено было преступленіе, о которомъ передаютъ слѣдующее: «Загреба бувъ начальныкомъ и закатувавъ крестянъ до смерти. Крестяны Басъ и Кочура прохалы кучера Загребы, шобъ не одчипавъ дзвинка якъ йиде зъ Загребою, а сами засидалы у Кумовій долыни. А кучеръ одчипавъ у Иржавци. Разъ визъ Максымъ Тараненко (Чубарь) на обывательскихъ. Дойихалы до Кумовои долыны, колы одынъ зъ тихъ крестянъ прыпынывъ кони за поводы, а другый кійкомъ у плечи Загребу, а третій кійкомъ пидводчыка. Былы, былы, такъ не вбьють—и перерizалы горло. Ихъ бывъ катъ такъ, шо тило высило, потимъ товклы у лобъ и порохомъ натыралы» [1]).

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) При Великой Селецкой есть нѣсколько хуторковъ: Баевъ, Ивахненковъ и Маіеровичей, населенныхъ козаками: Баями, Кузями, Малушками и Маіеровичами, изъ которыхъ одинъ былъ священникомъ.

Дрибни нарысы зъ жыття простого люду.

I.

Курій.

Спасивка. Спека страшенна. На току въ Омелька Канчука розислана на ряднахъ мыта пшеныця; іи «калавурыть» хлопья рокивъ десяты. «Калавурщыкъ» лежыть на жывоти, меле ногамы и муготыть соби пидъ нисъ, выстукуючы въ тактъ довгою хвойдыною:

«Зисталося два,
Та й ти пивтора».

Здоровенный табунъ горобцивъ сыдыть недалеко на кущи бузыны и терпляче чекае, покы хлопець закгавытся, щобъ хмарою вкрыты рядна. Инколы якый-небудь «жыдюга» (такъ дражнывъ вартовый горобцивъ) зрывався зъ куща, сидавъ на розчатый стижокъ и, вхопывшы килька зернынъ, тикавъ мерщій назадъ. На цили стогы горобци не одважувалысь сидаты, бо на йидному бувъ вывишаный вбытый шулякъ, а зъ другого стога наганяла острахъ коса. Коса тылипалася на мотузку и видъ найлекшого витру дзвоныла объ палычку, до котрои була прывьязана.

Вся симья Канчукова на поли. Омелько зъ сынамы пойихавъ по снопы, а невисткы десь беруть конопли. Въ осели хазяйнують: отсе хлопья, та старенька бабуся—Омелькова маты.

— Илько! Илько! а ходы-но сюды, я щось цикаве-цикаве маю,—почувся таемный шопитъ зъ-за нескинченого стижка.

Илько озырнувся.

— Эге, ходы! баба казалы, щобъ я не водывся зъ тобою, бо ты шыбеныкъ и злодюга.

— Брепе твоя баба, якъ собака! То вона сама вкрала дивчыною кухлыкъ меду зъ церквы!

— А ты звидкы знаешъ?

— Мени сами наша маты казалы.

— Брепе, мабуть, твоя маты.

— Брепе, брепе! А чужи коровы не твоя маты дойить? Наша Хрыстя бачыла, якъ вона разъ котылась клубкомъ въ Матвійишынъ двиръ, а другого дня Матвійишыни коровы дойилысь кривью.

— Дурный ты, Хомо, отъ що,— промовывъ Илько спокійно. Винъ знавъ, що Хома брехунъ на увесь кутокъ, и давно бъ кынувся кулакамы бороныты добру славу своеи бабуси, але его незвычайно цикавыло, що то блыскуче Хома трымае въ рукахъ.

— Пиду подывлюсь,—подумавъ Илько: «може горобци не вглядять, що мене немае». Озырнувся—коло хаты никого не выдко. Горобци цвиринькалы на бузыни, наче йимъ не було ніякого дила до якоись тамъ пшепыци. Илько пидвивсь, надивъ батькивського соломяного брыля, що доты лежавъ биля его, и несмило пидійшовъ до Хомы. Хома бувъ хлопець рокивъ дванадцяты зъ трохы розбышакуватымъ поглядомъ и вельмы обшарпаный.

— Отъ, братухо,—промовывъ винъ уже мыролюбнымъ тономъ: «лыхо мени зъ батькомъ, та й годи; сёгодня зновъ одибравъ рижокъ зъ табакомъ; теперъ зъ самого ранку не нюхавъ, чы вирышъ, якъ сканудыть мене!» Але Илько не знавъ смаку въ табакови, и выдко було, що винъ не йнявъ виры прыятелеви.

— Ты щось обицявъ показаты?

— Покажы тоби, ёлопе, то ты пидешъ та розскажешъ баби!

— Не бійсь,. не скажу.

- · Брешешъ!

— Ій-Богу не скажу!

— Ну, на, дывысь,—промовывъ Хома, высмыкнувшы зъ-пидъ пахвы бляшану табатырку зъ генераломъ на викови: «тильки въ рукы не дамъ».

— А що тамъ въ середыни?

—- Звольтесь!

Хома надавывъ збоку табатыркы якыйсь шпынтыкъ: воно мыттю видкрылося. Тамъ все було, чого треба справжнёму куріеви: тютюнъ, сирныкы, папиръ... Илько здывувався:

— Де се ты диставъ?

— Де диставъ, то диставъ. Не хочешъ?

— Чого?

— А курыть. Илько помотавъ головою.

— Э, маймула! чы не бабы боишся? Отъ я, братецъ ты мой, и курій, и нюхарь, и все што нада!—закынувъ Хома по-московськи. Инколы то й за губу кладу! А ты разъ покурыть боишся... Охо-хо-хо,—важко зитхнувъ Хома, скручуючы цыгарку: адже-жъ твій батько курыть?

— Хыба й справди спробувать,—дума збытый зъ пантелыку хлопець: хочъ зазнаю, яке воно... Ну, давай!

—- Отъ-такъ бы и давно, дурню!

Илько одидравъ клаптыкъ папирцю и, насыпавшы на нёго пучку тютюну, почавъ крутыты цыгарку. Тютюнъ розсыпався и прылыпавъ до спитнилыхъ пальцивъ; пидъ кинець папиръ бувъ передертый на двое.

— Отъ неукъ, такъ неукъ!—сказавъ Хома: недотепный и цыґаркы скрутыты; дай, лышень, я! Цыгарка хутко була готова, и «неукъ» почавъ прыкурюваты у Хомы.

— Ото ты такъ горобцивъ полохаешъ, щобъ твого бисъ батька полохавъ! Гай, гай икъ нечыстій матери!

— Баба!—жахнувся Илько и, встромывшы въ стижокъ цыгарку, наче опеченый кынувся до рядени: докурю описля,—подумавъ винъ. Горобци шугнулы на бузыну.

— Чы такы такъ роблять хазяйськи диты, га?—грымала сухенька маненька бабуся, чымчыкуючы до ряденъ.

— Я думаю, чого наче хто штовхае сходыты на тикъ, а винъ, бачъ, якъ глядыть! Постій, розсучый сыну, прыйиде батько, я ёму все розскажу: буде въ тебе на зиму и кожушокъ, и чобиткы, и все, винъ тебе вбере!—гомонила стара, розправляючы пшеныцю. Черезъ килька хвылынъ вона попленталась въ хату.

— Ачъ, Иродови жевжыкы чого наробылы! Постійте, попадатесь вы мени котріи въ рукы, я васъ погодую пшеныцею! Я вамъ згадаю, хто гавкавъ: «жывъ-жывъ», якъ жыды Хрыста роспыналы... Та й Хома жъ хытрый въ биса: наче катъ ёго стявъ, якъ гукнулы «баба»,—миркувавъ дома Илько, позыраючы зъ-пидъ брыля то на рядна, то на хату. Впевнывшысь, що баба вже взялась въ хати за якусь роботу и не скоро навидается на тикъ, винъ лигъ биля ряденъ и забубонивъ, махаючы хвойдыною:

«Жыдъ, жыдъ, кателыкъ
Загубывъ черевыкъ».

Сонце завертало саме зъ обидъ и пекло, якъ кажуть, безъ жалю. Скоро въ хлопця счезлы зъ памьяты и прыгода зъ Хомою, и баба, и заткнута зъ стижокъ цыгарка. Въ голови стояла якась нисенитныця, передъ очыма маячилы рядна зъ пшеныцею. Ажъ ось Рябко, що бувъ прывьязаный пидъ повиткою, щось страшно завывъ; зъ-заду наче шось затрищало. Илько озырнувся, и скамьянивъ: половына стижка була обнята полумьямъ.

— Бабо!—хотивъ винъ крыкнуты зъ усіеи сылы, але горло ёму наче хто здавывъ обценькамы. «Бабо, бабо»!—репетувавъ въ думци хлопець—гласу не було чутно. Ногы и рукы булы не мовъ чужи. А стижокъ палахтивъ. Полумья тыхенько повезло по смиттямъ, котре було рострушене по току, до другого стога.

— «Бабо!»—гукнувъ несамовыто Илько и метнувся до хаты, гвалтуючы всю дорогу: «Бабо, бабо!» Полумья мовъ нехотя сунулось до клуни и до третёго стижка. Рябко сумно вывъ. Десь далеко закалаталы въ уси дзвоны.

— Чого ты прышелепуватый лементуешъ?—загрымала переляканa бабуся, вытыкаючысь изъ синей: отъ вбойище, а не

хлоп... Матинко ридна!—заголосыла вона, зырнувшы на тикъ: «це ты, шыбеныку, наробывъ такого... Пречыста свята! рятуй же насъ гришныхъ... Мыколаю, угодныче! Носы, пройдысвите, одежу изъ хаты... Пантелеймоне, цилытелю! зглянься на насъ...»—Гвалтуючы, стара схопыла черезсиделныкъ, котрый валявся въ синяхъ на доливци и однесла заперла въ скрыню; потимъ почала хутко здіймаіы образы, а дали взяла «Неопалыму Купыну», прытулыла іи одніею рукою до грудей и стала носыть изъ хыжы глечыкы зъ молокомъ та выставляты ихъ посередъ двора.

— «Свята Неопалыма Купыно! Мыколаю угодныче! рятуйте насъ!»—одчытувавъ, якъ луна, Илько вслидъ за бабою, та одно носывъ зъ хаты одежу, рядна, подушкы и стоптувавъ усе пидъ дымаръ. А на двори лютувавъ огонь. Навкругы все гоготило. Десь щось ламалось, трищало и зъ грюкомъ падало до-долу. Густый чорный дымъ застылавъ подвирья. Палахтилы тыны, погрибныкъ, комора, повитка, де бувъ прывьязаный рябко. Бидный песь не мигъ найты соби миста; винъ мотався и скиглывъ, докы обгорила кроква не дала ёму сторчъ въ тимья. Полумья почало вже облызувать хатній прычилокъ. Порятувавшы одежу, Илько выскочывъ на двиръ. По дорози винъ схопывъ решето зъ пирьямъ, котре стояло на похвати (бо баба до сёго драла пирья) и почавъ зъ нымъ гасаты по двору, не знаючы куды ёго прыткнуть. Здорова, зовсимъ осмалена свыня выпручалась зъ сажа и, хрюкаючы, хазяйнувала надъ глечыкамы. Стара десь поралась у хыжы. Ажъ ось до ворить прыбигъ верхы Омелько.

— «Де жъ баба»?—скрыкнувъ винъ, уздрывшы Илька. Илько тороплено дывывсь и мовчавъ. «Де баба?—пытаю тебе»,—гримнувъ винъ у-друге и скочывъ у хату. Черезъ килька хвылынъ ёго здоровенна постать показалась въ дверяхъ. Винъ воликъ за собою матиръ, котра опыналась и не хотила иты.

— «Я зразу, зразу»,—бубонила вона: тилькы черезсиделныкъ, отъ ій-Богу не намьятаю, куды я ёго ткнула, дурнисенько пропало двадцять копіёкъ»,—розсказувала стара, плачучы, и прučалась зъ такою сылою, що Омелько ледве мигъ іи втрыматы;

потимъ винъ схопывъ іи якъ дытыну на рукы и вынисъ на середыну двору; въ ту мыть шугнула хатня покривля.

— «Давай машыну!»—товсто репетувавъ хтось за воритьмы.

— «Заперта, а ключи въ старосты,—одповивъ десь инный голосъ. За дымомъ не було ничого выдно.

— «Бижы за старостою»,—крыкнуло разомъ килька голосивъ.

— «Теперъ ёго зъ собакамы не знайдешъ: пишовъ робыть мырову зъ пысаремъ!»

Канчукова оселя тыхенько догоряла.

II.

М а т ы.

Вербна недиля. Сёгодня ярмарокъ въ Иванцяхъ. Стара Евтушыха ще до свита впоралась коло печи и прыбрала въ хати. Зварыла вона дитямъ гречаныхъ вареныкивъ зъ урдою и путри,—нехай вже поласуются рады ярмарку; хоть воно тамъ вареныкы зъ урдою та путря и ласощи не яки, та ба: хто новыны не вырдавъ, то й ветоши радъ. Цилый пистъ диты окримъ жытнёго хлиба та бараболи и въ вичи ничого не бачылы; и то ще бараболя бувае въ хати тилькы въ ряды-годы: якъ де прыйдется на одпрядъ взяты. Такъ уже остогыдлы Евтушыси чужи пивмитки, що й казаты не можно; эгъ, николы и зъ хаты не выводятся; ось и на страстній треба крутыты мотка пысарци за мишечокъ гречаного борошна та за тры симьяни макухы, бо якъ бы не взяла, то й празныкувалы бъ сёгодни надъ сухымъ хлибомъ.

Такъ ще, кажу, и не свитало, якъ Евтушыха скипчыла роботу коло печи и прычепурыла свою хатку.

Впоравшысь, дистала вона зъ-пидъ лавы чоботы и почала заповагомъ взуватысь. Чоботы булы дуже забружени и такъ зашкарублы, що Евтушыха ледви натягла ихъ на ногы.

— Бачъ, сучи диты, якъ заппвендялы,—подумала вона: «ще такы дивчата—ти хоть трохы бережуть, а Васылько, розбышака—

де найбильша тванюка, то винъ туды й чвалае. Постій, сучый сыну, прохатымешъ ты въ мене чобитъ—и понюхать не дамъ: сыды въ хати... ще онъ и шесты рокивъ нема—рано въ чоботяхъ ходыть... Та дебели жъ и вдалысь нивроку имъ,—бубонила стара, одягаючы латану свыту: «ще покійныкъ Евтухъ, царство небесне, и ремину набиравъ и шывъ; здается, саме тіеи осени Васылько знайшовсь»...

— Одначе, якъ же я рано сёгодни схопылась, сказано, не абы куды, а на ярмарокъ! наче й справди йду купоѣаты не матку, щобъ було на чому спаты дитямъ, та горщыкъ, а Богъ ёго зна й що; певне, на тому ярмарку ніякый дядько не думавъ вставать. Сяду-но, лышень, одпочыну, а тымъ часомъ може котре зъ дитей встане; треба наказаты имъ, щобъ доглядалы хаты, та ничого не йилы, покы я вернусь, а то завсигды въ празныкы безъ мене найидятся—ще люде зъ церквы не повыходять...

Сила Евтушыха кинци столу, сила схылылась на руку и задумалась. Передъ нею, тильки що не на голій доливци, покотомъ спалы диты. «Розбышака», положывшы рученята пидъ щоку, спавъ спокійно, неначе праведныкъ. Въ головахъ у нёго лежала батькивська шапка, зъ котрою винъ видъ самисинькои смерти батька не розлучавсь ни въ день, ни въ ночи. Въ що тильки не перекыдала дытяча фантазія сю шапку! Була вона иноди конемъ, потимъ крамныцею, гарбою, машыною, тіею, що молотыть, и тіею, що бига навить туркомъ. Лыхо було сёму туркови, колы Васылько, розлютувавшысь, почынавъ ёго рубаты своею шаблею—качалкою.

— Спыть вояка,—подумала стара, и на поморхлому облыччи іи зъявывся легенькый осмихъ: «все бидолаха побываетcя:—чы скоро, мамо, ти паны, бодай ихъ злыдни побылы, заберуть мене въ москали?» (Де воно, просты Господы, такъ лаятся навчылось)? —Э... сыну! ще до москаливъ багато лыха наберешся; будешъ гынуты по строкахъ зъ голоду та холоду надъ чужою роботою, якъ теперъ гынуть чужи диты. Миркуючы, Евтушыха перевела очи на осьмылитню Хотыну.

— Оть моя плохуточка! Эть, николы и слова на-крыво не скаже: вона навить и сонна лежыть якось збиднывшысь, такъ іи лыченько й говоре: «не руште мене, хыба мени багато треба». Батюшка казалы, чы не найму я іи на сю весну гусей пасты; звисно у батюшкы було бъ гарно служыты, але все-такы хай мабуть ще дома погуляе. Эге! а що зъ моею Настусею? Бачъ, якъ роскыдалася, а ягидкы такъ и грають на щичкахъ; чы вона, лышъ не хора, крый Боже! а я дурна ще й налякала іи вчора, сказавшы, що виддамъ старцивъ водыть, колы не буде слухняною; Господы! Якъ же вона плакала сердешна. О, се въ мене золото— не дивчына: вона въ мене и шваха, и пряха и все. Вчора чую, а вона мете хату, та й выспивуе:

«Сусидочкы-голубочкы
Дайте соли два дрибочкы!»

О, ся найде соби стежечку въ жытти; не зразу нагне голову передъ лыхою годыною; я вже помичаю. Але що, якъ умре? Боженьку мій мылый! Пестыла, пестыла десять рокивъ...

— Кумо, кумо!—гукнувъ хтось пидъ викномъ:—чы вы ще дома? Ходимо разомъ на ярмарокъ.—Евтушыха здригнулась; за думкамы, котри наче комашня, ворушылысь въ голови, вона не вглядила, що на двори зовсимъ ранокъ. Завъязавшы въ пазуху вторговани за яйця два злоты, стара тыхесенько выйшла зъ хаты.

— Чы замкнуты зъ-надвору двери, чы хай такъ? Хай, мабуть, такъ: може забарюся, то дитямъ прыйдется до пивдня сыдиты въ запертій хати.

Цилу дорогу гомонила кума, якъ теперъ важко стало въ свити жыты. Оть и воны выведуть сёгодни продавать останню корову, бо ничымъ догодуваты до новои пашы. Всн тры хлопци наняти въ строкы, навить половына вже грошей пройидена, а другу половыну пройидять до жнывъ. Заробиткы зимою мизерни, або й ніякыхъ. Старый все марыть про Амуръ та про Зеленый Клынъ: «Тамъ», каже: «и земли и лиса доволи, тамъ люде не жывуть, а царствують. Розмовляючы, кумы й несчулысь, колы

прыйшлы па ярмарокъ. Евтушыха мерщій метнулась справляты свои покупкы. Здается, чы велыка ричъ купыты горщыкъ та матку, а пиды жъ ты! На ярмарку всякъ дере бильшъ, чимъ слидъ. Гончари такъ наче змовылысь: до якого ни пидступы, то за маленькый кашныкъ правыть наче за батька. Маткарь тильки одынъ и выйихавъ, то вже звисно ломыть, що хоче; кожному одно товче: «Рогизъ торикъ не вродывъ, та й годи!».. А вже божбы тій кругомъ стильки, що й не сказать. Та тильки на ярмарку божбу не вважають ни Богъ, ни люде. Вже сонечко було добре пидъ обидъ, якъ Евтушыха зъ маткою въ одній руци и зъ горщыкомъ, въ котримъ лежало тры цукеровыхъ москали, въ другій чемчекувала черезъ ярмарокъ до-дому, та несподивано наткнулась на кумедію и зупынылась. Саме посередъ ярмарку була напъята здоровенна халабуда; чуты було, якъ въ середыни катерынка голосно репижыла «розлуку». На двори въ зализній клитци сыдила мавпа. Хлопци обступылы клитку и реготалысь, колы хто мавпи замисть насиння тыкавъ дулю, а та жалибно крывылась.

— Бався, гаво! а Настуся лежыть хора!—несподивано ризнула Евтушыху думка и вона лётомъ полетила до-дому. «Матинко Божа! невже такы видъ самого ранку я про се ни разу не згадала; чымъ хутче бъ до-дому. а тутъ тоби на—зацикавылась на старисть кумедіею. Бидне дивча може пытонькы хоче, та податы никому, а мавпа на мавпу розглядае,—думала стара, хапаючысь за бикъ, въ котрому все дужче и дужче шпыгала колька. «То жъ то на тимъ тыжни пугачъ трычи пугукнувъ на хати, бодай ты пугавъ на свою голову... Ачъ бисова колька не дае дыхать. Побыла мене несчаслыва та лыха годына зъ тымъ ярмаркомъ; и треба було на ёму товктысь пивдня... Чого се Сирко сусидынъ зипъявся на погрибныкъ? Такъ и йе, що на вмируще... Охъ, вищуе мое серденько... я жъ кажу, що такъ... Чы бачъ. якый галасъ въ хати!»

Переляканa Евтушыха прыпала до викна. Васылько стоявъ посередъ хаты и погукувавъ по-вивчарськи: «брьрь», хвоськаючы шапку батижкомъ. Выдко, що шапка була въ нёго сёгодни ота-

рою овець. Хотына сыдила въ запичку дуже замыслена и намынала на колина куцу сорочку. Настуси нема, тильки зъ печи чуется голосный плачъ.

— Щось негараздъ!—подумала стара и торгнула дверьмы—двери булы заперти. Хтось прожогомъ кынувся въ сины и зацокавъ засовомъ. Не вспила Евтушыха переступыты порога, якъ на шыи у неи повысла Настуся, роспатлана и въ одній сорочци. Облыччя іи горило наче въ огни.

— Чого се ты, зиронько моя свитова? ты може слаба на вищо? кажы мерщій моя перепилочко!—говорыла жалибно бидна маты, пыльно прыглядуючысь въ вичи доньци. Рукы іи тремтилы; вона то прыглажувала роскустряне волосся дивчыны, то втырала іи слёзы, котри такъ потёкомъ и лылысь по щокахъ. Але Настуся тильки одхлыпала такъ, що все іи маненьке тильце здригалось, и не мала снагы промовыты ни жадного слова. Трохы заспокоившысь, вона ледви спромоглась сказаты:

— Сирко су... сусидынъ,—и зновъ захлыпала.

— Ну, ну, що Сирко?—допытувалась Евтушыха, якъ у неи разомъ щось одлягло видъ сёрця.

— Сирко су... сусидынъ... якъ мы спалы, вытягавъ вси вареныкы и перекынувъ путню!—нервово скрыкнула Настуся и залылась слизьмы.

— Отъ дурненька! и було зачымъ такъ побыватысь! тильки мамуню налякала. Охъ, Господы мылосердный! Охъ! Не дае колька дыхать.. Я думала, що ты хора. Дай Боже, хочъ и голеньки, та булы бъ циленьки, а прожывемо и безъ путри. Ну, лышень, я переверну тоби сорочку назадъ пазухою.

— Отъ и стара, а дурна,—миркувала сама соби Евтушыха: «и навищо було такъ кыдать двери?»...

П. Майорськый.

Письма къ Остапу Вересаю П. А. Кулиша и Л. М. Жемчужникова[1]).

Эти письма, доставленныя намъ г. П. А. Райко съ просьбою передать ихъ въ кіевскій историческій музей, вполнѣ заслуживаютъ также извѣстности и въ печати, какъ характерный историко-литературный матеріалъ.

Значеніе письмамъ придаетъ уже одно имя адресата, того самаго прилуцкаго бандуриста, Остапа Вересая, который былъ прозванъ въ литературѣ «послѣднимъ кобзаремъ Украины». Дальнѣйшія этнографическія сообщенія доказали,—доказываютъ и въ настоящіе дни,—что Вересай былъ далеко не послѣднимъ кобзаремъ, но во всякомъ случаѣ, какъ хранитель и проникновенный исполнитель стараго кобзарскаго репертуара, О. Вересай былъ

---

[1]) Считаемъ, что появленіе писемъ Кулиша будетъ особенно умѣстно въ настоящей книжкѣ нашего журнала, выходящей въ томъ мѣсяцѣ, который связанъ съ памятью о незабвенномъ Кобзарѣ, Т. Г. Шевченкѣ, и въ которомъ мы всегда старались помѣщать матерьялъ, имѣющій отношеніе къ творчеству или біографіи поэта. Печатаемыя же письма не только характеризуютъ ту ближайшую среду, въ которой жилъ Т. Г-чъ и съ которой находился въ тѣсной духовной связи, но нѣкоторыя частности печатаемой переписки показываютъ также его отношеніе къ товарищу-кобзарю изъ народа.

Ред.

замѣчательнымъ пѣвцомъ; поэтому, какъ мы сказали, печатаемыя письма пріобрѣтаютъ значеніе уже ради его имени. Еще большій интересъ получаетъ эта переписка въ виду того, что почти всѣ письма принадлежатъ перу Кулиша, одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей украинской литературы въ періодъ ея расцвѣтанія, при чемъ характеризуютъ отношеніе къ народному пѣвцу цѣлой группы сотрудниковъ знаменитой «Основы».

Письма Кулиша, обнимающія періодъ отъ 56-го до 66 годовъ, относятся ко времени страстнаго увлеченія значительной части украинской интеллигенціи народнической идеей, украинской этнографіей, ко времени благоговѣйнаго почтенія къ своей народной пѣснѣ и народнымъ пѣвцамъ, удержавшимъ её; именно Кулишъ и явился самымъ ревностнымъ выразителемъ такого отношенія: кобзарямъ и лирникамъ, этимъ «боянамъ», «бардамъ», «хранителямъ народной традиціи», «воспитателямъ великаго духа всей націи», посвятилъ Кулишъ въ Запискахъ о Южной Руси горячія, вдохновенныя страницы, въ свою очередь производившія такое сильное впечатлѣніе на читателей.

Каковы же были личныя отношенія автора помѣщаемыхъ писемъ собственно къ Вересаю? о чемъ и какъ писалъ корифей литературы къ слѣпому кобзарю, тогда еще мало извѣстному? Именно эти письма проливаютъ истинный свѣтъ на близкое знакомство Кулиша какъ лично съ Остапомъ Вересаемъ, такъ и съ его репертуаромъ: въ первомъ же письмѣ, отъ 10 дек. 1856 г., Кулишъ напоминаетъ Вересаю о томъ, какъ онъ, П. А., бывалъ въ хатѣ у Остапа, читалъ ему книжки и тамъ же слушалъ его пѣсни, думы, послушать которыя онъ снова выражаетъ желаніе. Въ Запискахъ же о Южной Руси находимъ лишь бѣглое и неопредѣленное упоминаніе объ Остапѣ (какъ можно думать—Вересаѣ): именно во 2-мъ томѣ Записокъ (отъ 82-й стран.) Кулишъ приводитъ разсказъ, притомъ не свой, а Л. М. Жемчужникова,—лишь *въ его, Кулишовой, редакціи*,—о случайной встрѣчѣ въ полтавщинѣ, по дорогѣ въ Кіевъ, этого художника, автора рисунковъ Живописной Украины, съ «кобзаремъ Остапомъ». Весь разсказъ прекрасно отдѣланъ въ стилистическомъ отношеніи (не даромъ

онъ говоритъ: «стану повторять слова Жемч—ва, сколько позволитъ мнѣ моя память,—точно какъ-бы это я самъ странствовалъ между народомъ»). Но передача сообщенія художника-этнографа имѣетъ болѣе поэтическій, чѣмъ обстоятельный характеръ: передается о встрѣчѣ Ж—ва съ кобзаремъ «Остапомъ» гдѣ-то въ степи, въ полузанесенной снѣгомъ придорожной корчмѣ: группа крестьянъ—«крипакивъ», тоже застигнутыхъ, какъ и Ж—овъ, «хуртовыною», сидитъ, развлекаясь бесѣдой о своихъ дѣлахъ и разсказами фантастическими, въ чемъ принимаетъ участіе и странствующій кобзарь, перемежающій свои разсказы игрою на кобзѣ и пѣніемъ оригинальныхъ пѣсенъ... Ни Ж—овъ, ни Кулишъ (хотя-бы въ какомъ либо примѣчаніи) не говорятъ при этомъ, въ Зап. о Ю. Р., кто именно былъ этотъ кобзарь «Остапъ»,—какъ называли его слушатели-крестьяне въ корчмѣ: но это имя, мѣсто дѣйствія, вблизи прилуцкихъ имѣній вспоминаемаго крестьянами «добраго пана», «Григорія Павловича Г.» (Галагана?), наконецъ приводимая характерная пѣсня о «Правдѣ и неправдѣ» заставляетъ думать, что кобзарь Остапъ, пѣвшій её въ корчмѣ, былъ именно сокиринскій кобзарь Вересай. Впослѣдствіи Ж—овъ помѣстилъ изображеніе кобзаря въ Живоп. Украинѣ, обозначивши его какъ портретъ Остапа Вересая, но это было уже въ 1861 году... а въ записяхъ, пересказанныхъ въ Зап. о Южн. Р. отъ имени Ж—ва, стоитъ помѣтка «1855 г., декабря 25-го»,—вслѣдъ за послѣднимъ аккордомъ редактора-Кулиша: «Мятель гуляла въ степи по прежнему, и въ завываніи вѣтра вокругъ моей кибитки мнѣ всё слышался высокій голосъ бандуриста, воспѣвающаго торжество неправды»... И только. Кобзарь Остапъ промелькнулъ такимъ образомъ въ Зап. о Ю. Р. фантастическимъ силуэтомъ, какъ личность неизвѣстная. Между тѣмъ можно думать, что редакторъ Зап. о Ю. Р. *зналъ,* кто былъ кобзарь, пѣвшій такія замѣчательныя пѣсни, какъ о «правдѣ» и объ исторіи легендарнаго священника съ Кирикомъ (поэма будто-бы тогда же, вмѣстѣ съ пѣснею о правдѣ украинской записанная въ степной корчмѣ, отъ того-же «странствующаго кобзаря»); это доказывается именно первымъ нижепомѣщеннымъ письмомъ Кулиша къ Остапу Вересаю

въ Сокиринцы. Письмо, правда, писано годомъ позже записи Жемч—ва, а именно помѣчено 56 г. (дек. 10-го), такъ что во время *встрѣчи* Ж—ва съ Вересаемъ Кулишъ могъ быть еще не знакомъ съ кобзаремъ, но къ тому времени, какъ Кулишъ выпускалъ въ свѣтъ 2-й томъ Зап. о Ю. Р., *въ которомъ помѣщенъ разсказъ о встрѣчѣ съ кобзаремъ Остапомъ* и его двѣ пѣсни, о «Правдѣ» и о «Кирикѣ», редакторъ сборника уже зналъ Вересая, такъ какъ 2-й томъ Зап. о Ю. Р. вышелъ въ 1857 году, т. е. *годомъ позже*, чѣмъ писано первое письмо Кулиша къ Вересаю (въ 1856 г.).

Почему же Кулишъ, такъ обстоятельно говорившій въ Зап. о Ю. Р. о кобзарѣ Андреѣ Шутѣ, изъ черниг. села Алекандровки, и о другомъ кобзарѣ, Архипѣ Оржицкомъ, умолчалъ о прозвищѣ и вообще о личности кобзаря Остапа, о его точномъ мѣстѣ жительства и о своемъ личномъ знакомствѣ съ нимъ, которое несомнѣнно явствуетъ изъ его письма?...

Странную роль играетъ здѣсь запись отъ лица Жемчужникова пѣсни про Кирика, сдѣланная въ корчмѣ отъ «кобзаря Остапа». Не говоря о томъ, что трудно записать длинную легенду въ 12 страничекъ, прослушавъ её всего одинъ разъ въ пѣніи, подъ аккомпаниментъ бандуры, при томъ записывая украдкой, въ качествѣ закусывающаго въ сторонѣ, «какъ бы совершенно равнодушнаго слушателя» (такъ говорится въ Зап. о Ю. Р. о записываніи Ж. въ корчмѣ); но самая легенда—письменнаго происхожденія: извѣстно нѣсколько *списковъ* этой сатиры, идущей съ запада[1]), разсказывающей о нѣкоемъ священникѣ, наказанномъ (за свою алчность при переговорахъ съ бѣднымъ прихожаниномъ Кирикомъ) тѣмъ, что къ нему во время исканія имъ клада прирастаетъ воловья шкура вмѣстѣ съ рогами. Или кобзарь, пѣвшій при Жемч—вѣ въ корчмѣ близъ с. Яблоновки, былъ не Вересай?.. если же кобзарь Остапъ, крипакъ «Григорія Павл. Г.», былъ О. Вересай, то почему онъ впослѣдствіи, часто являясь въ Кіевъ и тамъ исполняя передъ многими слушателями свои пѣсни, ни-

---

[1]) У насъ также имѣется одинъ волынскій списокъ ея.

когда не пѣлъ о Кирикѣ и алчномъ священникѣ,—даже тогда, когда подробно диктовалъ кіевскимъ членамъ Геогр. Общ. весь свой репертуаръ, начиная съ самыхъ «поважныхъ» пѣсенъ и кончая сатирическими, шуточными? Очевидно, что легенда-сатира, попавшая въ Зап. о Ю. Р., была Остапу Вересаю *неизвѣстна*.

Кто же кого ввёлъ въ заблужденіе,—Жемчужниковъ ли Кулиша, или Кулишъ читателей Зап. о Ю. Р.?...

Можно предположить, что именно благодаря введенной сатирической *легендѣ о Кирикѣ*—осталась въ туманѣ (какъ мнѣ кажется, нарочитомъ) личность кобзаря, будто-бы исполнявшаго её: пѣлъ её гдѣ-то какой-то «странствующій кобзарь»...

Думы старыя, именно тѣ, которыя зналъ Вересай, тоже помѣщены (въ 1-мъ томѣ Зап. о Ю. Р.),—въ *значительно дополненномъ* видѣ,—но о нихъ сказано, что пѣлъ ихъ—тоже гдѣ то «въ степномъ хуторѣ»—кобзарь Архипъ Никоненко, приходившій туда изъ села Оржицы, луб. уѣзда, и «вскорѣ послѣ того умершій». Одна изъ этихъ думъ (о козакѣ Голотѣ) помѣщенная впереди, въ томъ же 1-мъ т. Зап. о Ю. Р., какъ записанная отъ Архипа, была совсѣмъ новою, не имѣвшею варіантовъ, и сочтена была впослѣдствіи учеными критиками—сомнительною....

Позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе по поводу вообще думъ и пѣсенъ, записанныхъ «въ степи» отъ кобзарей «странствующихъ», или «уже умершихъ». Трудно считать большой виной, какимъ то пятномъ на литературномъ образѣ Кулиша наличность въ его изданіи матеріаловъ, сильно «дополненныхъ» редакціей, или даже совсѣмъ на-ново созданныхъ этнографами, какъ напр., дума о «походѣ древняго князя» (съ участіемъ «Посвитача» и другихъ подобныхъ силъ), или «смерть и прощанье козака съ бандурой». При спокойномъ разсмотрѣніи, не только думы, но и многіе прозаическіе разсказы Зап. о Ю. Р. покажутся значительно разработанными, сравнительно съ тѣми народными, краткими отрывочными мотивами, о которыхъ упоминаетъ Кулишъ и которые послужили имъ основною *темою*. Пожалуй, едва-ли даже можетъ быть поданъ народный *прозаическій* разсказъ въ полномъ видѣ, безъ значительнаго личнаго возстановленія его

записывателемъ: попробуйте заставить *диктовать* себѣ сказку или иной прозаическій разсказъ—и онъ сейчасъ-же сдѣлается краткимъ, блѣднымъ: только тогда можно получить полный разсказъ, если онъ льется свободно; при записываніи же такого разсказа бываетъ возможно отмѣтить лишь основной скелетъ его, да иногда своеобразную деталь, а ужъ потомъ приходится возстановлять болѣе полно. Вотъ здѣсь и скажется способность этнографа воспринимать народные разсказы, скажется его знаніе языка и оборотовъ народной рѣчи.

Кулишъ безспорно былъ такимъ знатокомъ,—поэтому всѣ разсказы Зап. о Ю. Р. представляютъ собою замѣчательные образцы, такъ сказать, народной украинской беллетристики. Та-же искусная рука дала художественно-народную отдѣлку и оповиданнямъ интеллигентныхъ авторовъ въ Основѣ—и тѣмъ безкорыстно создала имъ славу *замѣчательныхъ произведеній украинской литературы.*

Если подъ часъ перейдена была мѣра въ «реставраціи» памятниковъ этнографическихъ, то это, конечно, была вина противъ науки; но даже и здѣсь, прежде чѣмъ «бросить камень», надо взвѣсить, чего дали больше эти «реставраціи» хотя-бы для этнографіи какъ науки,—вреда или пользы. Строгой наукѣ, спокойной критикѣ, изощренной на появившихся съ теченіемъ времени многочисленныхъ этнографическихъ данныхъ, совсѣмъ не трудно было избѣжать заблужденія и отличить «стихотворенія въ народномъ духѣ» отъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ; между тѣмъ Зап. о Ю. Р., бывшія не столько этнографическимъ и историческимъ сборникомъ, сколько публицистическою и восторженно-патріотическою проповѣдью, возбудившею національное самосознаніе, горячую любовь къ народной словесности,—воспитали многихъ. Вліяніе этой проповѣди еще не оцѣнено по достоинству; пусть читавшіе её въ молодости припомнятъ, какое сильное впечатлѣніе она производила и какъ она будила прежде всего желаніе не дать погибнуть дорогимъ остаткамъ старины, желаніе ревностно искать продуктовъ народнаго творчества,—рамки котораго были обозначены Кулишомъ такъ широко.

Такимъ образомъ можно сказать, что даже грѣшившіе противъ точной науки реставрированіями и даже импровизаціями Кулишоваго сборника дали богатую жатву и для точной науки,— въ видѣ появившейся массы матеріаловъ, собранныхъ усердными руками послѣдователей горячей вѣры.

Послѣ этой оговорки, безъ боязни, что наши коментаріи могутъ показаться тяжелымъ упрекомъ замѣчательному дѣятелю, возвратимся къ его письмамъ, изъ которыхъ первое, писанное въ 56-мъ году, доказываетъ, что Кулишъ, не назвавши Вересая,— по какимъ-то своимъ соображеніямъ,—въ Зап. о. Ю. Р., былъ знакомъ съ нимъ, а конечно и съ его репертуаромъ, *за годъ до выхода въ свѣтъ 2-го тома записокъ* (вышедшаго въ 57 г.). Можетъ быть, знакомство это состоялось и раньше; а тѣ думы, которыя пѣлъ Вересай, значительно дополненныя, помѣщены въ 1-мъ томѣ, какъ исполнявшіяся другимъ кобзаремъ, между тѣмъ какъ «странствующему» невѣдомому кобзарю Остапу приписана поэма о Кирикѣ и попѣ,—которую Вересай не зналъ.

Заслуги остаются заслугами, а факты фактами.

Но какими бы соображеніями ни руководствовался Кулишъ при такомъ обращеніи въ печати съ именемъ и репертуаромъ Вересая,—дѣйствительнымъ и условнымъ,—всѣ письма его къ этому пріятелю-кобзарю чрезвычайно интересны также по тому вниманію, которое обнаруживается въ нихъ со стороны Кулиша и его сотрудниковъ, В. Бѣлозерскаго, Жемчужникова, Шевченка, къ народному пѣвцу. Кулишъ помнитъ о немъ, пишетъ къ нему изъ далекаго Петербурга, отрываясь отъ массы работы, находя время для длинныхъ писемъ къ нему даже среди своей кипучей дѣятельности въ Варшавѣ, когда онъ состоялъ членомъ Учредительнаго Комитета. Затѣмъ—Кулишъ посылаетъ Остапу Вересаю не только письма, но книги и деньги; не велики посылаемыя денежныя суммы, но, повидимому, не велики были и потребности Вересая: изъ одного письма видно, что когда онъ самъ обратился къ своимъ пріятелямъ-литераторамъ съ просьбою о помощи, то просилъ всего 4 рубля... И деньги были ему посланы. Затѣмъ слѣдовали новыя посылки,—опять таки всего по нѣсколько рублей,—

но много ли найдется ученыхъ корреспондентовъ, которые,—использовавши субъектъ, послужившій имъ источникомъ цѣнныхъ (и полезныхъ для ихъ ученой славы) матеріаловъ,—помнили бы о нёмъ въ далекой сторонѣ и посылали бы ему денежныя пособія?... А Кулишъ это дѣлалъ. Это тоже является фактомъ.

Кромѣ Кулиша, посылали Вересаю деньги Бѣлозерскій и Жемчужниковъ. Чрезвычайно трогательна одна приписка Кулиша (къ письму № 5), въ которой говорится также о денежной прибавкѣ Вересаю и отъ Тараса Гр. Шевченка. Не велика эта его посылка, всего 1 рубль, но по истинѣ можно уподобить её евангельской дорогой лептѣ убогой вдовицы, когда вспомнимъ, какъ скудны были достатки самого Тараса Григорьевича.... Вниманіе его къ кобзарю Остапу сказалось также въ посылкѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и книги своихъ сочиненій, съ надписью—«рукы своеи власнои». Гдѣ-то теперь эта книга? какую службу она служила въ Сокиренцахъ, и какова была надпись Кобзаря-писателя на подаркѣ кобзарю «невыдю́щому»?...

Опять таки, много ли авторовъ, посылающихъ авторскіе подарки такимъ безвѣстнымъ пріятелямъ изъ народа?... Характерно для того времени и для тѣхъ людей!...

Что до вниманія Кулиша къ Вересаю, то онъ не только писалъ ему длинныя письма, но, повидимому, и тщательно обдумывалъ ихъ, отдѣлывая также форму писемъ,—являясь и здѣсь тѣмъ прекраснымъ стилистомъ, какимъ онъ былъ вездѣ. Можно думать, что Кулишъ, писавши къ Вересаю, приноравливался къ его складу мыслей, къ его міросозерцанію: библейской простотой, «набо́жностью» и кротостью, покорностью судьбѣ вѣетъ отъ этихъ писемъ...

Своеобразными являются нѣкоторыя мѣста писемъ Кулиша къ Вересаю—изъ Варшавы. Не симпатичны эти мѣста своимъ не въ мѣру торжествующимъ, злораднымъ тономъ: «Довелося *намъ* старшынуваты надъ ляхамы», «*мы* гнуздаемъ ихъ» и т. д. Какъ объяснить эти длинныя самомнительныя тирады Кулиша въ письмѣ къ украинскому простолюдину? Дѣйствительно ли въ Кулишѣ заговорила, торжествуя, кровь «козацькои дытыны», потомка со-

словія, еще живо помнившаго кровавые счеты, или и здѣсь Кулишъ до нѣкоторой степени хотѣлъ быть въ своихъ письмахъ только *понятнѣе* кобзарю, пѣвцу думъ о былыхъ «утыскахъ» и «чварахъ»?

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что, говоря свои торжествующія рѣчи,—при чемъ быть можетъ даже нѣсколько преувеличивая свое значеніе (хотя все-же членъ «русскаго Учредительнаго Комитета въ Варшавѣ» —былъ тогда лицомъ довольно важнымъ!),—Кулишъ не говоритъ: «*горе* побѣжденнымъ!» Напротивъ, онъ говоритъ: «но мы не хотимъ теперь мстить полякамъ, не хотимъ обижать ихъ, какъ они обижали насъ, мы хотимъ только правды, хотимъ сдѣлать какъ лучше для нихъ же, освобождая ихъ *народъ* изъ подъ *панской* и всякой иной неволи и кривды.—Эти прибавки и разъясненія Кулиша значительно стушевываютъ несимпатичныя фразы его варшавскихъ писемъ,—въ общемъ являющихся любопытными документами своего времени. Но при чтеніи каждой фразы этихъ писемъ слѣдуетъ помнить, что Кулишъ желалъ приноравливаться къ понятіямъ человѣка изъ народа.

Интересно, въ своемъ родѣ, коротенькое письмо Л. Жемчужникова (№ 5). Оно привѣтливо и показываетъ искреннее расположеніе къ пріятелю-кобзарю, но... довольно прочитать въ подлинникѣ это короткое писемцо, чтобы предположить, даже судить съ увѣренностью,—какъ много обязаны его полтавскіе разсказы, помѣщенные въ Зап. о Ю. Р., редакторскому перу Кулиша, пересказавшаго ихъ! Хотя Жемчужниковъ и называетъ себя «Левкомъ», но слишкомъ замѣтна самозванность этого Левка,—родомъ великоросса (изъ калужской губ.): краткое письмо его не только лишено характерныхъ украинскихъ выраженій, но авторъ его плохо управляется и съ фонетикой украинской, со звуками *і* и *ы*, *е* и *у*, путаетъ *тебѣ* и *тебе* и т. д. Нѣтъ, не блистали бы вообще такимъ прекраснымъ украинскимъ языкомъ сказки, помѣщенныя въ Зап. о Ю. Р., «слышанныя» Львомъ Жемчужниковымъ, если бы по нимъ не прошлась рука Панька Кулиша!...

«Земля ему перомъ!» Пусть живетъ въ сердцахъ земляковъ добрая память о немъ, благодарная за все то великое добро, которое онъ сдѣлалъ для украинскаго слова.

О. Пчилка.

P. S. Отвѣтныя письма Вересая—напечатаны; въ изданіи, составляющемъ чрезвычайную библіографическую рѣдкость (галицкая Правда за 68 г.), особенно у насъ. Письма эти, диктованныя Вересаемъ, или во всякомъ случаѣ писанныя отъ его имени, представляютъ также любопытный документъ. Пока познакомимся съ письмами Кулиша.

№ 1.

Любезный мій друже Остапе!

Посылаю тоби ту кныжку, котру я тоби чытавъ у тебе въ хати. Дай Боже, щобъ вона показала тоби дорогу до царства небесного. Прошу тебе помолыться и за мене Богу, щобъ Богъ пославъ мени добрый розумъ, на науку людямъ. А мы тебе зъ Левомъ Мыхайловычемъ завсигда спомынаемъ, и въ кныжци твій партретъ напечаталы. Прышлю тоби колысь и ту кныжку съ партретомъ. Теперъ вона ще не готова.

Бувай же здоровъ да не забувай насъ. Посылаю тоби и грошей шисть рублывъ; тры одъ мене, а тры одъ Лева Мыхайловыча. Може, въ тебе есть яка нужда, то покрый свою нужду симы грошыма.

Оце брате Остапе, збираемось мы у далеку дорогу, до чужыхъ земель, учыться всякого розуму. Попросымо тебе, помолысь за насъ Богу. Може, Богъ твою мужычу молытву почуе скорійше, нижъ нашу панську. Не за грошы наши помолысь Богу, а за те, що мы щырою душею бажаемъ усякому доброму чоловикови святого добра.

Якъ будемъ вертаться зъ чужыхъ земель, то зайидемъ до тебе послухаты твоихъ писень и розумныхъ ричей твоихъ.

Щырый пріятель твій П. Кулишъ.

1856, декабря 10. С.-Петербургъ.

№ 2.

Що жъ се мени нихто не перешле ни словечка про мого друга Остапа? Колы жывъ; то передайте ёму си тры карбованця; колы жъ нема вже ёго на сёму мизерному свити, то знайдить инпу убогу людыну зъ безталанныхъ рабивъ панськыхъ и, не даючы въ рукы, справте на іи яку ій треба одежыну [1]).

№ 3.

Друже мій Остапе!

Радію душею, що мій гостынчыкъ знадобывся тоби въ хазяйстви. Просышъ ище чотыри карбованця на телычку,—посылаю. Дай Боже тоби диждаты свого скорому. Збираюсь и я на Вкраину, и може побачу тебе и поражусь зъ тобою, якъ у свити жыты. А Левъ Мыхайловычъ ажъ у Парижи. Не скоро до насъ вернется. Напышы до мене, якъ ты свое жытіе совершаешъ, чы йе яка тоби утиха, чы знай сумуешъ слипуючы. Мы й выдющи люде, да й мы не багато добра зазналы По правди тоби скажу, що жывемо тильки для того, що така воля Божа, а по своій воли—то дáлеби и не схотивъ бы того жыття мызерного, того щастя злыдéнного...

Бувай здоровъ та не забувай свого щырого прыятеля Панька.

1859, марта 22. С.-Петербургъ.

---

[1]) Это—отрывокъ изъ письма Кулиша, неизвѣстно кому писаннаго; сохранился только одинъ листочекъ, безъ даты.

№ 4.

Коханый друже нашъ Остапе!

Спасыби Богу, мы жывемъ на свити не згиршъ одъ иншыхъ людей. Шкода, що бувшы на Вкраини, не зайихавъ у Сокыренци, щобъ зъ тобою въ смакъ наговорытысь. Що жъ се ты, Остапе, такъ нескоро до насъ обизвався? А мы вже думалы, що чы не очортило тоби на свити жыты та чы не пишовъ ты ще на той свитъ спиваты! Колы бъ то Богъ намъ давъ укупи зъ тобою на тому свити: отъ бы вже гарно було—такъ такъ! Тамъ уже ніякого дила не треба робыть, то все бъ тебе слухалы, а тутъ часомъ и борщу николы сёрбнуты. А ты, Остапе, може, думаешъ, сыдячы тамъ у Сокыренцяхъ, що мы тутъ на боку лежымо. Ни, братику, мы не дурно хлибъ йимо. Тымъ то, николы и хотивъ бы сюды-туды пойихаты, та неволя наша, що дила свого нáдовго покынуты не можно. Отсе жъ тильки й осталось намъ лыстамы зъ тобою перекыдатысь. Пышы жъ до насъ не линуючысь, щобъ зналы мы, якъ тоби тамъ у Сокыренцяхъ на свити жывется.

Прощай, та не забувай твого друга П. Кулиша.

1860, окт. 23. С.-Петербургъ.

Посылаю й я тоби два карбованця гостынця.

№ 5.

Коханый друже Остапе! [1])

Часто я тебе згадувавъ [2]) и згáдую. Жду не дождусь, коли то мы побачимось, щобъ послухаты твоихъ старосвитськихъ писень. Спасиби тоби за памьять, спасиби и за те що мыслишъ мини и моій жинці зъ диткамы. Не забувай мене и якъ тилько мене згадаешъ заразъ и пиши до мене листъ та й прописуй усе

---

[1]) Письмо это печатаемъ съ сохран. правописанія подлинника.

[2]) Написано «згадувалъ», исправлено—«згадувавъ».

свое житье. Нехай тебе[1]) Богъ на світі держыть людямъ на науку а твоій жінці та дітямъ на пидмогу и утіху. Гляды жъ щобъ ты молодшіхъ понаучувавъ своіхъ пісень, щобъ твои пісни зъ тобою разомъ не повмірали[2]).

Бувай же здоровъ зъ жинкою и зъ[3]) диткамы, та сгадуй мене друга твого Левка Жемчужного.

1860 года, С.-Петербургъ.

Посылаю тоби два карбованці гостынця.

Приписка къ этому же письму рукою Кулиша.

Якъ напысалы мы до тебе, Остапе, лыстъ, тутъ саме нагодывсь до насъ у хату нашъ славный на увесь свитъ кобзарь Тарасъ Шевченко, та й каже: «Нате жъ и одъ мене карбованця, щобъ и моя була памьятка въ Остапа, бо я ёго знаю, я чытавъ про ёго у одній кныжци, де ёго писни надруковани». Отъ тоби ще карбованець прыбавывсь про твою нужду, Остапе! Та ще роздобрывшысь посылае тоби Тарасъ Грыгоровычъ и свою кныжку, зъ надпысомъ рукы своеи власнои.

№ 6.

Я оце, друже мій Остапе, вернувся зъ далекои дорогы, тай найшовъ у господи твій лыстъ, що ты пысавъ ище ажъ на провесни. Дуже бажаю послухаты твого спивання любого, та ніякъ не вверпусь до тебе зайихаты; а все жъ прошу тебе не забуваты мене на сій гиркій чужыни, що ни слова ридного не почуешъ, ни облычча земляцького не побачышъ, а все вже те перемоскалене и перенимечене. Тильки трыдцять денькивъ и пожывъ я, Остапе, пройиздомъ на Вкраини,—не можно було бильше, та, якъ прыйихавъ сюды, у сей городъ тисный та холодный, та якъ стривъ одного свижого землячка, що ще й дывытся и розмовляе такъ, якъ у насъ добри люде по селахъ, то далеби трохы не заплакавъ!

[1]) Написано—«тебѣ», рѣзко исправлено—«тебе»

[2]) Написано—«поумірали», исправл.—„повмірали".

[3]) Напис.—„съ", испр. «зъ».

Посылаю жъ тоби, друже Остапе, про твою нужду ще два карбованця, а ты мене тоди згадай у души твоій, якъ найкращу писню самъ соби заспиваешъ.

Зъ Левкомъ Мыхайловычемъ ще не бачывся, а якъ побачусь, то й лыстъ твій передамъ ёму.

Щиро прыхыльный до тебе П. Кулишъ.

1861, сент. 14. С.-Петерб.

№ 7.

Прошу тебе, друже мій, Остапе, прыслаты мени ту писню, що ты зложывъ, у Полтаву, надпысавшы письмо просто на мое имя; бо я оце вже збираюсь на Вкраину. Посылаю тоби кныжечку мого компонування. Назвавъ я іи *До́свиткы.* Нехай тоби прочытають, щобъ знавъ ты, якъ я жыву въ свити и про що я думаю, про що згадую, чого людямъ бажаю. Все те писеннымъ складомъ пропысавъ я.

Посылаю тоби й карбованця грошей про твою нужду, а якъ дасть Богъ, що побачымось, то може й бильшъ у кышени для тебе знайдется.

Левъ Мыхайловычъ пойихавъ ажъ у Пензенську губернію. Бувай здоровъ, друже Остапе, та не забувай мене. П. Кулишъ.

1862, березоля 14, С.-Петербургъ.

Посылаю тоби ще кныжечку про Хмельныцького, якъ винъ выбывсь изъ-пидъ ляхивъ, мого жъ такы компонування.

№ 8.

Р. Б. 1865, лыстопада 16-го дня, зъ Варшавы.

Давно вже, коханый друже Остапе, не славъ я до тебе лыста, та й засумовавъ, не мавшы видъ тебе висты. А ты, може, и радъ обизватысь до мене, такъ не знаешъ, де я обертаюсь. Завела мене доля ажъ за ричку Выслу, у городъ Варшаву. Суды-

лось, бачъ, козацькымъ дитямъ порядкуваты въ лядському краи, такъ, якъ порядкувалы колысь ляхы въ насъ на Вкраини. Тильки воны згорда намы орудовалы и добра намъ не мыслылы, а мы пораемось у ныхъ по-хрыстіянськи. Воны въ насъ простый людъ у неволю повертали, а мы лядську чернь вызволяемо на волю зъ-пидъ несытыхъ панивъ, та й самымъ панамъ неправды ніякои не робымо, тильки не даемо имъ верховодыты по-шляхецькій, а нахыляемо ихъ пидъ законъ. Отъ на таке то дило и мене зазвано у Варшаву, а козакъ до сёго торгу пишкы, бо ёму любо ляха гнуздаты. Слава Богу, що мы таки люде не никчемни и йе зъ насъ корысть Цареви нашому и всёму православному мырови. Ну, и жывется нашому братови въ Варшави таки й геть добре. Воно бъ то въ хутори було краще сыдиты, та не всимъ же пасишныкуваты або пахарствуваты. Отъ и ты, Остапе, маешъ не таке, якъ инши люде, дило, та й безъ тебе не можно обійтысь мырови Божому. Тебе на те создавъ Господь, щобъ не забувалась на свити наша стара старовына. Темный ты чоловикъ, а якъ заграешъ у бандуру та заспиваешъ, то и въ такого серце стрепенется, що ввесь свитъ изйиздывъ. Тымъ твое дило, друже Остапе, спасенне, и ты на свою долю не нарикай, хочъ вона тоби и гирка здается. Одарывъ тебе Богъ розумомъ и словомъ такымъ, що выдющи въ тебе учатся и пысьменни люде тебе поважають. Отъ я и за Выслою про тебе згадую, наче братъ про брата, а все черезъ те, що Богъ тебе создавъ кобзарюваты. Не забувай же и ты мене, друже, и прышлы мени оповидання про твое жыття старече, про твое горе и про радисть, колы маешъ іи. Пысаты жъ до мене такъ: въ Варшаву, оттакому-то, въ Учредительный Комытетъ.

Пріятель твій П. Кулишъ.

№ 9.

Розумни, мабуть, коло тебе и люде, друже Остапе, що вмилы такъ гарно твои слова пропысаты, ото жъ не сумуй и не

вдавайся въ тугу, що твоя доля така щербата! Йе тоби кому й заграты й заспиваты, йе зъ кымъ розумне слово сказаты. Отъ и панъ Галаганъ тебе, якъ бачу, поважае за твое кобзарство. Хвалы Бога мылосердного, що пры твоій темноти, зможешъ ты своимы устамы таки словеса проповидаты, що й велыкымъ панамъ и вбогымъ людямъ однаково до вподобы. Може бъ, чые серце й заснуло въ роскоши, а ты ёго збудышъ своею писнею и на добре дило наведешъ. А другый чоловикъ, зъ велыкого клópоту, серцемъ туманіе,—ты й того розважышъ, звеселышъ, або розжалобышъ своею бандурою. Се дило святе, Остапе, друже мій любый. Згадай, якъ у церкви чытають зъ апостола Павла: *духа не угашайте.* Слово апостолове и до тебе прыходытся: щобъ ты не скупывсь передъ людьмы на спивання и на розумни розмовы. Выдючымъ дано одъ Бога одно дило, а тоби друге, и все жъ однаково потрибне на свити. Отъ же ты не сгашай свого духа, а що маешъ на серци, все выспивуй и словамы промовляй. Ще жъ до сёго треба тоби, друже Остапе, знайты хлопця такого, щобъ уси твои писни перенявъ. Нехай воны не вмирають, якъ прыйде годына, для всихъ едына. Ты подумай тильки. яке велыке добро зробывъ бы ты вбогому хлопцеви, навчывшы ёго тыхъ думъ, що за ныхъ тебе паны шанують. Одно се дило одчыныло бъ тоби двери у царство небесне. Колы тоби добре черезъ твои спивы, то нехай сёго добра и хто иншый дознае. Сежъ у тебе скарбъ давній, предкивськый: такъ не чесно було бъ тоби ёго у землю зъ собою закопуваты. Нехай не вмирае предкивська слава, що булы колысь козакы, славне лыцáрство, и вызволялы зъ-пидъ ляхивъ ту саму землю, де ты жывешъ, и обороныли виру православну видъ латынцивъ католыкивъ и руського мыру прыбавылы геть ажъ по Чорне море, ато булы загарбалы ляхы и Днипро, и Десну, и Сулу и вси земли ажъ по-за Ворсклу. Тымъ и треба тоби славыты твоимы писнямы козакивъ, нашыхъ предкивъ; нехай люде знають, якъ воны зъ-пидъ лядськои кормыгы вызволылысь; а щобъ слава козацька во викы вични не вмирала, навчай своихъ писень усякого охочого, не вважаючы, яка тоби зъ того буде корысть. Тоди я

тебе ще бильшъ поважатыму, и твоя памьять навикы на земли зостанется.—Посылаю тоби, друже Остапе, на твое убожество чотыри карбованця грошей,—два видъ мене, а два видъ мого родыча Васыля Билозерського, щобъ ты насъ обохъ помынавъ у своихъ молытвáхъ. Про свое жыття пышы до мене лысты, щобъ я знавъ, чы жывый ты ще, чы здоровый.

Пріятель твій правдывый П. Кулишъ.

Року Божого 1866, сичня 10 дня, зъ Варшавы.

№ 10.

Велыка була мени втиха чытаты твій розумный лыстъ, друже мій Остапе, а ще бильша була бъ, колы бъ я тебе своимы очыма побачывъ и ушыма почувъ. Отъ же негайна робота държыть мене далеко видъ мого хутора, та ще й довго держатыме. Хочъ же часомъ и важко бувае серцю на чужыни, а все жъ такы слава Господеви, що диждалы козацьки диты пануваты надъ ляхамы. Скоро про се згадаю, заразъ увесь сумъ зныкне зъ душы. Ой тяжко жъ бо колысь було нашымъ предкамъ пидъ ляхамы, що повернулы булы всю нашу Днипрову Русь у мужыцтво и виру нашу прозвалы *мужыцькою вирою*. Попы нашы благочестыви робылы на католыкивъ панщыну, ишлы въ пидводы и одбувалы всякый одбутокъ ривно зъ посполытымы, а подушне ляхамъ платылы протопопы и архымандрыты, не то що! Теперъ же—хвалыты Господа—мы взялы надъ ляхамы гору и въ русъкыхъ земляхъ, и въ лядській земли. Оцей самый Кулишъ, Остапе, що до тебе лысты пыше, старшынуе въ Польщи надъ усимъ католыцькымъ голенымъ попивствомъ, и хылятся передъ нымъ ксёндзы такъ, якъ хылылысь колысь нашы священныкы передъ вельможнымы панамы ляхамы. Такъ чы не одрада жъ козацькому серцю сю дывовыжу справляты! Може бъ иншый козарлюга вернувсь изъ раю, абы на таке подывытысь. Тильки жъ мы не згнущалысь; мы доглядаемо, щобъ воны людей не обдурювалы, щобъ мыромъ не колотылы, та й годи. Отъ же и те важко ксёндзамъ

прелатамъ и бискупамъ, бо мынулася ихъ пыха велыка, мынулось ихъ несыте напування. Воны бо, колы хочешъ знаты, орудувалы всимы велыкымы дукамы въ Польщи и самого круля польського до чого хотя прыводылы; а теперъ мусять у насъ изъ рукъ дывытысь. Такъ Богъ смырывъ гордыню католыцьку. Не легкé жъ дило сыхъ пройдысвитивъ гнуздаты: великои треба тутъ праци, а ще бильшои обачносты. Тымъ то й до свого хутора николы мени навернутысь. Да вже жъ колысь упораюсь трохы, то прыбижу хочъ на малый часъ до-дому. Тоди и тебе, друже Остапе, жывымъ словомъ прывитаю. Прышлю по тебе коныка, щобъ ты до мене у хуторъ Пиддубень прыйихавъ изъ своею кобзою, та щобъ мою душу звеселывъ козацькымы старосвитськымы думамы. Посылаю на твое вбожество два карбованця и прошу тебе не вдавайся у тугу, щобъ твого вику стало мени на старисть. Якъ буду колысь у хутори коло насикы вику дожываты, то й тебе, Остапе, прытулю коло себе, и що-дня зъ тобою про старосвищыну розмовлятымемъ и про козацьку славу спиватымемъ.

Щырый прыятель твій Панько Кулишъ.

Р. Б. 1866, м-ця червеня, зъ Варшавы.

№ 11.

Посылаю тоби, друже Остапе, на твое убожество пьять рублевыхъ бумажокъ, а лыста на сей разъ не пышу, бо не маю часу; а ты мени напышы, якъ тоби жыветься на свити, та не вдавайся у тугу; жды, покы я выйду зъ службы; тоди жытымемо зъ тобою въ мене на хутори.

Щырый твій прыхыльнык Панько Кулишъ.

1866, октября 18, зъ Варшавы.

Николай Ивановичъ Савичъ.

(Прикосновенный къ дѣлу украинскаго Кирилло-Меѳодіевскаго Общества—1847 г.).

Въ журналѣ «Русская Мысль» за 1885 г.—въ №№ за *май* и *іюнь*—напечатана была въ первый разъ «Автобіографія Н. И. Костомарова». Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: На зиму (1846 г.) опять съѣхались въ Кіевъ всѣ члены Общества (Кирилло-Меѳодіевскаго) и постоянно собирались то у одного, то у другого. *Въ концѣ года пріѣхалъ въ Кіевъ Савичъ (братъ профессора С.-Петербургскаго университета), собиравшійся въ Парижъ, познакомился со мной, и я завербовалъ его въ Общество. Онъ такъ увлекся имъ, что измѣнилъ планъ своего путешествія и, вмѣсто Парижа, рѣшилъ ѣхать въ славянскія земли для распространенія идей Общества.* 25 декабря 1846 г. было роковымъ днемъ для членовъ Общества. Собрались мы въ квартирѣ Гулака: *былъ и Савичъ*. Шевченко и я горячились, мечтали о томъ, какъ разростется Общество; Шевченко, по своему обыкновенію, выражался не совсѣмъ цензурно о существующихъ порядкахъ. Между тѣмъ за стѣной сидѣлъ нѣкто Петровъ и записывалъ все, что говорилось; потомъ этотъ Петровъ сблизился съ Гулакомъ, втерся въ его довѣріе и, узнавши окончательно всѣ подробности и планъ Общества, написалъ доносъ въ III отдѣленіе.—Но бѣда обрушилась на членовъ Общества не такъ скоро. Послѣ

того мы еще прожили спокойно болѣе трехъ мѣсяцевъ: *Савичъ уѣхалъ заграницу тогда же—въ декабрѣ»*. (*Май*, стран. 212).

Въ книгѣ: «Литературное наслѣдіе» Н. И. Костомарова (Спб., 1890 г.) также напечатана автобіографія Костомарова; но здѣсь *эпизодъ о Савичѣ* имѣетъ уже нѣкоторые варіанты. Вотъ что мы здѣсь читаемъ объ этомъ: «Наступили рождественскія святки (1846 г.). *Въ Кіевъ пріѣхалъ старинный мой знакомый, бывшій нѣкогда студентъ Харьковскаго университета, Савичъ, помѣщикъ гадячскаго уѣзда. Онъ ѣхалъ въ Парижъ. Въ первый день Рождества мы сошлись съ нимъ у Гулака на Старомъ городѣ—въ домѣ Андреевской церкви.* Кромѣ него, гостемъ Гулака былъ Шевченко. Разговоры коснулись славянской идеи. Мы разговаривали, не стѣсняясь и не подозрѣвая, чтобы наши рѣчи кто-нибудь слушалъ за стѣной съ цѣлью перетолковать ихъ въ дурную сторону. А между тѣмъ такъ было»... (стран. 67-я).

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1892 г. въ № 7-мъ—въ статьѣ: «Объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ» (докладъ графа А. Ѳ. Орлова 28 мая 1847 г.) находимъ такія свѣдѣнія: «По доносу студента Алексѣя Петрова генералъ-губерн. Бибиковъ 17-го марта 1847 г. арестовалъ Гулака; кромѣ того, въ С.-Петербургъ доставлены изъ Кіева: Костомаровъ, студенты Андрузскій и Посяда, Шевченко; изъ Варшавы: Кулишъ и Бѣлозерскій; изъ Полтавы—дѣйствит. студентъ Навроцкій. Еще вытребованы изъ Кіева студ. Марковичъ *и изъ-заграницы помѣщикъ полтавской губерніи Савичъ.*—Рѣшеніе дѣла: «Настоящее дѣло можетъ быть рѣшено нынѣ, не ожидая доставленія изъ Кіева студ. Марковича *и изъ-заграницы помѣщика Савича, тѣмъ болѣе, что они не были участниками Украйно-Славянскаго Общества,* и, вѣроятно, суть только украйнофилы; слѣд. дѣло о нихъ можетъ быть произведено и докончено отдѣльно (стран. 343-я).

Въ «Русской Старинѣ» 1889 г.—*ноябрь*—въ матеріалахъ подъ заглавіемъ: «Къ Истор. Русск. Общества 1807—1849 гг.»—между прочимъ читаемъ: «1847 г., марта 24. Начальникъ Петербургской губерніи далъ знать надлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, что: *въ 1846 г. отправились заграницу*: а) *Помѣщикъ*

полтавской губерніи, гадячскаго уѣзда—Николай Ивановичъ Савичъ; б) служащій въ С.-Петербургѣ Пантелеимонъ Александровичъ Кулешъ, посланный заграницу Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для изученія славянскихъ нарѣчій—и в) дворянинъ Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ... Нынѣ, въ мартѣ 1847 г., по встрѣтившейся чрезвычайной надобности, состоялось повелѣніе, при возвращеніи означенныхъ *Савича*, Кулеша и Чижова, въ Россію, *задержать ихъ на самой границѣ, опечатать, не разсматривая на мѣстѣ, всѣ ихъ бумаги и вещи* и тотчасъ вмѣстѣ съ оными отправить въ С.-Петербургъ, въ III отдѣленіе, въ сопровожденіи самаго благонадежнаго и вѣрнаго чиновника и подъ строжайшимъ надзоромъ». Къ этому мѣсту редакція «Русской Старины» сдѣлала такое примѣчаніе: «Всѣ поименованныя здѣсь лица, немного лѣтъ спустя, въ царствованіе Александра II, *прославились какъ знаменитые: ученый (Савичъ)*, писатель-издатель (Кулишъ) и публицистъ-экономистъ (Чижовъ), и всѣ заняли видное и почетное мѣсто на ряду образованныхъ и полезныхъ своему отечеству и Государю русскихъ общественныхъ дѣятелей» (стр. 368-я).

Очевидно, редакція «Русской Старины» *смѣшала арестованнаго въ 1847 г. Савича* съ извѣстнымъ профессоромъ-математикомъ Савичемъ, хотя изъ автобіографіи Н. И. Костомарова—въ «Русской Мысли» 1885 г.—она могла уже узнать, что это былъ только *братъ профессора Савича* (двоюродный?).—Естественно, вслѣдъ за этимъ появились въ «Русской Старинѣ» поправки и дополненія по поводу сдѣланнаго редакціею ея смѣшенія *двухъ различныхъ Савичей*. Именно—въ *декабрьской* книжкѣ того же 1889 г. Ѳ. С. Глинка сдѣлалъ поправку, что «академикъ и профессоръ астрономіи называется *Алексѣй Николаевичъ Савичъ* и что другого ученаго съ этой фамиліей не существуетъ». (Стран. 846-я). Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1890 г. появилась дополнительная замѣтка И. А. Тютчева подъ заглавіемъ: «Дѣятели науки Савичи». Здѣсь названы: 1) Академикъ Алексѣй Николаевичъ Савичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, 2) Н. Ѳ. Савичъ и 3) Вихран. Иванъ Савичъ (стр. 760-я).

Но вотъ что замѣчательно: въ то время, когда на страницахъ «Русской Старины» шелъ, такъ сказать, *повальный обыскъ* о нѣкогда арестованномъ по прикосновенію къ Украино-Славянскому Обществу *Николаѣ Ивановичѣ Савичѣ*,—этотъ послѣдній преспокойно жилъ себѣ въ Одессѣ... Уже онъ въ это время былъ глубокимъ старикомъ—и не было у него охоты напоминать о себѣ въ печати по поводу *дѣлъ давно минувшихъ дней*... А можетъ быть онъ и не зналъ, что его *разыскиваютъ*... уже не полицейскія власти, а русскіе историки... Но дивно то, что ни одинъ изъ интеллигентныхъ друзей Никол. Иванов. Савича (а у него ихъ было много въ Одессѣ...) не отозвался въ «Русскую Старину». Въ такой неизвѣстности для «Русской Старины» Николай Ивановичъ Савичъ и окончилъ дни свои—въ Одессѣ 20 мая 1892 г.—Въ одной изъ мѣстныхъ газетъ — именно въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (отъ 29 мая 1892 г. въ № 135-мъ) появился его некрологъ, написанный однимъ изъ его друзей—проф. *Владиміромъ Алексѣев. Яковлевымъ*. († 10 апрѣля 1899 г.). Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь этотъ некрологъ цѣликомъ: «Вчера (22 мая) въ 6 часовъ утра, скончался одинъ изъ одесскихъ старожиловъ и городскихъ общественныхъ дѣятелей *Николай Ивановичъ Савичъ*. Послѣдній родился въ имѣніи отца своего, полтавскаго помѣщика, въ 1808 г. и получилъ образованіе въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1827 г., послѣ чего служилъ въ драгунахъ и сдѣлалъ Турецкую кампанію 1828—1829 гг.: чрезъ два года послѣ заключенія мира Савичъ вышелъ въ отставку и жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ своего отца, гдѣ имѣлась довольно большая библіотека, состоявшая по преимуществу изъ произведеній французскихъ писателей XVIII в., чтеніемъ которыхъ онъ увлекался, такъ что о немъ можно смѣло сказать, что онъ былъ воспитанъ энциклопедистами и Вольтеромъ, и не даромъ близкіе его знакомые называли его «послѣднимъ волтерьянцемъ». Послѣ смерти отца, въ 30-хъ годахъ, Николай Ивановичъ отправился заграницу—прямо въ Парижъ, куда влекла его возможность довершить свое образованіе въ томъ же усвоенномъ имъ «вольтерьянскомъ» направленіи. Въ Парижѣ Савичъ

прожилъ три года, слушая лекціи въ «College de France» безъ всякой системы, болѣе серьезно занимаясь химіей, знаніе которой ему было необходимо для веденія сельскаго хозяйства Возвратившись въ началѣ 40-хъ годовъ на родину, нашъ вольтерьянецъ провелъ нѣсколько лѣтъ безвыѣздно у себя въ деревнѣ, изрѣдка выѣзжая въ Полтаву и Кіевъ, гдѣ онъ сошелся съ Шевченкомъ, Костомаровымъ, Кулишемъ, Гулакомъ и вступилъ въ члены, такъ называемаго, тайнаго Общества Кирилла и Меѳодія, такъ что, когда члены Общества были арестованы (въ 1847 г.), въ числѣ ихъ былъ арестованъ и Савичъ; но чрезъ полгода онъ былъ освобожденъ и высланъ въ свое имѣніе, гдѣ прожилъ безвыѣздно два года.—Въ 1848 г. Н. И. Савичъ переселился въ Одессу, сошелся съ профессорами тогдашняго Ришельевскаго музея и по своему уму и образованію сталъ однимъ изъ весьма замѣтныхъ членовъ историческаго одесскаго интеллигентнаго Общества. Когда изданіе «Одес. Вѣстн.» (въ 1858 г.) перешло въ руки профессоровъ Богдановскаго и Георгіевскаго. Савичъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Здѣсь имъ напечатано нѣсколько фельетоновъ и статей по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. Между прочимъ, на страницахъ «Одес. Вѣстн.» этого года началась впервые въ русской журналистикѣ полемика о классическомъ и реальномъ образованіи—между проф. Орбинскимъ (классикомъ) и Савичемъ (реалистомъ).—Со введеніемъ въ Одессѣ мироваго института, Николай Ивановичъ избранъ участковымъ мировымъ судьей. По окончаніи срока избранія, Савичъ совершенно удалился отъ дѣлъ и нѣсколько лѣтъ безвыѣздно прожилъ въ своемъ имѣніи (волынской г.); но съ 1878 г. окончательно поселился въ Одессѣ, откуда выѣзжалъ нѣсколько разъ заграницу, при чемъ однажды едва не лишился жизни, будучи ограбленъ на сумму болѣе 200,000 руб. нѣкіимъ Новицкимъ. Дѣло это, безъ сомнѣнія, памятно нашимъ читателямъ.—Покойный Николай Ив-чъ былъ однимъ изъ последнихъ могиканъ «старыхъ европейцевъ», очень остроумный, *съ скептическимъ взглядомъ на все и всѣхъ*. Зорко слѣдя за всѣмъ творящимся въ современномъ, почти совершенно чуждомъ ему обществѣ, онъ всегда дѣлалъ своеобразную оцѣнку текущимъ явленіямъ

общественной жизни, литературы и науки. Съ какимъ восторгомъ относился онъ, наприм., къ Щедрину, Л. Толстому,—хотя находилъ въ нихъ именно то, чего никакъ не могли видѣть современники нашихъ корифеевъ литературы. Оригинальность его проявлялась во всемъ—во внѣшности, вкусахъ и сужденіяхъ.—Еще надо замѣтить одну черту характера покойнаго: онъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ, серьезныхъ собесѣдниковъ,—достоинство довольно рѣдкое у современнаго поколѣнія. Извѣстіе о смерти его,—мы увѣрены,—вызоветъ искреннее сожалѣніе въ многочисленныхъ его знакомыхъ, глубоко его уважающихъ».

Мнѣ лично удалось узнать кое-что о жизни Н. И. Савича въ Одессѣ, даже больше: я имѣлъ удовольствіе видѣть этого почтеннаго старца, разговаривать съ нимъ и даже навѣстить его въ его домѣ. Разскажу объ этомъ вкратцѣ.

Въ первый разъ я услышалъ о Савичѣ въ 1885 г. отъ протоіерея *Михаила Ильича Діевскаго* († 16 іюня 1893 г.)—его стариннаго пріятеля. Протоіерей Діевскій—уроженецъ кіевской губерніи, магистръ Кіевской Академіи 1851 г.—былъ добродушнѣйшій и гостепріимнѣйшій человѣкъ и щирый украинецъ.

Хотя я и услышалъ о Савичѣ, но еще не имѣлъ повода предполагать въ немъ тождества съ бывшимъ знакомцемъ Костомарова, Гулака и другихъ кіевлянъ и съ участникомъ роковыхъ Кирилло-Меѳодіевскихъ разговоровъ въ рождественскій праздникъ 1846 г.... Только по прочтеніи «Автобіографіи Костомарова» въ *Русской Мысли*, и особенно послѣ перваго свиданія съ Савичемъ, я сталъ приходить къ этому предположенію и поэтому сталъ естественно сильно интересоваться личностію Савича, много видѣвшею и испытавшею на своемъ вѣку.... Въ первый разъ я увидѣлъ Н. И. Савичаслу—чайно—21 марта 1889 г. въ одесской публичной библіотекѣ, въ комнатѣ завѣдывавшаго тогда этой библіотекой профес. Влад. Алек. Яковлева, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ. Савичъ былъ уже глубокій старикъ—средняго роста, плотный, съ красноватымъ, нѣсколько одутловатымъ лицомъ

и большою окладистою бородою, но еще довольно бодрый и разговорчивый... Въ разговорѣ онъ между прочимъ упомянулъ, что онъ былъ въ Кіевѣ во время ареста Шевченка и что онъ везъ въ Парижъ поэму Шевченка «Кавказъ» для передачи *Адаму Мицкевичу* и передалъ... Говорилъ также, что видѣлъ Гоголя въ Одессѣ въ 1850 г. на обѣдѣ у *Александра Григорьевича Тройницкаго*, при чемъ вездѣ были разставлены сочиненія Гоголя въ разныхъ переплетахъ—и на столѣ, и на шкафахъ—вездѣ [1]).—Послѣ этого свиданія, я пришелъ къ несомнѣнному убѣжденію, что увидѣлъ того самаго Савича, о которомъ Костомаровъ писалъ въ своей «Автобіографіи», и потому сталъ искать случая, чтобы ближе съ нимъ познакомиться и разспросить его о немъ самомъ и о тѣхъ достопамятныхъ лицахъ, съ коими онъ находился въ сношеніяхъ... Я сталъ просить о. М. И. Діевскаго сходить со мною къ Савичу. Онъ обѣщалъ, но при этомъ говорилъ, что сначала нужно разузнать, можетъ ли насъ Савичъ принять; для этого—дескать—нужно прибрать время, ибо съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ прихварывать... да и неудивительно,—тогда старцу было уже 80 лѣтъ съ лишнимъ... Наконецъ о. Михаилъ Ильичъ повелъ меня къ Савичу, жившему въ собственномъ домѣ—на Надеждинской улицѣ, противъ Сабанѣева моста... Николай Ивановичъ принялъ насъ радушно—въ своемъ кабинетѣ, какъ былъ—въ халатѣ и съ колпакомъ на головѣ... Стали говорить о семъ о томъ... Я сталъ заговаривать о лицахъ давно минувшаго времени. Николай Ивановичъ отвѣчалъ охотно... Вспомнилъ о Гулакѣ-Артемовскомъ, котораго онъ зналъ въ Харьковѣ еще молодымъ. У Гулака-Арт. онъ видѣлъ Адама Мицкевича, который заѣзжалъ въ Харьковъ—по дорогѣ изъ Крыма въ Москву—въ 1826 г.,

---

[1]) Ал. Тройницкій былъ тогда редакторомъ «Одесскаго Вѣстника» и инспекторомъ Института благородн. дѣвицъ. Въ 1857 г. онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, былъ товарищемъ министра внутр. д. и членомъ знаменитыхъ «Редакціонныхъ коммиссій» по крестьянскому дѣлу,—скончал. 12 марта 1871 г. въ званіи члена Государственнаго Совѣта.

везъ съ собой знаменитые свои *Крымскіе сонеты.* Гулакъ-Артем. перевелъ его *Пана Твардовскаго* на малорусскій языкъ; но въ концѣ стихи—это его собственная прибавка. Именно:

Мабудь вси чорты бурлакы,
Тай ще розумъ мають:
Знають, де зимують ракы—
Отъ жинокъ втикають...

Еще вспомнилъ Савичъ объ эпиграммѣ на Гулака-Арт., написанной по поводу его стихотворенія: *Панъ та Собака.* Эпиграмма эта была собственно пародіей на *надпись къ портрету Хераскова.* Въ этой надписи были такіе послѣдніе стихи:

«Владиміръ» и «Іоаннъ» щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертія введутъ...

Соотвѣтственно съ этимъ въ эпиграммѣ на Гулака-Арт. было сказано:

Сирко—рябко хвостомъ его прикроютъ
И въ храмъ безсмертія введутъ...[1])

Не могу хорошенько вспомнить, кому приписывалъ Николай Ивановичъ написаніе этой эпиграммы. Кажется, профессору греческаго языка Куницыну.—Еще вспоминалъ онъ, при этомъ о какомъ-то французѣ *Гибалѣ*, который былъ большой волокита и имѣлъ своимъ соперникомъ Гулака-Артем.... Этотъ Гибалъ,—прибавилъ онъ,—былъ послѣ, кажется въ Одессѣ—убитъ на дуэли французомъ *Фе* въ первый день Свѣтлаго праздника [2]).

[1]) Объ этой эпиграммѣ упоминается въ «Воспоминаніяхъ о Харьковскомъ университетѣ *М. Ѳ. де-Пуле,* напечатанныхъ въ *Вѣстникѣ Европы*—въ 70-хъ годахъ...

[2]) Это, конечно, тотъ самый *Гибалъ,* о которомъ упоминается въ книгѣ, изданной въ Одессѣ проф. *Ал. Ив. Маркевичемъ* и *Петр. Корн. Борзаковскимъ*—подъ заглавіемъ: «Ришельевскій Лицей и имп. Но-

Почему-то заговорилъ при этомъ *объ усахъ*—что ихъ нельзя было носить тогда никому, только одни гусары имѣли на это право; даже кирасиры и пѣхотинцы не имѣли этого права... А Гулакъ-Артем. носилъ усы, и Савичъ вспомнилъ стихи, написанные Артемовскимъ по этому поводу, коихъ былъ такой конецъ:

«Пусть громъ небесный грянетъ
Надъ головой того бородобрѣя,
Кто жало бритвенно усами чародѣя
Безжалостно... *(дальше не помню)*.

Заговорили о Гоголѣ... Николай Ивановичъ сказалъ, что онъ самъ лично зналъ тѣхъ лицъ въ Полтавщинѣ, съ кого Гоголь нарисовалъ Чичикова, Коробочку и другіе свои типы... И сталъ называть по именамъ и фамиліямъ эти лица... Не могу вспомнить теперь этихъ именъ. Помню только, что *Чичиковъ*—по его словамъ—это былъ предводитель дворянства въ полтавскомъ уѣздѣ, скупалъ у разныхъ помѣщиковъ мертвыя души и заложилъ въ Опекунскій Совѣтъ... *Коробочка*—была въ зѣньковскомъ уѣздѣ, а также и въ миргородскомъ. Одинъ—не помню какой—изъ героевъ Гоголя былъ мелкопомѣстный помѣщикъ въ гадячскомъ уѣздѣ—имѣлъ 5 или 6 душъ крестьянъ и назывался *Войко*... [1]).

воросcійскій университетъ. Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета» 1898 г.—Здѣсь говорится, что Гибалъ былъ надзирателемъ лицея и редакторомъ «Journal d'Odessa»; что онъ родился въ Россіи, но получилъ образованіе въ лицеѣ Метца и что онъ убитъ на дуэли въ Ботаническомъ саду—*наканунѣ* перваго дня Свѣтлаго Христова Воскресенія; но не сказано—*кѣмъ* (стр. 64).

[1]) Мнѣ припоминается при этомъ, что писала дочь С. Т. Аксакова *Вѣра Сергѣевна* къ *М. Г. Карташевской*—въ ноябрѣ 1845 г.: «малороссы вообще, особенно въ Миргородѣ, терпѣть не могутъ Гоголя за то, что онъ ихъ вывелъ въ смѣшномъ видѣ, и говорятъ, что *Мертвыя души* написаны на нихъ-же; всегда выдумываютъ на него всевозможныя сказки, такъ что бѣдную мать часто мучатъ...». (См. въ *Русскомъ Архивѣ* 1890 г. № 8: С. Т. Аксакова: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ»—стран. 151).

И оживился Ник. Ив. Савичъ, вспоминая всю эту старину... Но тутъ произошло одно обстоятельство, которому причиною былъ я и котораго доселѣ не могу простить себѣ—и даже удивляюсь, какъ это я рѣшился допустить его, при всей своей осторожности... Разсказы Савича о прототипахъ гоголевскихъ героевъ такъ меня заинтересовали, что я непремѣнно хотѣлъ замѣтить ихъ имена и фамиліи и для этого невольно вынулъ изъ бокового кармана бумагу и карандашъ и собирался записывать ихъ... Когда увидѣлъ это Н. И Савичъ,—сейчасъ же перемѣнилъ тонъ: перестатъ вспоминать о старинѣ и началъ разспрашивать насъ о разныхъ текущихъ дѣлахъ... Какъ я потомъ уже ни старался загладить въ глазахъ его свой поступокъ,—ничего не помогло... Ни малѣйшаго упрека не сдѣлалъ мнѣ Николай Ивановичъ; но о старинѣ своей разсказывать послѣ этого рѣшительно не хотѣлъ... Конечно, онъ догадался, что передъ нимъ—не простой собесѣдникъ, а такой человѣкъ, который можетъ впослѣдствіи передать его разсказы и въ печати... Очевидно, онъ думалъ, что я начну разспрашивать его объ обстоятельствахъ его участія въ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, а также о подробностяхъ вскорѣ послѣдовавшаго его ареста при возвращеніи его изъ Парижа въ Россію—и проч. и проч.... Очевидно, это было больное мѣсто въ его душѣ, котораго онъ не хотѣлъ, кажется, и повѣрять другимъ... Тяжко ему было, видно, вспоминать объ этомъ... для меня же все это было очень прискорбно потому, что уже лишало меня возможности *въ другой разъ* зайти къ Н. И. Савичу и опять поговорить о старинѣ... Нельзя уже было никакъ напрашиваться на разспросы, и нужно было волей-неволей оставить почтеннаго старца въ покоѣ... Онъ радушно угостилъ насъ чаемъ, и мы съ о. Мих. И. Діевскимъ попрощались съ нимъ... Съ тѣхъ поръ я уже больше не видалъ Н. И. Савича... да онъ вскорѣ и скончался...

Сообщ. **А. М.**

П. А. Кулишъ и его сотрудничество въ „Искрѣ" 1859 г.

Самымъ плодотворнымъ періодомъ въ дѣятельности П. А. Кулиша была вторая половина пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда, при всеобщемъ оживленіи русскаго общества, съ особой силой выдвинулся въ наукѣ и литературѣ и малорусскій вопросъ. П. А. Кулишъ въ тѣ годы жилъ по преимуществу въ Петербургѣ, работая совмѣстно съ Н. И. Костомаровымъ надъ изданіемъ Актовъ Южной Россіи, готовя изданіе «Записокъ о Южной Руси», сочиненій Гоголя. «Черной Рады» и пр. Всѣ эти серьезные труды не помѣшали ему однако принять участіе и въ сатирическомъ журналѣ «Искра», начавшемъ издаваться въ 1859 г. подъ редакторствомъ В. Курочкина и Н. Степанова. Объ этомъ сотрудничествѣ П. А. Кулиша въ «Искрѣ» совершенно забыли и біографы его, и составители библіографическихъ указателей его сочиненій. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, мы и хотимъ, воспользовавшись указаніемъ на участіе П. А. Кулиша въ «Искрѣ», встрѣченнымъ нами въ книгѣ Мих. Лемке «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики 19 столѣтія»[1]), познакомить читателя съ этой маленькой страничкой изъ жизни и литературной дѣятельности Кулиша.

Изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ, являвшихся въ русской журналистикѣ со второй половины 18-го вѣка, безспорно, самое

[1]) Спб. 1904 г., стр. 43.

выдающееся положеніе занималъ журналъ «Искра», особенно въ періодъ времени съ 1859 г. по 1864 г. Иниціаторами дѣла, Курочкинымъ и Степановымъ, приглашены были къ сотрудничеству лучшія литературныя силы, благодаря чему по всѣмъ вопросамъ русской жизни можно было встрѣтить въ «Искрѣ» талантливо и мѣтко составленныя статьи, корреспонденціи, остроты, и особенно—каррикатуры. Разсматривая этотъ журналъ за первые годы существованія его, читатель и теперь не безъ удовольствія остановится на нѣкоторыхъ остроумныхъ изображеніяхъ отрицательной стороны въ тогдашней русской общественной жизни. Совершенно почти обойденъ въ журналѣ малорусскій вопросъ, не дававшій, очевидно, повода издателямъ «Искры» вышучивать и высмѣивать его, какъ это многократно дѣлалось и раньше, и позднѣе въ русскихъ журналахъ. Сочувственное отношеніе къ этому вопросу со стороны издателей лучше всего доказывается тѣмъ, что они пригласили къ участію въ журналѣ, въ качествѣ литературнаго работника, П. А. Кулиша, слишкомъ опредѣленно тогда заявившаго уже себя своимъ *украинскимъ* направленіемъ. Въ какой мѣрѣ было участіе Кулиша въ составѣ редакціоннаго кружка, періодически собиравшагося для совмѣстныхъ обсужденій, намъ не извѣстно, но литературное его участіе выразилось, во первыхъ, въ томъ, что въ теченіе 1859 года за его подписью появилось въ «Искрѣ» три разсказа изъ малорусской жизни—«Панъ Мурло», разсказъ моего пріятеля (№ 7, и 8 и 9), «Сельскій философъ», малороссійскій анекдотъ (№ 38), «На почтовой дорогѣ въ Малороссіи» (№ 49). Мы считаемъ, что не безъ участія Кулиша, а во всякомъ случаѣ не безъ его вліянія, было помѣщено въ томъ-же году нѣсколько анекдотовъ изъ малорусскаго быта, а также разсказовъ или совсѣмъ безъ подписи, или за подписями *П. Д.* («Пулечка»—разсказъ изъ провинціальной жизни, съ малорусскими фразами; разсказъ, по всѣмъ примѣтамъ, касается Полтавы—№ 33), *Тихорскій* («Оборотень»—разсказъ изъ малорусской жизни—№ 43).

Ввиду того, что указанные три разсказа П. А. Кулиша совершенно позабыты, а также ввиду того, что «Искра» тѣхъ

годовъ представляетъ теперь библіографическую рѣдкость, мы рѣшаемъ перепечатать эти разсказы, на первый разъ помѣщая два изъ нихъ, меньшихъ по объему.

В. Н.

I.

На почтовой дорогѣ въ Малороссіи.

Не люблю я—да и никто, надѣюсь—почтовыхъ нашихъ дорогъ въ глуши провинцій. Но нигдѣ онѣ такъ не отвратительны, какъ въ Малороссіи. Это каналы, которыми цивилизація, заимствованная у нѣмцевъ, безъ особенной разборчивости, проведена въ разные административные пункты нашего края. Какова была эта цивилизація и какъ она приспособлена къ потребностямъ нашего края нашими бюрократами-предками, мы видимъ на губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашихъ, гдѣ народъ, живущій роскошно при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, исплутовался неисправимо и невозвратно. На почтовыхъ дорогахъ она оставила свои обноски, по которымъ легко судить, во что она была одѣта. Почтовыя дороги въ Малороссіи обманываютъ наблюдательность иноземнаго путешественника до смѣшного, представляя ему образчики народа, чуждаго аборигенамъ, или по языку, нравамъ и обычаямъ, вовсе не-малороссійскимъ, или по искаженію языка, нравовъ и обычаевъ, въ которыхъ знатокъ видитъ гніеніе вѣтвей, отдѣленныхъ отъ ихъ родного дерева. Трудно даже сказать, какое племенное начало преобладаетъ на станціяхъ и постоялыхъ дворахъ, украшающихъ почтовыя дороги въ Малороссіи. Здѣсь вы встрѣчаете и евреевъ, и цыганъ, и людей Богъ знаетъ какой породы, стекающихся сюда отовсюду на легкую добычу, безъ потового труда. Представители малороссійскаго населенія являются между этими владыками торговыхъ, промышленныхъ, а часто и воровскихъ сдѣлокъ, не иначе, какъ въ роляхъ страдательныхъ. Это—или ямщики, которыхъ помѣщикъ, содержатель станціи, обрекъ на вѣчную гоньбу, или *дивчата*, погубленныя соблазномъ,

пожалуй, увлеченныя бѣдностью на службу станціоннымъ смотрителямъ и евреямъ, содержащимъ станціи. На одной станціи я встрѣтилъ замѣчательный образчикъ изъ этого послѣдняго разряда личностей.

Пріѣхалъ я подъ вечеръ. Лошадей мнѣ не дали, потому что ожидали *губернаторскаго проѣзда.* Напрасно было бы предъявлять свои права, особенно съ моимъ ничтожнымъ чиномъ. Одинъ иностранецъ, котораго я засталъ на станціи; сидѣлъ тутъ со вчерашняго дня, дожидаясь, пока проѣдетъ губернаторъ. Въ козацкомъ селѣ, къ которому примыкаетъ станція, достать лошадей не было возможности, по той простой причинѣ, что его смиренные обитатели держатъ однихъ воловъ, а лошадей не держатъ. Они убѣдились многолѣтними опытами, что козацкія лошади мало служатъ хозяину, а больше—мѣстной полиціи, которая, въ лицѣ письмоводителей, въ лицѣ командированныхъ изъ города чиновниковъ, или головы, сотскихъ, старшинъ и всякихъ иныхъ властей, безпрестанно ѣздитъ изъ села въ село...

Волей-неволей я долженъ былъ остаться ночевать на почтовой станціи.

Скука, страшная скука въ этихъ, извѣстныхъ каждому, двухъ комнаткахъ, уставленныхъ форменною мебелью топорной работы! Я пробрался на половину станціоннаго смотрителя. Тамъ за столомъ, прислоненнымъ къ печкѣ, по случаю выбитыхъ стеколъ въ окнахъ, засѣдалъ смотритель съ письмоводителемъ станового пристава. Смотритель, дюжій, видный мужчина, по выговору былъ великороссіяпинъ; письмоводитель, высокій, худощавый, съ правильнымъ горбатымъ носомъ—украинецъ. Графинчикъ, стоявшій между ними, чудесно сблизилъ обѣ національности. У свѣчки, которую только слегка задувалъ вѣтеръ изъ кой-какъ заткнутыхъ оконъ, присѣла тутъ же жена смотрителя, съ какимъ-то шитьемъ, въ капотѣ и платочкѣ на головѣ; а выше ея, на лежанкѣ, сидѣла за пряжею красивая дѣвушка, въ шитой красной заполочью сорочкѣ. Свѣча освѣщала снизу молодой, нѣжно закругленный ея подбородокъ, нижнія части щекъ, красиво вырисованныя ноздри, и сверкала въ глазахъ, которые остановили мое вниманіе своимъ

грустнымъ выраженіемъ. Голова повязана была широкимъ позументомъ, въ видѣ діадемы. Сгустившійся за нею мракъ усиливалъ сіянье мишуры. Всѣ прочія лица были или грубо очерчены природою, или искажены хмѣлемъ; это еще больше придавало ей прелести. Подлѣ нея висѣла люлька, которую она потихоньку колыхала ногою...'

Разговоръ между смотрителемъ и письмоводителемъ шелъ о сухой вербѣ возлѣ станціи.

— *Чого у васъ отта верба стоить, наче чортъ?*—говорилъ письмоводитель.

— Да вотъ, какъ видите, отвѣчалъ смотритель: стоитъ, да и все тутъ.

— Нѣтъ, не все, Иванъ Карповичъ, нѣтъ, не все! Надобно ее срубить!

— Кто же ее срубитъ?

— Вы срубите! призовите сейчасъ ямщиковъ и срубите.

— Я не имѣю права, Иванъ Петровичъ.

— Я вамъ позволяю!—торжественно сказалъ письмоводитель. Хоть и не моя воля, но я вамъ позволяю.

— Да чортъ съ нею, Иванъ Петровичъ! выпейте-ка лучше.

— Выпью, извольте, я выпью; а вербу срубить надо.

— Да зачѣмъ же ее рубить?

— Какъ зачѣмъ? Вы служили въ военной службѣ и не знаете порядка? А что скажетъ губернаторъ?

— Да ничего не скажетъ.

— Вамъ ничего, а мнѣ скажетъ. Я командированъ для порядка. Это вы понимаете?... Подъѣзжаетъ къ станціи—и что же? сухая верба!... *Стоитъ, наче чортъ, або статуя!* «Послушай ты, болванъ!» скажетъ губернаторъ, «зачѣмъ у тебя сухая верба подлѣ станціи стоитъ?»

— А вы ему скажите... началъ было смотритель, но гость перебилъ его рѣчь съ патетической запальчивостью:

— Что я могу сказать ему? что я могу сказать губернатору?.. Понимаете ли вы это слово: *гу-бер-на-торъ?* Онъ—дѣй-

ствительный статскій совѣтникъ, а я передъ нимъ что? Знаете ли, что я передъ нимъ?

— А что же?

Но на этотъ разъ письмоводитель станового отвѣчалъ словомъ, слишкомъ неблаговиднымъ для печати.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, возразилъ смотритель: не называйте себя такимъ поганымъ словомъ: вы коренной дворянинъ. Вотъ я—я хоть и офицеръ, по милости царской, но я изъ простыхъ.

— Дворянинъ я передъ вами, отвѣчалъ съ чувствомъ своего достоинства письмоводитель, а передъ губернаторомъ я...

И онъ опять опредѣлилъ свою личность сравненіемъ, которое, видно, казалось ему очень вѣрнымъ.

Станціонный смотритель замолчалъ и поникъ головой въ размышленіи.

— А послушайте, однакожъ...

Тутъ письмоводитель понизилъ голосъ и взглянулъ на дѣвушку.

— Давно?

— На прошлой недѣлѣ крестили.

— А бабенка—чортъ возьми! Не дура губа у гусара. Что маменька, рада внучку?

— Такъ рада, что и отца со двора долой.

— То есть, гусара?

— Нѣтъ, прикащика, отца красотки. Словно, его вина. Сама же взяла дочку въ горницы...

Теперь гусаръ уѣхалъ благополучно въ полкъ, а прикащика со двора прогнала.

Письмоводитель не спускалъ глазъ съ дѣвушки во все продолженіе разсказа. Но она углубилась въ свою работу и, казалось, ничего не слышала. Вѣтеръ свистѣлъ за окномъ, врываясь въ разбитыя стекла и колебля нагорѣвшую свѣчу. Веретено жужжало.

Хозяйка не поднимала глазъ на собесѣдниковъ, говорившихъ въ полголоса. Подъ лѣвымъ глазомъ у ней былъ синякъ, въ ко-

торомъ я видѣлъ что-то общее съ разбитыми стеклами, жилистыми кулаками смотрителя и его плотнымъ, угловатымъ лицомъ, которому жесткіе, подстриженные какъ щетки, усы придавали свирѣпое выраженіе.

— Да, продолжалъ письмоводитель все вполголоса: товарецъ недурной. Что же? и на нашу долю что нибудь выпадетъ?

Хозяинъ засмѣялся:

— Есть квасъ, да не для васъ!

— А нашъ квасъ вамъ пригодился, какъ было слѣдствіе?

— Ну, ужъ вы съ этимъ слѣдствіемъ, какъ дурень съ торбою носитесь!

— А гдѣ бы вы теперь сидѣли, позвольте васъ спросить?

— Да ну, полно вамъ, Иванъ Петровичъ!

— Полно, такъ и полно. Только не все же для проѣзжающихъ: отдѣлите малу толику и своимъ. Не все для военныхъ: у штатскаго тоже есть душа въ тѣлѣ.

— Да погодите! еще молодо. Богъ поможетъ, такъ и васъ не обидимъ. Будемъ лучше говорить о сухой вербѣ.

— Проклятая верба! лучше бъ вы про нее и не вспоминали. Подъѣдетъ къ станціи—и вдругъ верба!... какъ чертъ! какъ статуя!.. А, голова!

Это восклицаніе относилось къ человѣку, съ краснымъ, одутловатымъ лицомъ и сѣдыми волосами, показавшемуся въ дверяхъ.

— Вотъ хорошо, что голова пришелъ, продолжалъ письмоводитель. А что это, братъ, у тебя верба сухая подлѣ самой станціи? Твое было дѣло донести по начальству!

— Да я жъ и доносилъ, отвѣчалъ голова басомъ. (Разумѣется, разговоръ идетъ на малороссійскомъ языкѣ, съ прибавкою казенныхъ фразъ со стороны письмоводителя). Я жъ и доносилъ становому, такъ онъ тогда и ничего, а теперь чортъ и насѣлъ на васъ.

Голова, какъ видно, разбогатѣлъ уже на своемъ мѣстѣ и не оченъ церемонился съ приказными. Письмоводитель, однакожъ, обидѣлся, но не за себя.

— Кого это ты, любезный, называешь чортомъ?—сказалъ онъ.—Иванъ Карповичъ, слышите? онъ губернатора чортомъ назвалъ!

Но голова махнулъ рукой и сказалъ, обращаясь къ смотрителю:

— Застряла имъ въ горлѣ верба! Вербу за́разъ можно срубить, и вы этимъ не слупите съ меня ни полушки. Это ваше дѣло, а не наше. А вотъ скажите мнѣ, долго ли еще мнѣ народъ держать на шляху́? скоро ли губернаторъ проѣдетъ? Ровняй да и ровняй! Какого чорта еще вамъ ровнять? Бокомъ будетъ катиться по шляху губернаторъ, что ли? Эхъ вы, начальство! Посадили бъ меня надъ вами,—научилъ бы я васъ начальствовать!

— Слушай, панъ голова,—сказалъ вдругъ ласковымъ голосомъ письмоводитель, поднявшись съ мѣста и подходя къ головѣ. —Слушай, мой любезнѣйшій. Ты человѣкъ вѣдь.... я тебя знаю.... ты человѣкъ премудрый. Перемѣнилъ ты на шляху очередныхъ не безъ выгоды... Что́ же ты толкуешь о начальствѣ? Начальство знаетъ, для чего дѣла дѣлаются. Ты думаешь, губернаторъ проѣзжаетъ такъ себѣ? сѣлъ, да и катай!... Пускай ровняютъ дорогу недѣлю, другую. Ты знай только перемѣнять очереди; а начальство знаетъ, для чего дѣла дѣлаются. Польза, польза, братъ, всѣмъ и каждому, вотъ что́! Пойдемъ, панъ голова, пойдемъ къ тебѣ, перечислимъ, переберемъ вмѣстѣ, да подумаемъ, нѣтъ ли еще какихъ безпорядковъ: все служитъ на пользу человѣку.

— Куда же вы, Иванъ Петровичъ?—сталъ удерживать его смотритель.

— Ничего, ничего, Иванъ Карповичъ, не безпокойтесь!

И оба вышли,—высокій, сгорбленный письмоводитель и плотный, уже упитанный на своей должности голова.

— Туда тебѣ и дорога, дряпная пьявка!—сказалъ смотритель, убирая со стола водку.—Вотъ, обратился онъ ко мнѣ: перебитой подковы не сто́итъ: а съ нимъ пріятельствуй! Эхъ, жизнь наша, жизнь горькая! смотрительство ты наше несчастное! Ни чести, ни корысти; еще полицейскихъ берегись, какъ огня! Вѣдь упекутъ, за ремешокъ упекутъ, ей Богу! Вотъ прошлой зимой былъ случай. Пріѣхала какая-то барыня: «Впусти переночевать!» А

метель на дворѣ. Станція—не постоялый дворъ: тутъ возлѣ есть деревня. А барыня-то, не отъѣхавши отъ станціи, и замерзни въ саняхъ. Мы тутъ съ лакеемъ споримъ, а она и Богу духъ отдала. Что же? вѣдь уцѣпились проклятые, да насилу парой коровъ отвертѣлся! Разные случаи бываютъ: нельзя съ ними не ладить: упекутъ! Да вотъ хоть бы и эта статья. Вотъ дѣвушка. Барыня согнала со двора, отецъ прогналъ съ глазъ....

— Какъ! и отецъ прогналъ?—спросилъ я.

— То есть, чисто-начисто отрекся: «Ты мнѣ не дочь, я тебѣ не отецъ!» Ну, я, по добротѣ души, принялъ, а вѣдь вида у ней нѣтъ никакого. Скажутъ: бѣглыхъ передерживаешь. Эхъ, сторона ты, сторонушка! кто меня замчалъ, завезъ сюда! Все своя добрая воля: не на кого жаловаться.

— А какъ, однакожъ, вы сюда попали?—спросилъ я: вы, по выговору, не малороссійскій уроженецъ.

— Изъ самой Калуги, батюшка. Такъ вотъ, любовь приковала, да и все тутъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ. Ѣздилъ я по своему промыслу....

— По какому?

— *Былъ* у меня промыселъ. Гдѣ купитъ, гдѣ продатъ. Эдакъ по всему свѣту и гуляю. Вольный козакъ! Чинишку себѣ въ аудиторіатѣ зашибилъ—всюду мнѣ дорога ровна. Останавливаюсь, какъ бы вамъ сказать, на постояломъ дворѣ, у ихъ маменьки (указывая на жену). Ихъ маменька была сперва за капитаномъ, а потомъ вышла за отставного унтера. Постоялый дворъ держатъ. Ну, ничего. Вижу,—мальчикъ больной лежитъ. Я и говорю: «Хозяюшка, что́ это у васъ мальчикъ больной? чѣмъ боленъ?»— «Это, говоритъ, у меня дочка». Ахти мнѣ! А они подвели головку, то есть, жена вотъ моя, и посмотрѣли на меня. Я посмотрѣлъ—въ сердцѣ вотъ словно что́ запекло. Я говорю: «Тетенька, позвольте мнѣ вашей дочери стаканъ чаю подать».— «Извольте», говоритъ. Вотъ я чайку, ромку,—у меня и ромъ случился. Поднялась на ноги моя красавица. На другой день я матери платокъ, сестрѣ другой....

— Зачѣмъ же это?

— Такъ, изъ усердія; пускай пропадетъ мое добро! Потомъ и говорю: «Тетенька, или лучше сказать, маменька! позвольте состоять съ вами на правахъ дружбы».—«Съ нашимъ удовольствіемъ». Ну, когда такъ, то и хорошо. Вотъ я и бросился сюда-туда; люди у меня вездѣ знакомые. Должность на себя по близости принялъ. Ходить да ходить, вотъ и выходилъ.

— Стало быть, все устроилось по вашему желанію?—спросилъ я.

— Не совсѣмъ. Вотчимъ впутался и взмутилъ воду въ нашемъ колодцѣ. Обѣщали дать шесть ложекъ—дали двѣ. Обѣщали дать корову—дали двухъ-годовалую телку.

— Что же вы?

— А что же?—осерчалъ, бросилъ жену, пошелъ опять по своему промыслу.

— Какъ! изъ-за ложекъ и телки вы бросили жену?

— Бросилъ!—кричалъ смотритель съ торжествомъ героя. Коли что не по мнѣ—все въ дребезги! у меня нравъ такой. Любить, такъ любить, а ссориться, такъ ссориться! я таковъ, сударь мой! Меня и въ аудиторіатѣ всѣ за это любили. «Послушай, теща!»—сказалъ я: «возлюбилъ я твою дщерь всѣми своими чувствіями, но черезъ твое жестокосердіе возгорѣлся, аки огонь, гнѣвъ мой! прощайте!» и былъ таковъ.

— Сильно сказано!—замѣтилъ я, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Да что же? развѣ я дарованія не имѣю? Я самъ Пушкинъ! Покажите-ка, Маша мое письмо!

— Въ немъ перецъ завернутъ,—сказала хозяйка, робко посмотрѣвъ на своего супруга.

— Ничего, долой перецъ! покажи!

Хозяйка пошла рыться въ шкапу.

— Я письмо писалъ къ ней,—продолжалъ смотритель. Самъ не являлся, бывало ѣду мимо—*шасóю* объѣду, не покажусь, и эдакъ ровно годъ, день въ день; а письмо писалъ. Вотъ оно! слушайте!

«Непостижимый въ критикѣ предметъ, вселюбезнѣйшая фіалка и супруга моя, Марья Тихоновна! вы есть одна изъ критикъ и насмѣшекъ моего сердца...

«Долго ли намъ вѣкъ свой въ скукѣ провождать.
И въ глаза другъ друга долго ль не видать?»...

Письмо состояло изъ прозы и стиховъ разнаго достоинства. Печати этотъ вздоръ не стоитъ, но смотритель читалъ такъ комически, что я смѣялся отъ души и просилъ позволенія списать копію.

— Дарю вамъ оное!—сказалъ онъ торжественно, вручая мнѣ измятый листокъ.

Я храню его до сихъ поръ въ своихъ бумагахъ, но когда оно попадается мнѣ на глаза и напомнитъ о своемъ авторѣ, мнѣ бываетъ не до смѣху. Мнѣ представляется страшное множество этихъ загадочныхъ людей, которые у насъ не принадлежатъ ни къ какому сословію, хотя пользуются правами разныхъ сословій, этихъ неопредѣленныхъ угловатыхъ личностей, безъ правилъ, безъ характера, безъ религіозныхъ, или какихъ бы то ни было, убѣжденій. Ихъ дѣло—колотить безъ толку жену, о которой въ третьемъ лицѣ говорятъ *онъ, ихъ;* дружиться съ мелкими чиновниками, которыхъ покровительство для нихъ необходимо; извлекать пользу изъ трудныхъ обстоятельствъ ближняго посредствомъ небольшого займа сто на сто...

Живутъ они всегда грязно, но знаютъ что́ такое ромъ, балыкъ и всякіе сыры и закуски. Дѣтей всегда выводятъ въ люди посредствомъ училищъ, присутственныхъ мѣстъ и знакомствъ съ горничными и лакеями знатныхъ людей, угощаемыми во время ихъ проѣзда съ господами. Связи у нихъ по этой части въ обѣихъ столицахъ обширные, и сынокъ грязнаго кулака, засѣвшаго въ захолустьи на станціи, подталкивается здѣсь невидимою силою съ низу въ верхъ, отъ управляющаго домомъ до коммиссаріатскаго чиновника высшаго разбора. Лѣзетъ онъ выше и выше съ каждымъ годомъ, и наконецъ забываетъ о своемъ батюшкѣ, подобно тому, какъ взрослый волкъ не помнитъ попеченій своей

матери-волчицы. Не изъ простого народа выходятъ эти созданія и равно не изъ высшаго, образованнаго сословія. Это порожденіе беззаконной, насильственной связи высшаго класса съ низшимъ, посредствомъ солдатства, лакейства и другихъ столкновеній, въ которыхъ одни не спрашиваютъ, а другіе не даютъ согласія на жизнь вмѣстѣ. И вотъ цѣлая туча темныхъ выродковъ, равно чуждыхъ благородному пониманію вещей высшаго класса и простой задушевности низшаго, расползается по свѣту въ видѣ дворецкихъ, экономовъ, прикащиковъ, губернскихъ секретарей и всякихъ совѣтниковъ, муча однихъ наглымъ, ни передъ чѣмъ не робѣющимъ, грабежемъ, а другихъ всевозможными обманами.

Между тѣмъ, какъ мы говорили, ребенокъ въ люлькѣ проснулся. Мать взяла его и начала кормить. Я думалъ: «Что же изъ этого ребенка выйдетъ? Отца нѣтъ, мать отвергнута всѣми. Увянетъ молодость, упадутъ силы... что тогда она для него сдѣлаетъ? А между тѣмъ, возростетъ ребенокъ въ отчужденіи своего народа, въ семьѣ такого господина, какъ этотъ смотритель. Что́ бы изъ него ни вышло, но добра не выйдетъ!»

Приходятъ ли самой матери въ голову такія мысли? Нѣтъ, природа дала ей противоядіе въ ея горестной долѣ. Она кормитъ своего ребенка, она его убаюкиваетъ, она не досыпаетъ ночей за его плачемъ, и это, покамѣстъ, наполняетъ всю ея душу. Я бы желалъ узнать, любила ли она своего обольстителя (хотя въ Украинѣ скорѣе всего можно это предполагать), и какія чувства остались теперь между нимъ и ею? но дико было бы объ этомъ разспрашивать.

Я ушелъ на другую половину, преслѣдуемый грустной фигурой молодой матери...

Иностранецъ, котораго я засталъ на станціи, ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ ужъ давно выпилъ свой вечерній чай (единственная отрада станціоннаго сидѣнія) и напусилъ столько дыму, куря отъ скуки папироску за папироскою, что виднѣлся въ немъ, какъ призракъ. Я спросилъ:

— Неужели со вчерашняго дня никто не былъ отправленъ съ этой станціи?

Оказалось, что проѣхало нѣсколько человѣкъ.

— Съ казенными подорожными, за двумя печатями?

— Нѣтъ!

— Какъ же вамъ не даютъ лошадей?

— Est ce que je sais?—отвѣчалъ онъ съ досадой и отчаяньемъ.

Тогда у меня вдругъ мелькнула свѣтлая мысль. Я вспомнилъ изреченія письмоводителя о губернаторскомъ проѣздѣ, и безсмыслица получила для меня практическій смыслъ. «Все служитъ на пользу человѣку. На то и губернаторскій проѣздъ, чтобъ была польза всѣмъ и каждому». Смотритель не давалъ намъ лошадей единственно потому, что мы для него—люди безполезные. Я вынулъ серебряный рубль, и вручая его безъ всякой оговорки смотрителю, попросилъ, нельзя ли какъ-нибудь собрать для насъ лошадей Я прибавилъ, что и иностранца посажу съ собою. Безъ всякаго возраженія и затрудненія онъ отдалъ приказанье однимъ словомъ: *набирать!* и черезъ четверть часа мы уѣхали, въ прекрасную ночь, при сіяніи звѣздъ, въ свѣжей степной прохладѣ.

Сколько счастья обѣщаетъ человѣку роскошный украинскій климатъ, и сколько въ немъ людей, безвыходно несчастныхъ!

II.

Сельскій философъ.

Малороссійскій анекдотъ.

Посреди села, на просторѣ, стоитъ сельская Расправа. Никому до нея дѣла нѣтъ въ рабочее время. Иная статья—осенью, когда козаки густымъ роемъ собираются въ свой клубъ, называемый попросту шинкомъ. А стоитъ этотъ козацкій клубъ какъ разъ противъ Расправы, и часто споры изъ шинка переносятся въ ея присутственную камеру. Разумѣется споры, въ которые замѣшается *чуданѝна*. Тогда свидѣтели козацкаго диспута очень

охотно провожають въ Расправу тяжущихся, и провожають они ихъ не изъ одной безкорыстной любви къ правосудію. Нѣтъ, козаки тоже практики и никогда не ошибаются въ разсчетѣ на *могаричъ*. Тотъ ли, другой ли окажется виновнымъ, или, что еще лучше, оба будутъ признаны *розбышáками*,—во всякомъ случаѣ могаричъ—дѣло вѣрное. И весело посмотрѣть, какъ эти люди, озабоченные въ лѣтнее время уборкою хлѣба съ полей, а потомъ осенними посѣвами, наслаждаются, наконецъ, полнымъ досугомъ и шумятъ на все село, высыпавъ толпою изъ шинка, или возвращаясь въ шинокъ изъ Расправы. Расправа дѣлается въ ту пору истиннымъ храмомъ правосудія—и какимъ привлекательнымъ храмомъ! Сколько тамъ шутокъ предшествуетъ словесной адвокатурѣ! Какъ самое судопроизводство не похоже на бумажную формальную сушь, въ которую не допускается ни пословицъ, ни прибаутокъ, объясняющихъ нашему брату, украинцу, сущность вопроса самымъ убѣдительнымъ образомъ! Какъ, наконецъ, довольны обѣ тяжущіяся стороны приговоромъ громады, строгъ онъ или нѣтъ,—все равно! *Громада—велыкій чоловикъ!* Эта мысль сидитъ въ каждой усатой головѣ козацкой, и предъ величіемъ громадскаго ума поникаетъ самое необузданное и даже пьяное вольнодумство. Иногда громада присуждаетъ виновнаго только къ квартѣ горилки, но иногда и къ уплатѣ извѣстнаго количества *карбóванцивъ* (рублей). Во всякомъ случаѣ она—великій человѣкъ, и смиряется предъ ея разумомъ всякій строптивый помыселъ. Каково бы ни было рѣшеніе громады, но совершается оно непремѣнно въ шинкѣ, и весело возвращается домой, какъ выигравшій, такъ и проигравшій дѣло, потому что выпилъ съ добрыми людьми горилки и наслушался умныхъ рѣчей. Таковъ общій характеръ козацкихъ тяжебныхъ дѣлъ, совершающихся между шинкомъ и Расправой. Поднимите его до уровня нравовъ болѣе утонченныхъ, и, право, каждый согласился бы тогда принадлежать къ подобной общинѣ.

Но увы, увы! та же самая Расправа, съ тѣмъ же самымъ веселымъ шинкомъ противъ ея окна, въ одинъ изъ самыхъ урожайныхъ годовъ, и притомъ въ такую погоду, что ни молотить

нельзя, ни въ дорогу пускаться невозможно,—то есть, именно въ такую погоду, когда козакъ всего охотнѣе является присутствовать въ громадѣ,—стояла въ молчаливомъ величіи и несмотря на то, что въ ней собралось болѣе дюжины членовъ сельскаго общества, тихо и грустно было въ ея присутственной камерѣ. Глядя со стороны, можно было бы подумать, что въ селѣ скотской падежъ, или—чего Боже сохрани—моръ. Въ сущности же дѣло было самое обыкновенное: козаки дожидались исправника. Что тутъ кажись, особеннаго? Пріѣдетъ исправникъ съ письмоводителемъ въ Расправу, выкуритъ трубку, велитъ подать обѣдъ, который ужъ и готовятъ для него въ нарочито устроенной тутъ же кухнѣ, потомъ всхрапнетъ часика два и уѣдетъ. Ему рѣшительно нечего было больше дѣлать съ козаками, потому что они всѣ свои споры рѣшали судомъ громадскимъ, и если случалось между ними какое-нибудь незначительное воровство или иной подобный казусъ, то они ни подъ какимъ видомъ не переводили него на бумагу, а тутъ же, на мѣстѣ, карали виновныхъ съ неумолимой строгостью свободнаго суда, и дѣло погашалось навѣки. Но исправникъ привозилъ имъ всякій разъ какое-нибудь *слѣдствіе.* Немногіе въ селѣ и понимали это слово, потому что давно уже не производилось у нихъ никакого слѣдствія; и однакожъ слухъ, что «исправникъ везетъ имъ слѣдствіе», всякій разъ приводитъ громаду въ уныніе. Если бы исправникъ хоть одинъ разъ произвелъ его, то, можетъ быть, козаки, ознакомившись съ канцелярской юстиціей, сказали бы, что не такъ чортъ страшенъ, какъ его малюютъ. Но въ томъ и дѣло, что исправникъ только грозилъ слѣдствіемъ, и самая неизвѣстность, надъ чѣмъ онъ будетъ его производить, наводила ужасъ на всякаго, кого исправникъ вызывалъ въ Расправу черезъ своего вѣстового. «Ну, какая надобность! пускай себѣ производитъ слѣдствіе!»—такъ бы, казалось, могли сказать козаки и спокойно ждать конца дѣлу. Но хорошо этакъ разсуждать *намъ*, положивъ передъ собой законы. А вѣдь они давно уже перестали учиться въ сельскихъ церковныхъ, такъ называемыхъ *братскихъ*, школахъ; изъ волостныхъ же училищъ выходятъ у нихъ писаря, которымъ они ни на во-

лось не вѣрятъ. Поэтому законъ, да еще въ рукахъ исправника, для нихъ—тьма кромѣшная, и когда горькая необходимость заставитъ кого-нибудь изъ нихъ явиться на бумажный судъ, то женщины подымаютъ въ хатѣ плачъ и вопіютъ: *Щó се на свити стáло? якъ такы дóброму чоловику судытъся у тóго пузанá?* (такъ называютъ исправника). *Хибá* (развѣ) *надъ нáмы немá Гóспода милосердного?* Сказать короче: что лишь только исправникъ привозилъ въ село слѣдствіе,—позванные имъ въ Расправу козаки брали съ собой въ *гаманцѝ* (копельки) по нѣскольку цѣлковыхъ. И это бы еще ничего. Пускай бы онъ назначилъ плату за всякій свой пріѣздъ. Людямъ, которыхъ предки имѣли дѣло съ баскаками, было бы за обычай взносить ежегодно извѣстную плату за свое спокойствіе. Но исправнику счастье служило въ картахъ съ обыкновеннымъ своимъ коварствомъ, и поэтому отъ его слѣдствія надо было откупаться иногда значительною платою. Вотъ почему сидѣли козаки въ Расправѣ, повѣсивъ головы... Но предисловіе мое къ анекдоту вышло у меня слишкомъ ужъ длинно. Постараюсь хоть анекдотъ разсказать покороче.

Сидѣли козаки, сидѣли, а исправника все нѣтъ. Нестерпимо сдѣлалось имъ грустно. Наконецъ блеснула у одного изъ нихъ свѣтлая мысль: «Братцы!» сказалъ онъ, «что намъ этакъ кунять? пойдемте выпьемъ съ горя по чаркѣ». Громада нашла, что предложеніе вполнѣ достойно ея вниманія, и оставивъ одного изъ среды себя на сторожѣ, съ поникшими головами, но съ нѣкоторой отрадой въ сердцѣ, отправилась къ шинкарю.

Оставшійся на сторожѣ долго размышлялъ о томъ, почему именно на его долю выпало караулить пріѣздъ исправника. Но такъ какъ громада—великій человѣкъ, то и не осмѣлился онъ вольнодумствовать на счетъ ея распоряженія. Во избѣжаніе грѣха, онъ обратилъ свои мысли къ предметамъ благочестія и сперва обсудилъ жизнь и дѣянія своего сосѣда, который учился въ волостной школѣ, вышелъ оттуда бойкимъ писаремъ, подружился съ писмоводителями высшаго своего начальства, нажилъ большія деньги, но потомъ началъ горько пить, не поладилъ какъ-то съ

своими друзьями, спустилъ съ рукъ деньги и всякое добро, вошелъ въ долги, наконецъ, умеръ, и вотъ осталась послѣ него пустая *скрыня* (большой сундукъ), которая и стоитъ въ Расправѣ до рѣшенія, что съ ней дѣлать. Потомъ, переходя отъ предмета къ предмету, сторожевой членъ громады набрелъ наконецъ, на слѣдующую мысль: *Якъ тамъ тыи мертвеци у домовыни лежать? чы воно́ стра́шно, чы, мо́же й байду́же* (нужды нѣтъ)? А дай-ка я лягу въ этой скринѣ! И съ этими словами, отворивъ сундукъ, онъ влѣзъ и улегся на днѣ его.

Но не успѣлъ еще онъ провѣрить на себѣ состоянія души мертвецовъ, какъ крышка сундука захлопнулась и защелка наскочила на пробой. Козакъ давай кричать,—никто не слышитъ. Онъ поднялъ страшный ревъ. Громада долго не вѣритъ своимъ ушамъ; наконецъ въ испугѣ прибѣгаетъ въ Расправу. Кажись бы, простое дѣло—отозваться изъ гроба и просить, чтобъ выпустили. Но какъ подумалъ философъ, что́ это будетъ за смѣхъ,—не достало у него духу отозваться. Громада удивилась, не найдя сторожевого на мѣстѣ, однакожъ легко объяснила себѣ его отсутствіе и возвратилась къ мирному своему занятію. Но едва взялись за чарки, опять слышатъ крикъ, неистовѣе прежняго.

Философъ убѣдился, что лежать въ гробу вовсе не байду́же, что ему становится душно и что, пожалуй, придется *наложить душе́ю* совершенно попусту. Но когда онъ услышалъ, что громада опять возвращается въ Расправу, когда вообразилъ, какъ она расхохочется надъ нимъ и какъ по всему селу пойдетъ о немъ притча,—сердце его замерло отъ страху, чтобъ его не открыли, и, онъ, что называется, притаилъ дыханіе. По пословицѣ: *Мертвые не имутъ срама*, онъ рѣшился лучше умереть, нежели сдѣлаться всеобщимъ посмѣшищемъ.

Громада, въ совершенномъ недоумѣніи, осматривала Расправу и заглядывала во всѣ углы. Наконецъ рѣшила такъ: «Вѣдь это Харко́ насъ морочитъ. У него *не вси до́ма*, дѣло извѣстное; такъ онъ забрался куда-нибудь да и кричитъ по-чортячи». Съ этими словами махнула громада рукой и, повинуясь единодушному своему чувству, воротилась въ шинокъ.

Хотя у Харка́ и не всѣ были до́ма, но жизнь для него была столь же дорога, какъ и для самаго умнаго человѣка. Видя себя оставленнымъ въ добычу неминуемой смерти, онъ началъ вопіять еще громче: *Хто въ Бога вируе, ратуйте!* Громада, хоть и вѣровала въ Бога, но не обращала больше вниманія на крикъ своего́ причудливаго члена, и, можетъ быть, печальная вышла бы развязка его философической затѣи.

Къ счастью, случилось въ это время жиду проходить мимо Расправы. Услышавъ отчаянный крикъ, онъ вбѣгаетъ въ Расправу и спрашиваетъ: «Кто тутъ крицить?» Присутствіе живого человѣка возвратило смѣлость затворнику, и досадно ему стало, что еще и жидъ вмѣшался съ своими вопросами: «Кто тутъ крицить? кто тутъ крицить?» — «*А тоби яке́ дило!*» отвѣчалъ онъ. — «*Я кричу: хто въ Бога вируе! а ты хиба́ виру́ешъ у Бога, псяю́хо* (псиное ухо)!»

Жидъ однакожъ отворилъ сундукъ, и Харко́ возсталъ изъ мертвыхъ, продолжая бранить жида за его вмѣшательство.

Сцену эту прервалъ колокольчикъ исправника, долго заглушаемый крикомъ, и потомъ вдругъ звякнувшій у самаго подъѣзда. Исправникъ привезъ козакамъ слѣдствіе...

Украинськи зàпыси Порфирія Мартиновича.

Подъ этимъ заглавіемъ, согласно желанію собирателя, мы приступаемъ къ печатанію богатыхъ, и по количеству и по качеству, матеріаловъ, собиравшихся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ П. Д. Мартиновичемъ путемъ любовнаго записыванія имъ изъ устъ народныхъ пѣвцовъ и разсказчиковъ всего богатства, хранившагося у старыхъ людей, а теперь въ очень слабой степени проглядывающаго у новаго поколѣнія. Имя почтеннаго собирателя до сихъ поръ въ печати мало было извѣстно, какъ участника въ украинской этнографіи, а гораздо больше—какъ талантливаго художника-живописца. Даже въ трудѣ А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи» имя его нигдѣ не упомянуто. Если не ошибаемся, имя П. Д. Мартиновича, какъ этнографа, было упомянуто только въ нашемъ журналѣ: въ № 8-мъ 1885 г. упомянулъ о немъ В. П. Горленко въ статьѣ своей по поводу смерти кобзаря Крюковскаго; въ № 11-мъ того-же года былъ помѣщенъ у насъ одинъ записанный имъ разсказъ («Изъ народныхъ преданій о гетманщинѣ, запорожьѣ и черноморьѣ»); въ № 5-мъ 1902 г. А. Г. Сластіоновъ въ статьѣ своей о кобзарѣ Кравченкѣ разсказалъ о томъ, какъ П. Д. Мартиновичемъ были тщательно записаны 12 думъ отъ кобзаря Кравченка, иначе Крюковскаго, того самого, матеріалъ котораго и откроетъ теперь обширный рядъ записей П. Д. Мартиновича; при этомъ А. Г. Сластіоновъ выразилъ сожалѣніе, что это богатство записей г. Мартиновича до сихъ поръ

не напечатано. Между тѣмъ личность П. Д. Мартиновича, какъ собирателя памятниковъ народной украинской поэзіи, заслуживаетъ полнаго вниманія: сорокъ лѣтъ уже занимается онъ своимъ высоко цѣннымъ дѣломъ, и за это время накопилась у него масса матеріала, характеризующаго всѣ виды устнаго народнаго творчества. Благодаря любезному согласію П. Д. Мартиновича, мы получили теперь значительную часть его записей и вполнѣ надѣемся, что почтенный собиратель доведетъ до конца печатаніе своихъ драгоцѣнностей, которыя, появившись затѣмъ отдѣльной книгой, дадутъ людямъ науки широкій просторъ для дальнѣйшихъ научныхъ разысканій и изслѣдованій.

Система записей П. Д. Мартиновича отличается тѣмъ, что онъ не дробитъ матеріала, записаннаго имъ отъ одного лица, разнося его въ разныя рубрики вмѣстѣ съ однородыми записями, сдѣланными отъ другихъ лицъ, а представляетъ, такъ сказать, весь репертуаръ даннаго пѣвца или разсказчика. Исполняя желаніе собирателя, и мы не будемъ сортировать матеріаловъ этихъ по однороднымъ группамъ, а напечатаемъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ даны они намъ. Хотя такой способъ печатанія представитъ нѣкоторыя неудобства, благодаря повторенію въ печати иныхъ матеріаловъ, уже бывшихъ опубликованными, но, во 1-хъ, каждая новая запись всегда представитъ болѣе или менѣе оригинальные варьянты, а во 2-хъ, разбросанность этнографическихъ записей въ разныхъ изданіяхъ, иногда трудно находимыхъ, служитъ большимъ препятствіемъ для сличеній разныхъ варьянтовъ. Нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что, при печатаніи способомъ группировки всего матеріала около лица разсказчика, получается возможность пользоваться матеріалами не только людямъ спеціальной науки, но и обыкновеннымъ читателямъ, которые пожелаютъ получить удовольствіе, знакомясь съ сюжетами народной украинской поэзіи.

Первая запись П. Д. Мартиновича, которою мы начинаемъ печатаніе собранныхъ имъ этнографическихъ матеріаловъ, есть запись со словъ слѣпого кобзаря *Ивана Кравченка,* по прозванію *Крюковськый.* Это имя уже извѣстно въ печати, т. к. его репер-

туаръ записанъ былъ В. П. Горленкомъ, который и помѣстилъ въ нашемъ журналѣ статью «Бандуристъ Иванъ Крюковскій» (1882 г. № 12), съ текстомъ девяти думъ и біографической замѣткой. Кромѣ того, надо упомянуть указанную раньше статью того-же автора—некрологъ Крюковскаго (1885 г. № 8). Отсылая читателей для знакомства съ личностью Крюковскаго къ этимъ статьямъ, мы дадимъ теперь только двѣ справки. Во 1-хъ, печатаемыя записи П. Д. Мартиновича сдѣланы далеко раньше записей В. П. Горленка, вслѣдствіе чего многое изъ записаннаго первымъ является въ болѣе полномъ видѣ, т. к., очевидно, лучше хранился въ памяти кобзаря весь его репертуаръ, когда онъ пѣлъ его г. Мартиновичу (см. нѣкоторыя замѣтки объ этомъ въ упомянутой раньше статьѣ А. Г. Сластіонова въ Кіев. Стар. 1902 г., № 5). Во 2-хъ, съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить тотъ фактъ, что записи эти у г. Мартиновича не совсѣмъ въ полномъ видѣ, т. к. много лѣтъ назадъ имъ было передано М. П. Драгоманову три листка изъ этихъ записей для пользованія при изданіи последнимъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», и эти три листка къ г. Мартиновичу не возвратились. Если по счастливой случайности эти листки сохранились и находятся у кого-нибудь, не вѣдающаго, кому они принадлежатъ, то г. Мартиновичъ обращается съ покорнѣйшей просьбой сообщить о нихъ ему, чтобы имѣть возможность дополнить утерянное.

Какъ было сказано, изъ печатаемаго теперь матеріала, записаннаго отъ Кравченка (Крюковскаго) г. Мартиновичемъ, большая часть была напечатана уже, хотя въ нѣсколько измѣненныхъ варьянтахъ, В. П. Горленкомъ въ его записи отъ того же лица, поэтому мы дѣлаемъ теперь только указаніе на эту запись, оставляя каждую отдѣльную пѣсню безъ примѣчаній (см. Кіев. Стар. 1882 г. № 12).

Напечатаны В. П. Горленкомъ:

1) Про трёхъ бративъ Озовськыхъ; 2) Про Олексія Поповыча; 3) Про Хведора Безридного; 4) Про Кишку Самійла; 5) Про Коновченка-вдовыченка; 6) Про Сокола; 7) Витчымъ; 8) Про сестру та брата; 9) Про вдову.

Напечатанныя у В. Горленка пѣсни:

1) Про трёхъ братывъ Самарськыхъ (сравн.: въ «Историч. пѣсняхъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова); 2) *Про Мыхія*—нигдѣ до сихъ поръ незаписанная; 3) Про правду та неправду (сравн.: въ Записк. Юго-Зап. Отд. 1-й т., стр. 22; Записки о Южн. Руси, т. 2-й, стр. 102; Етнографичный збирныкъ. Т. 2-й, стр. 47, Львовъ); 4) Царю Хрысте (сравн.: въ «Сьпиванныку зъ початку 18 в.» М. Грушевського).

Ред.

Сьлипець-кобзарь Иванъ Кравченко.

(г. Лохвыця, на Прылипци, 20 мая 1876 г.).

Козацьки письни.

1.

Про трёхъ братывъ Озовськыхъ.

Ой у сьватую недиленьку рано пораненько
То не сыльни тума́ны вставалы,
То дробнiи дожчи накрапалы,
То въ той часъ тры братикы ридненьки
Зъ города зъ Озова, съ тяжкои неволи Турецькои бусурменськои,
Ношнои добы утикалы:
То два браты киньмы утикалы,
А междо нымы братъ найменьшый пишый пишаныця,
Якъ бы тая чужа чужаныця,
За нымы пишый бижыть пидбигае,
Ажъ пожаръ пидъ ногы пидпадае,
И кровъ хрыстыяньська его слидъ залывае.
То винъ на свое здоровье козацьке молодецьке измагае,
Та своихъ братывъ доганяе
И словамы до ныхъ промовляе:
«Браты мои мыленьки,
Старши ридненькы!

То вы добре соби учыните:
Мене найменьшого брата, пишого пихотыньця на кони возьмите,
Та мало хошъ немного мене пидвезите,
У города хрыстыяньськіи до отця до маткы надвезите».
То старшый братъ тее зачувае,
До найменьшого брата словамы промовляе:
— «Ты то, каже, брате найменьшый, знаешъ,
Шо въ насъ у дорози кони недишліи, (поморени),
Шо мы сами не втечемо
И тебе не ввеземо.
Будуть насъ изъ города Озова Туркы бесурмены доганяты,
То будуть насъ стриляты,
Або рубаты,
Або впьять у городъ Озовъ, у тяжку неволю,
У каторгу турецьку бусурменьську жывьемъ завертаты».
То два браты киньмы тикалы,
А найменьшого брата, пишого пихотыньця,
У чыстому степу на ясному соньци, на буйному витри,
Пры шляху покыдалы.
То винъ то на небо сьватее поглядае,
Гирко плаче рыдае,
Дрибнымы слёзамы пролывае,
Та ше за киннымы братамы бижыть пидбигае,
Свои нижкы на сыре кориньня на биле каминьня спотыкае,
Ажъ пожаръ пидъ ногы пидпадае,
И кровъ хрыстыяньська слидъ его залывае.
То ше винъ своихъ братывъ кинныхъ доганяе,
Помежъ кони вбигае,
Кони за стремена хватае,
Кони спыняе,
Та до братывъ словамы прымовляе:
«Братикы мои старши, ридненьки,
Голубонькы сывеньки!
Добре вы соби дбайте,
Та булатну шаблю зъ ножна выймайте,
Та мини, найменьшому брату, голову зъ пличъ издіймайте,
Та мое тило козацьке молодецьке

У чыстому степу хорошенько поховайте,
Звирю, птыци на поталу не подайте».
То середульшый братъ тее зачувае,
Та до найменьшого брата словамы промовляе:
—«Братику нашъ найменьшый, мылый,
Якъ голубоньку сывый!
Нашого брата шабля булатна шыи не йме,
На дрибный макъ розсыплетьця,
И рука не воздо́йметьця,
И серце не осмилытьця
И душа гриха до смерты не скупытьця!»
То жъ то воны у чыстому степу ти слова промовлялы,
Та свого найменьшого брата, пишого пихотыньця
Пры шляху не пры чимъ покыдалы.
То якъ сталы старши браты до темныхъ лисивъ прыбуваты,
У терны та въ байракы зелени уиждаты,
Ставъ середульшый братъ велыке мылосердіе у себе маты,
Ставъ тернамъ та байракамъ зеленыи витьтя булатною шаблею стынаты
Та найменьшому брату пишому пихотыньцю премету даваты,
Щобъ винъ знавъ, куды въ городы хрыстыяньськи до отця до маткы до свого роду прыбуваты.
То ихалы воны тернамы,
Та байракамы, темнымы лисамы,
Не день, не два, не тры, не чотыри.
Якъ сталы воны исъ темныхъ лисивъ выиждаты,
До рички до Крымкы прыбуваты,
То ставъ середульшый братъ до старшого брата словамы промовляты:
«Отутъ, каже, братику ридненькый,
Голубоньку сывенькый,
Травы зелени, очерета воздобни и вода довольна;
Станьмо тутъ кони попасимо
И найменьшого брата, пишого пихотынця, пидождимо».
То старшый братъ тее зачувае,
До середульшого брата словамы промовляе:

— «Якъ будешъ ты, брате, за найменьшымъ братомъ жалкуваты,
То буду я шаблю булатну зъ ножна выйматы
Та буду я твою голову козацьку молодецьку съ пличъ здійматы,
Та твое тило козацьке молодецьке птыци-звирю на поталу покыдаты,
А самъ буду у города хрыстыяньськи прыбуваты,
До отця, до маткы доиждяжаты,
То самъ буду знаты,
Якый отцеви и матуси отвитъ отдаваты».
А середульшый братъ тее зачувае,
До старшого брата словамы промовляе,
Гирко плаче рыдае,
Дрибни слёзы пролывае,
Сывымъ голубомъ называе:
— «Братику, мій старшый ридненькый,
Якъ голубоньку сывенькый! [1])
Будемъ мы до отця, до матери ридненькои у госьти прыбуваты,
То буде насъ отець и маты на здоровья стричаты
И объ меньшому сыну, объ нашому брату, пытаты,
То якый будемо отвитъ отдаваты?»
То старшый братъ тее зачувае
До середульшого словамы прымовляе:
— «Тоби то», каже, «середульшый брате, сего не знаты,
Якый отцеви й матуси отвитъ отдаваты.
Якъ мы булы у городи увъ Озови,
У катерзи турецькій, у вири бусурменьській,
То наши рукы-ногы не гулялы,
На сырій сырыци усегда стоялы;
То мы то ношнои добы утикалы,
Свого найменьшого брата отъ сна будылы—не розбудылы,
То тамъ его у катерзи турецькій,
Тяжкій неволи, вири бусурменьській,
У городи Озови прыостановылы.

[1]) Видыма смерть страшна.

То ты то, брате, не знаешъ. якъ буде межъ намы найменьшый братъ пробуваты,
Ту буде нашъ отець и маты батькивщыну на тры часты паюваты,
Буде намъ половынную часть оддиляты,
А найменьшому брату половыну оставляты,
То будемъ мы у трёхъ велыку суперeку соби маты».
То воны у чыстому степу си слова зговорылы,
Якъ ясни соколы на конихъ у города полетилы.
То то воны не мало не много речи ти говорылы
И сталы одъ рички одъ Крымкы одъиждaжaты,
Сталы на Муравьськи шляхы выиждажaты.
Ставъ середульшый братъ велыке мылосердіе у себе маты,
Гирко своимъ серцемъ ставъ плакаты й рыдаты,
Шобъ старшому брату ввичи не выдаты,
Ставъ соби ума прыбыраты,
Якый найменьшому брату порятунокъ даты.
Якъ сталы воны Муравськымы шляхамы проиждажaты,
Ставъ середульшый братъ соби думаты й гадаты,
Яку найменьшому брату премету даты:
Одынъ на соби каптанъ мае
И съ пидъ того каптана кыръ-кытайку выдырае,
Та найменьшому брату, пишому пихотыньцю, пры шляху премету давае,
Шобъ винъ знавъ, куда въ городы хрыстыяньськи, до отця до маткы прыбуваты.
То найменьшый братъ исъ темныхъ лисивъ на Муравськи шляхы прыхожае,
Дороги шаты, кыръ-кытайку ввичи забачае,
У рукы забирае,
Гирко плаче, рыдае,
Словамы промовляе:
«Эй не дурно моихъ старшыхъ братывъ кыръ-кытайка по шляху валяе,
Мабуть ихъ жывыхъ на сьвити немае;
Була съ города Озова велыкая погоня, - за киннымы братамы уганяла,
То може вона ихъ або постриляла,

Або порубала,
Або у каторгу турецьку,
Виру бусурменьську,
У городъ Озовъ жывьемъ позавертала,
А наименьшого брата, пишого пихотыньця, у тернахъ та въ байракахъ на спочывкахъ мынала.
То колыбъ мини Господь помигъ у добримъ здоровьи
Ихъ тило козацьке молодецьке своихъ старшыхъ бративъ,
Хотя воно на раны смертельни пострилянe, порубане, знахождаты,
То могъ бы я булатною шаблею у колино землю выбываты,
Та ихъ тило козацьке молодецкее у чыстому степу хорошенько поховаты,
Птыци-звирю на поталу не податы».
То то ставъ найменьшый братъ пишый пихотынець Муравськымы шляхамы прохожаты,
Ставъ буйный витеръ повиваты,
Ставъ бидного козака, пишого пихотыньця, зъ билыхъ нигъ валяты.
То найменьшый братъ до Господа Мылосердного словамы промовляе:
«Отымъ то», каже, «Господы Мылосердный, у чыстому степу одно безхлибья,
А друге безвидья,
А трете безздоровья!»
То винъ то на свое здоровья измагае,
Муравськымы шляхамы прохожае,
До Саворъ Могылы прыбувае,
Та на Саворъ Могылу исхожае,
Спочываты лягае.
То то сызокрыли орлы до его налиталы,
Въ головахъ сидалы;
То ще винъ до ихъ словамы прымовляе:
«Эй, госьти мои любіи, орлы сызокрылыи,
Браты мои мылыи.
Хочъ мало вы надождите, покы буде изъ Днипра тыхый витеръ повиваты,
То тоди буде душа моя съ тиломъ розлучатысь.

То то ставъ изъ Днипра тыхий витеръ повиваты,
Стала душа козацька молодецька съ тилэмъ розлучатысь.
То сызи орлы до ёго налиталы,
У головахъ сидалы,
На чорни кудри наступалы,
Зъ лоба очи выбиралы
И кровъ его хрыстыяньську выпывалы.
То ше до ёго сыви зозули налиталы,
Жалибненько закувалы,
Якъ ридни сестры ёго оплакалы,
А сирохманци вовкы его тило козацьке молодецьке на Саворъ Могыли знаходылы
И сами зъ собою речи говорылы;
То воны его жовти кости розметалы,
Та по тернахъ по байракахъ розношалы,
Хорошенько поховалы,
Надъ нымъ похоронъ одправлялы.
То то сталы старши браты у городы хрыстыяньськи до свого отця до маткы прыбуваты,
Ставъ ихъ отець и маты на здоровья стричаты,
Ставъ объ меньшому сыну, объ ихъ брату пытаты.
То старшый братъ тее зачувае,
До отця до матеры словамы прымовляе:
«Охъ, ридный мій отець и маты:
Вамъ сёго не знаты,
Шо де то мы пробувалы,
Велыкее горе прынималы!
Мы въ городи Озови, у катерзи турецькій, у вири бусурменьській прожывалы,
То мы ношнои добы утикалы
А свого найменьшого брата одъ сна будылы—не розбудылы,
То тамъ мы его у катерзи турецькій,
Вири бусурменьській,
У городи Озови прыостановылы».
Якъ ставъ середульшый братъ зъ отцёмъ, зъ маткою, зъ добрымы людьмы на пидпыткахъ гуляты,
Ставъ гирко плакаты й рыдаты,
Ставъ отцеви свому ридному й матуси весь отвитъ открываты:

Ставъ винъ про ихъ сына, про меньшого брата, всю правду казаты:
«Шо мы вси браты́ зъ города Озова, зъ тяжкои неволи, катергы турецькои
Виры бусурменьськои.
Ношнои добы киньмы утикалы,
А свого найменьшого брата, пишого пихотыньця,
У чыстому степу, пры шляху покыдалы;
То ше винъ на свое здоровья козацьке молодецьке измагавъ.
То винъ то насъ два разы уганявъ,
То старшый братъ таки слова одказавъ,—
Ніякои помочи-порятунку не давъ;
То я то не могу теперъ знаты, де найменьшый братъ нашъ пробувае.
Може була зъ города Озова велыкая погоня,
Та може его пишого пихотыньця доганяла,
Постриляла,
Або порубала,
А може его й впьять у городъ Озовъ у катергу турецьку
Виру бусурменьську,
Жывьемъ завертала.
То ставъ ридный отець и маты
Свого старшого сына зъ двора изганяты;
То сталы вси люде на ёго роптаты;
Шо якый то винъ старшый сынъ соби коштовный домъ избудувавъ,
То ёго Господь ставъ мылосердый зо всихъ сторонъ выдымо й невыдымо караты,
Ставъ громовымъ вогнемъ побиждаты.
То ставъ старшый сынъ ихъ по чужыхъ хатахъ валяты,
Изъ жинкою изъ дитьмы чужого хлиба-соли заробляты
И ни зъ якои стороны одъ Бога мылосердного порятунку соби маты.
Оже хотя трёхъ братив Озовськыхъ,
Найменьшого брата, пишого пихотыньця,
На Саворъ-Могыли голова полягла,
Такъ слава ихъ козацька молодецька не помре, не поляже
Междо панамы,

Междо козакамы
Междо всима православнымы хрыстыянамы
Отныни й до вика и до коньця вика!

2.

Про Олексія Поповыча.

Ой у сьватую недиленьку барзе рано пораненько
То на Чорному мори и на камени биленькому
Тамъ сыдивъ сокилъ ясненькый,
Жалибненько квылыть-проквыляе,
Нызенько головку склоняе,
И на Чорне море спыльна поглядае,
Шо на Чорному мори все недобре почынае:
Бере судна козацьки молодецьки на тры часты розбывае;
Одну часть узяло—
У Грабьськую землю занесло,
А другую часть ухопыло—
У Дунайске гырло забыло,
А третя часть де ся мае,
Посередъ Чорного моря, на быстрій супротывній хвыли потопае;
А пры тій часты бувъ Гатьманъ Кошовый
Грыцько Зборивьськый.
То винъ на чердакъ исхожае,
До своихъ козакивъ Запорозьцивъ словамы промовляе:
«Ой вы козакы, славни Запорозьци!
Сповидайтеся вы, братьця, Чорному морю
И 'тàману Кошовому,
Якъ бы отцю духовнòму,—
Напередъ Богу мылосердному,
Который найбильше грихивъ мае».
То вси козакы гатьманьци запорозьци тоди замовчалы,
А тилько озываетьця Олексій Поповычъ,
Пырятыньськый пысарь військовый,
Козакъ лейстровый:
«Эй, панове молодьци,

Козакы запорозьци!
То добре́ вы учыните,
Возьмить мини чорною кытайкою самому очи завьяжите
Та билый каминь до шыи прычепите,
Та возьмите мене самого на Чорнее море пустите;
Нехай я буду самъ своею головою на Чорному мори даруваты,
А нижъ бильше війська, товарыства сердешного, невынни души теряты.
Я то, каже, братьця, съ Пырятына города выижджавъ,
Зъ отцемъ изъ маткою прощенія не прыймавъ,
Брата старшого за брата не мавъ,
Худымы словамы его называвъ
Блызькыхъ сусидъ зъ хлиба-соли збавлявъ,
Зъ двора зъижджавъ,
Та свого отця и матирь стременамы въ груды поторкавъ
И добрымъ конемъ своимъ воронымъ по вулыци пробигавъ,
Чужыхъ дитокъ ростурчавъ,
Кровъ хрыстыяньську на сыру землю пролывавъ,
Мымо церковъ ихавъ мымо святого Мыколая, шапкы не знимавъ,
На соби хреста не покладавъ,
Лышъ то я на свого коня вороного доброго молодецького поглядавъ,
На свое здоровье козацьке молодецьке измагавъ.
Колыбъ мини Богъ помигъ у добримъ здоровьи у сій потреби сходыты,
То мигъ бы я отцевьську й матчыну молытву шануваты й поважаты,
Рано й пизно спомынаты.
Отця й матирь почытаты
И брата старшого за ридного отця въ себе маты́,
И блызькыхъ сусидъ хлибомъ-сылью надиляты,
И чужыхъ маленькыхъ дитокъ на вулыцяхъ стричаты,
Шапку здійматы,
Нызькый поклонъ оддаваты,
И на все добре научаты,
И въ церковъ сьватую Мыколая шо суботы, шо недилй

молебни найматы».
То якъ ставъ Олексій Поповычъ, Пырятыньськый пысарь військовый.
Козакъ лейстровый,
Мылосердному Богу и Чорному морю,
И 'та́ману військовому, и товарыству сердешному
Свои грихы по правди повидаты,
То стало Чорне море утыхаты;
И такъ воно втыхало,
Якъ бы николы й не грало;
Ставъ зъ Днипра тыхый витеръ повиваты,
Стало козацьке молодецьке судно до Буйнои Прыспы прыбуваты;
То одну часть узяло—
Зъ Грабьськои земли вынесло,
А другую часть исхватыло—
Зъ Дунайського гырла вырвало, та до Буйнои Прыспы прыбыло.
Та тоди вси козакы на сыру землю схожалы,
На колина упадалы,
Господа Мылосердного сохвалялы.
То вси козакы тоди дывомъ дывувалы,
Що на якій то быстрій супротывній хвыли потопалы,
Та ни одного козака не втерялы.
То тоди то Олексій Поповычъ на сыру землю схожае,
Гирко плаче рыдае
И до козакивъ словамы промовляе:
«Оттымъ то», каже, «козакы запорозьци,
Шо то годытьця отцева матчына молытва!
Шо хто отцеву и матчыну молытву спомынае,
То отцева и матчына молытва изо дна моря душу выймае,
Одъ грихивъ смертенныхъ одкупляе,
Предъ Праведною Судіею поставляе.
Эй то годытьця отцева й матчына молытва чумакови въ чумацтви,
Козакови въ козацтви,
Багачеви въ багацтви
И на Чорному мори

И на суходоли.
Дай Боже мыру царьському,
Народу хрыстыяньському
На многая лита
До коньця вика!

3.

Про Хведора безридного.

По потреби, по потреби барзе то по царьскій,
То много війська понажено,
Посичено, на раны смертенни порубано.
То междо тымъ трупомъ нихто жывый не пробувае,
Тилько Хведиръ бездильный,
Та безридный, та безплеми́нный
На раны смертенни постриляный,
Та порубаный
Тилько чуть жывый духъ въ себе мае.
Та нихто жъ коло ёго не бувае,
Тилько вороный кинь килогрывый у головахъ надъ нымъ смерты доглядае.
Та тилько междо тымъ трупомъ джура Ярема промешкае.
То винъ вороного коня килогрывого въ вичи забачае,
Та въ те мисто прыбувае,
Хведора бездильного та безридного чуть жывого заставае,
Та зъ свого коня вставае,
Та до Хведора бездильного, та безридного словамы промовляе,
Гирко плаче й рыдае,
Дрибнымы слёзамы пролывае:
«Эй здоровъ, здоровъ, Хведоре бездильный, та безридный та безплеминный!
Чы ты спышъ, чы дримаешъ?
Чы на раны смертенни незмагаешъ?»
— «Эй, «каже», джуроньку мій, малый невелыкый! [1])

---

[1]) Винъ, може, й велыкый бувъ, та тымъ малымъ зветьця, що слуга винъ его,—значыть меньшый одъ его.

Не сплю я, не дримаю,
А на раны смертенни незмагаю.
Эй джуроньку мій, малый невелыкый!
Колы бъ ты козацькый звычай добре знавъ,
Та на мого доброго, вороного коня сидавъ,
Та передо мною повертавъ,
Хвабристь свою козацьку молодецьку показавъ».
То джуронька малый невелыкый одъ Хведора бездильного та безридного тее зачувае,
Та на доброго коня сидае,
Та передъ нымъ повертае.
То Хведиръ бездильный до джуры Яремы словамы промовляе:
«Эй джуроньку мій, малый невелыкый!
Дарую тоби по смерты своеи тягы [1]) червоніи
И каптанъ мій одъ пилъ до комира золотомъ гаптованый,
Та на себе ёго надивай,
На доброго коня мого килогрывого сидай,
Та передо мною повертай,
Шобъ я мигъ знаты,
Чы вдобенъ ты будешъ промиждо козакамы пробуваты».
То джуронька малый невелыкый тее зачувае,
Тягы червоніи
И каптанъ одъ пилъ до комира золотомъ гаптованый
Зъ ёго знимае,
Та на себе надивае,
Та на вороного доброго коня килогрывого сидае,
Та передъ нымъ повертае,
Козацькый звычай и честь ёму воздавае,
То ще жъ Хведиръ бездильный, та безридный промовыть словамы:
«Эй, благодарю тебе, Господы Мылосердный,
Шо не ледайкови моя худоба попадае.
Буде винъ за мене Господа Мылосердного прохаты и благаты,
То буде ёму Господь Мылосердный на всякимъ мисти спомогаты.

[1]) Тягы булы зализни и надивалысь поверхъ жупана.

То ще жъ то Хведиръ бездильный та безридный до джуры Яремы словамы промовляе:
«Эй джуроньку мій, малый невелыкый!
Ты свого коня за повода беры,
А на мого доброго вороного сидай
Та бижы жъ ты швыденько,
Та поспишненько,
Лугомъ Базалугомъ, та по-надъ Днипромъ Славутою.
То якъ лебеди ячать, то ты озовыся,
А якъ ушкáла гудуть, то ты схороныся.
А якъ козакы йдуть Днипромъ Славутою, такъ ты объявыся,
Та шлычокъ издіймай,
Ныззкый поклонъ отдавай,
Та добрымъ конемъ передъ нымы повертай,
Увесь козацькый звы́чай оддавай».
То джура Ярема добре дбае,
На коня сидае,
Та по-надъ Днипромъ лугомъ Базалугомъ бижыть-поспишае,
Изъ луга Базалуга выбигае,
На Днипро спыльна поглядае,
Шо по Днипру козацьке судно гуляе;
То винъ тее судно въ вичи забачае,
Шлычокъ здіймае,
Ныззкый поклонъ подавае.
То козакы ёго въ вичи забачалы
До берега прыверталы.
То кошовый отаманъ, козацькый запорозькый,
Джуру Ярему въ вичи забачае
Та до ёго словамы прымовляе:
«Се ты не своею худобою передо мною повертаешъ,
А се ты Хведора бездильного, та безридного худобу въ себе маешъ.
Чы ты ёго не вбывъ, чы не запродавъ,
Або чы жывцемъ у плинъ не оддавъ?»
— «Эй, то я жъ, то, каже, отамане кошовый, козацькый запорозькый,

Ёго не вбывъ и не продавъ,
И жывцемъ у плинъ не оддавъ,
А було жъ то по потреби барзе то по царськїй,
Много війська понажено,
На раны смертенни постриляно
Та порубано,
То я жъ то междо тымъ трупомъ промешкавъ,
Та Хведора бездильного,
Та безридного,
На раны смертенни постриляного,
Порубаного,
Чуть жывого заставъ,
Такъ винъ мини всю худобу оддавъ
И жызнь свою одказавъ,
И шобъ я видъ ёго поклонъ усимъ козакамъ гетьманцямъ запорозьцямъ оддавъ».
То батько кошовый
Отаманъ військовый
Добре дбае,
Та пьятдесятъ чоловика козакивъ выбирае,
Та лугомъ Базалугомъ посылае,
Шобъ воны той трупъ происькалы,
Хведора бездильного та безридного пошукалы.
То то козакы добре дбалы,
Лугомъ Базалугомъ проижджалы,
Та трупъ побытый Хведора бездильного та безридного шукалы,
Та третёго дни нахождалы,—
Та ёго тило козацьке молодецьке на червону кытайку бралы,
Та до Днипра до берега прыношалы,
Та раны ёго смертенни замывалы,
Та копьямы суходилъ копалы,
Та хорошенько козацьке молодецьке тило поховалы,
Та шапкамы персть носылы,
Та высоку могылу высыпалы,
Да ше въ головахъ дубовый прапирокъ постановылы.
По тымъ воны ёго помыналы,

Шо у себе малы:
Цвиленькымы сухенькымы військовымы сухарцямы.
Отто жъ то, хотя Хведора бездильного та безридного
Голова козацька надъ Днипромъ полягла,
Такъ слава ёго козацька не помре, не поляже
Междо панамы,
Междо козакамы,
Междо всима православнымы хрыстыянамы.
Утверды, Господы, люду царського,
Императорського
И всимъ головамъ слухающымъ пошлы Боже на многая лита
До конця вика.

4.

Кишка Самійло.

Ой у лузи Базалузи тамъ бувъ куринь нетязькый,
Тамъ жывъ прожывавъ Кишка Самійло Гетьма́нъ козацькый;
То винъ тамъ жывъ прожывавъ,
Та коло себе сорокъ два чоловика нетягъ мавъ.
То турецьке Баша, молоде паня, по Чорному мори безпешно гуляло,
Та ніякового соби дыва не выдало,
Та по Чорному мори проиждjае
И до Луга Базалуга прыбувае.
То до луга Базалуга прыбувалы,
То тамъ воны соби прыстань занималы,
Та въ лугъ Базалугъ гуляты изъ кгаляры выхождалы;
То тамъ воны соби въ лузи Базалузи недовго промешкалы,
Куринь козацькый-нетязькый увыдалы,—
Усихъ козакивъ нетягъ гетьманськыхъ, запорозьськыхъ, сонныхъ забралы,
Та зализни пута́ имъ на рукы, на ногы понадивалы
Та въ кгаляру забралы,
Та до турецького баши прыставлялы.

То турецькый Баша велыку радость соби мае,
Та свое молоде паня выхваляе,
Та до дивкы Санджакивны на гуляння посылае.
То молоде паня турецьке баша
По Чорному мори безпешно гуляе,
Та на бидныхъ невольныкивъ згрозна гукае,
А дидъ Бутурлака тее зачувае,
Та ще крипше на бидныхъ невольныкивъ, страшнише гукае.
То тоди воны по Чорному морю безпешно гулялы,
До дивкы Санджакивны на погуляння прыбувалы.
То то дивка Санджакивна молоде паня турецьке баша
У свитлыцю камьяныцю зазывала,
Дорогымы напыткамы вытала,
А військо середъ рынку сажала.
То молоде паня турецьке баша на пидпыткахъ загуляло,
Дивци Санжакивци свою хвабрость показало:
«Чы ты то, каже, дивко Санджакивно, таке то выдала,
Що шо въ мене въ кгаляри пробувае?
Якъ я въ лузи Базалузи пробувавъ,
Та тамъ соби велыке дыво доставъ».
То то воны по рынку гулялы,
До прыстани прыбувалы,
На кгаляру исхожалы.
То дивка Санджакивна бидныхъ невольныкивъ ввичи забачае,
И сама соби зтыха знышка важко здыхае,
А молоденького паню, турецького башу, вельми словамы похваляе.
То то воны зъ кгаляры схожалы,
Велыкую радисть малы,
Дванадьцятеро сутокъ гулялы.
То тó дивка Санджакивна одъ турецького башаты,
Молодого паняты
Стала до бидныхъ невольныкивъ нышкомъ пыщу посылаты,
Шобъ не даты биднымъ козакамъ невольныкамъ зъ голоду помираты.

То воны то того й не вжывалы,
Та до миста все складалы.
То турецьке баша, молоде паня,
До дивкы Санджакивны рано въ недилю прыбувало,
А въ вивторокъ до бидныхъ нетягъ невольныкивъ
У кгаляру на пидслухы ярызу посылае,
Шо шó буде дидъ Бутурлака изъ невольныкамы промовляты;
Може винъ буде у хрыстыянську виру поступаты.
То дидъ Бутурлака того ярызу ввичи забачае,
Та на бидныхъ невольныкивъ згрозна гукае,
Кисьци Самійлови у вичи штырхае,
Та зализнымъ прутомъ по трычи въ одно мисто затынае,
Та въ виру бусурменську у каторгу турецьку прывертае
И до Кишкы Самійла словамы прымовляе:
«Эй, Кишку, Кишку Самійлу!
Якъ будешъ ты у вири хрыстыянській пробуваты,
То буду тебе паче всихъ невольныкивъ обиждаты,
По тры разы въ одно мисто зализнымъ прутомъ затынаты».
То тилько ставъ одъ ныхъ ярыза отхождаты,
Ставъ дидъ Бутурлака съ Кишкою Самійломъ тыхи речи маты;
«Шо якъ бы намъ отъ турецького башаты,
Молодого паняты,
На волю вбижаты».
То дидъ Бутурлака добре дбае,
До Кишкы Самійла, знышка, словамы промовляе:
«Ой, Кишко Самійлу, не дуже своему серцю жалю задавай,
Своимъ серцемъ и головою на Господа Мылосердного вповай;
Будемъ мы Господа Мылосердного прохаты,
Чы не буде намъ Господь зъ небесъ благодаты посылаты».
То сталы воны Бога Мылосердного прохаты,
Сталы воны до Бога Мылосердного нызьки поклоны вдаряты:
«Ой, пошлы намъ, Господы, зъ неба,
Та чого намъ треба».
Эй шо вже-жъ то молоде паня,

Турецьке баша,
Дванадьцятеро сутокъ прогуляло;
До-кгаляры прыбувало,
Спочываты залягало;
Ой то воно зъ обиднеи поры до четвертого часу пролежало;
Отъ сна вставало,
Та до дида Бутурлакы словамы прымовляло:
«Шо якый то мини, диду Бутурлаку, сонъ дывенъ та предывенъ прыснывся,
Та колыбъ винъ николы не явывся.
Выдытьця мыни, шо моя галера цвиткована, малёвана
Стала вся на пожари спускана,
Выдытьця, шо мои невольныкы, котори булы въ неволи,
Та сталы вси по воли;
Выдытьця, що мене Гетьманъ козацькый булатною шаблею ростявъ,
У Чорне море пометавъ».
То дидъ Бутурлака тее зачувае,
До турецького пашаты, молодого паняты, словамы прымовляе:
«Эй то не може такъ случытьця,
Шобъ сему сну справдытьця.
Будешъ на невольныкивъ покрипши пута́ надиваты,
То буде въ насъ Кишка Самійло зъ своимы нетягамы всегда прожываты».
То молоде паня, турецьке баша, тее зачувае,
Впьять спочываты лягае,
А на дида Бутурлаку уси свои маеткы сповиряе.
То бидни нетягы четвертого ча́су полунощного уремья дожыдалы.
Сами́ помежъ собою тыхи речи малы.
То дидъ Бутурлака добре дбае,
Зъ свого кармана ключи выймае,
Кисьци Самійлови у рукы подавае,
Та ше до его словамы прымовляе:
«Эй Кишко Самійлу, гетьмане козацькый, нетязькый!
Потыше путамы ячите,

Шобъ ни одного турчына не збудыты,
Та братъ брата одмыкайте,
Та свои пута́ потыхеньку зъ себе скыдайте,
Та поспишно турка бусурмена самого у Чорнее море метайте».
То то Кишка Самійло добре дбае,
Изъ себе пута скыдае
И всихъ козакивъ бидныхъ нетягъ одмыкае,
Та до своихъ нетягъ стыха словамы прымовляе:
«Эй, вы, козакы, бидьни невольныкы,
Вы сёго дила не гайте
Та поспишне́нько турчына у Чорнее море метайте».
То такъ воны соби добрую годыну малы,
Старо́го й малого турка у Чорнее море усихъ пометалы,
Тилько дида Бутурлаку не займалы,
Коло себе для порядку оставлялы,
Шо той дидъ Бутурлака потурчывся и побусурманывся
И жывъ винъ у турецькій земли на сьвити
Сорокъ чотыри ли́ти.
То воны то тамъ недовго пробувалы,
Въ той часъ у Чорнее море утикалы.
То дидъ Бутурлака добре дбае,
До козакивъ нетягъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ словамы прымовляе:
«Эй, вы, козакы́, гатьманьци-запорозьци, добре вы соби дбайте
Турецьке платьтя на себе надивайте,
Спочываты лягайте,
А половынна часть зализни пута́ на себе надивайте,—
Будуть насъ туркы безбожни бусурмены стричаты,
Будуть Алкана Пашу пытаты,
То я то буду зна́ты,
Якый отвитъ оддаваты».
То то воны Чорнымъ моремъ потыхеньку прожиджалы,
То ихъ туркы безбожныи стричалы,
То тоди самъ Бутурлака на чердакъ выхожае,
Ключи зъ кармана выймае,
И на туркивъ махае.

«Ой цытьте, туркы, не ячите,
Молодого пани́ не збудите».
То то туркы дида Бутурлаку ввичи забачалы,
Скоро замовчалы
И одъ кгаляры одвертала.
То тоди бидьни нетягы потыхеньку зъ того миста одъижджалы,
Чорнымъ моремъ далеко гулялы,
Та землю турецьку, виру бусурменьську проклыналы!
«Эй, земле, земле турецька,
Виро бусурменьська,
Розлуко хрыстыяньська,
Хотя въ тоби срибла й злата багато бувае,
Та тилько бидному невольныкови николы отрадосты немае,
Ни недили, ни празныка не знае,
Все у тій катерзи турецькій бидный невольныкъ погыбае!»
. . . . [1]).
То воны то по Чорному морю гулялы,
Та до дида Со́ленка у госьти прыбувалы.
То винъ ихъ у вичи забачае,
Шлычокъ изнимае,
Поклонъ оддавае,
До себе въ гости зазывае,
И до козакивъ гатьманьцивъ запорозьцивъ словамы промовляе:
«Эй, вы, козакы, гатьманьци запорозьци,
Шо вы по Чорному морю гуляете,
Якого вы соби отамана маете»?
Эй то то козакы гатьманьци запорозьци тее зачувалы,
До дида Соленка словамы промовлялы:
Эй, здоровъ, здоровъ, отамане старый!
Сталы бъ мы тоби поправди казаты,
Такъ не знаемъ якъ и тебе назваты».
То дидъ старый тее зачувае
Изъ кгаляры ихъ вызывае,

[1]) Тутъ забувся. Не згадаю якъ. Ну, та вже нехай.

На сыру землю ихъ выклыкае,
Та до ихъ словамы промовляе:
«Эй, вы, козакы́, гатьманьци запорозьци!
Шо я тутъ [2])..
Висимдесятъ литъ прожывавъ,
Та такыхъ людей и ввичи не выдавъ».
То якъ сталы козакы на пидпыткахъ гуляты,
Сталы воны ему всю правду повидаты:
«Эй, диду Соленку! Мы́ то у лузи Базалузи прожывалы,
Куринь соби нетязькый малы;
То турецьке баша, молоде паня, по Чорному морю гуляло
Насъ у лузи Базавлузи сонныхъ застало,
Въ неволю забрало,
Зализни пута на рукы й на ногы понадивало,
Турецькому пану баши прыставляло.
То мы тамъ не довге времья прожывалы,
У дивкы Санджакивны на бенькети гулялы,
То намъ Богъ помигъ, шо мы ту́рка у Чорне море пометалы,
А самы сюды попалы»...
То тоди дидъ Соленко ихъ съ честю прыймае,
Хлиба-соли поставляе,
И до себе жыты благае.
То то Кишка Самійло сее зачувае,
Та до дида промовляе:
«Эй, диду Соленку, хошъ буду я въ тебе хлиба-солы вжываты,
А не хочу въ тебе пробуваты,
Хошъ буду я по смерть свою велыке горе прыйматы,
А такы хочу у своій Украини голову покладаты»...

Тутъ-бы казать «Услышы, Господы», такъ ни; іи ще впереды багато, та не згадаю. Трыдьцять може литъ, якъ спивавъ я іи, а вона довга и, Господы, яка довга! Та шожъ ты будешъ робыть, колы не згадаю. Тамъ якось ище дидъ Соленко своихъ пьятдесятъ чоловика

---

[2]) Отъ тилько забувсь на якому острови,—чудне якесь ему називаніе.

ему помочи давъ. Оттутъ десь дидъ Бутурлака розсказувавъ, шо ихъ піймано було 60 чоловика, та винъ тилько одынъ у турецькій земли, значыть, оставсь. Воны его тамъ сорокъ чотыри года держалы, покы его Кишка вызволывъ. Кишка Самійло Соленкови дидови свою кгаляру бросывъ, а взявъ соби судно; ему дидъ Со́ленко давъ; такъ винъ козацькымъ (судномъ) и поихавъ у свою Украину. Тамъ винъ скилько литъ прожывъ, тай умеръ. Забувсь, де его поховалы. Надъ якоюсь рикою, отъ и въ уми вертытьця, та чорты его батька зна, не згадаю. Надъ якоюсь рикою померъ. Его й могыла десь есть. Кажуть и того Хведора Безридного могыла есть, та така якъ хата высока, шо й покы свитъ соньця не западе... Винъ, той Кишка Самійло, комусь издавъ свое отаманство, якъ помиравъ, та хто его зна кому... не згадаю...

Скилько я не чувъ такыхъ писень, дакъ ся найдовша. Я іи не одъ майстра свого вывчывсь, а одъ кобзаря-жъ такы одного пидъ Гадячемъ. Тоди, значыть, ярмарокъ бувъ, такъ насъ багато изійшлось; розбалакалысь соби, та якось и за цёго Кишку Самійла завелы мову. Такъ той кобзарь якъ проспивавъ іи, такъ я ему давъ карбованьця, шобъ винъ мене вывчывъ іи. Такъ мы дви ночи зъ нымъ удвохъ надъ нею морочылысь. Такъ я іи знавъ бувъ добре, а це забувъ, шо не спиваю никому. Плету соби, а й самъ знаю, шо воно тамъ не такъ було.

5.

Про трёхъ бративъ Самарськыхъ.

Ой уси поля Самарськи погорилы
Та вже й почорнилы,
А тилько не згорило тры терны дрибненькыхъ,
Тры байракы зелененькыхъ;
А тымъ же воны не згорилы,
Шо коло себе трёхъ гостей имилы.
А якыхъ же то трёхъ гостей?
Тры братикы ридненькыхъ,
Голубонькивъ сывенькыхъ,
На раны смертенни посичени й порубани,
Щей постриляни.
Одынъ братъ найстаршый, пысаръ військовый,

А другый братъ козакъ лейстровый,
А третій братъ грачъ и трунбачъ військовый.
Шо то измовыть найстаршый братъ до середульшого,
А середульшый до меньшого:
«Ой, колы бъ ты, братику, на свое здоровье козацьке молодецьке измагавъ
Та до ричкы Самаркы,
До крыныцы Салтанкы
Исходывъ, та холоднои воды набравъ,
Та раны наши смертенни чотыри шыроки,
А чотыри глыбоки,
Позакроплявъ,
Позамывавъ,
Та души полехкосты хочъ мало создавъ,
То може бъ мы на свое здоровье козацьке, молодецьке, хочъ мало шо змагалы».
То найменьшый братъ тее зачувае,
До старшыхъ братывъ словамы прымовляе:
— «Эй, мабуть уже намъ, братьця, до ричкы Самаркы,
До крыныци Салтанкы
Не ходыты,
Холоднои воды не пыты.
Мабуть, братьця, буду я спидъ головъ військову трунбу выйматы,
Та буду гласъ подаваты,—
Чы не буде хто набожній гласъ зачуваты,
То чы не буде хто до насъ пидхожаты,
Нашои смерты доглядаты».
Шо то змовыть старшый братъ до середульшого,
А середульшый до меньшого:
«Эй, не есть то насъ братьця, гостра шабля порубала,
Ни быстра куля пострыляла,
А есть то насъ отцева й матчына молытва скарала,
Шо якъ мы увъ охотне військо выступалы,
Зъ отцемъ изъ маткою прощенія не прыймалы,
Брата старшого за брата не прыймалы,
Блызькыхъ сусидъ зъ хлиба-соли збавлялы,
Мымо церковъ ихалы, мымо сьватую Субору шапокъ не здіймалы

И на соби хреста не покладалы,
То тымъ то мы свое щастя й долю потерялы».
Отожъ-то воны си слова промовлялы,
Та тамъ соби й смерть получалы.
То хотя трехъ братывъ Самарськыхъ
У тернахъ, та въ байракахъ, на Самарському поли голова полягла,
Такъ слава ихъ козацька, молодецька не помре, не поляже.
Утверды Господы люду царського,
Императорського
И всимъ головамъ слухающымъ пошлы Боже на многая лита
И до коньця вика!

6.

Про Коновченка вдовыченка.

Ой на славній Украини,
У славному городи у Корсуни,
То тамъ жывъ прожывавъ Корсуньськый полковныкъ Пане Хвылоне.
То винъ жывъ прожывавъ,
По городахъ лысты засылавъ
Сотныкивъ,
Полковныкивъ
И козакивъ рядовыхъ увъ охотне військо выклыкавъ.
«Ой вы сотныкы
Й полковныкы,
И козакы рядовіи!
Который охотныкъ пойты изо мною на Черкену долыну гуляты,
Славы царствія козацькому війську зажываты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,
Чы не дасть намъ Богъ добычи якои соби маты».
То вси сотныки й полковныкы замовчалы [1]).

[1]) Замовчлы.

Тилько жыла у городи у Черкаси стара удова по прозванію Коновчыха,
А по мужу Грыцыха,
И мала вона соби сына Ивася Коновченка,
Прекрасного лыцаря едынчыка.
То винъ тіи лысты забачае,
У свитлыцю вхожае,
До своеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои,
Словамы промовляе:
«Благословы мини, маты,
Съ Корсуньськы́мъ полковныкомъ
Паномъ Хвылономъ
На Черкену долыну питы погуляты,
Славы царствія зажываты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,
Чы не дасть намъ Богъ якои добычи маты».
То те винъ до своеи матуси словамы промовляе:
«Возьмы ты, маты, чотыри волы чабаніи,
Два кони вороніи,
Та дванадьцять червиньцивъ доложы,
Та до города Крылова, до жыда олендаря волы оджены,
До коня вороного и зброю козацьку молодецьку купы,
Которого коня моя душа любыла
Та ще й ухвалыла».
То старая жена́, бидна вдова, тее зачувае,
До свого Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря, словамы промовляе:
«Не благословлю я тоби, сыну,
Съ Корсуньськымъ полковныкомъ иты на Черкену доылну гуляты,
Славы царствія козацькому війську зажываты,
А благословлю я тоби, сыну, чотыри волы чабаніи,
Два кони вороніи
Зъ за́города одлучаты,
Та йты въ чысте поле хлиба пахаты;
То будуть козакы
Съ Корсуньськымъ полковныкомъ

На Черкену долыну йты гуляты,
Будешъ ты ихъ у свій двиръ завертаты,
Будешъ ты ихъ хлибомъ силью вытаты
И будешъ ты весь той козацькый звычай и дома знаты».
То винъ тее зачувае,
До своеи матуси ридненькои словамы промовляе;
Ой, не хотилося мени, маты,
Иты у чыстее поле хлиба пахаты,
Своихъ червоныхъ сапьяныцивъ чобитъ по борознахъ спотыкаты,
А хотилося мини питы съ Корсуньськымъ полковныкомъ
На Черкену долыну погуляты,
Славы царствія козацькому війську зажываты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,
Може бъ чы не давъ Богъ якои добычи соби достаты».
То стара жена, бидна вдова, протывъ того ничого ёму не сказала,
Та въ святую недиленьку рано уси рушныци въ комору повыношала,
Та до Божого дому на моленіе исхожала,
А свого Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря,
У домивци своій не пры чимъ покыдала.
То Йвась Коновченко одъ сна уставае,
У свитлыцю вхожае,
По стинахъ поглядае,
Що вже батькивськои рушныци на стини ни одной немае,
Тилько въ запичку семыпьядная пыщаль сіяе.
То винъ то коло неи соби козацькый звычай добре знае,
Та семыпьядну пыщаль батькивську за плечи закладае,
Та до Корсуньського полковныка
На Черкену долыну за симсотъ верстъ поспишае.
На Черкену долыну прыбувае,
До палаты прыхожае,
Та ще Корсуньського полковныка на спочывкахъ заставае.
Эй то вже жъ то вистовый полковныку извищае,

Шо «якый то до насъ на Черкену долыну гость прыбувае.
То Корсуньській полковныкъ одъ сна вставае,
Съ палаты выхожае,
Прекрасного лыцаря Ивася Коновченка въ вичи забачае.
То Йвась до Корсуньського полковныка пидхожае,
Шлычокъ скыдае,
Нызькый поклонъ оддавае,
Та до Корсуньського полковныка словамы промовляе:
«Эй, здоровъ, здоровъ, Корсуньськый полковныку, пане Хвылоне!
Шо ты думаешъ-гадаешъ,
Шо такого соби госьтя маешъ?
То благословы, Корсуньськый полковныку, Пане Хвылоне,
На Черкену долыну безпешно погуляты.
То Корсуньськый полковныкъ, Пане Хвылоне, тее слово зачувае,
До Йвася Коновченка словамы промовляе,
Прекраснымъ лыцаремъ ёго называе.
— «Не благословлю я тоби, отецькый сыну,
Иты на Черкену долыну
Безпешно гуляты,
А благословлю я тоби на червоній кытайци за столомъ сыдиты,
Перомъ на папери пысаты,
Та козакамъ гатьманьцямъ запорозьцямъ порядокъ даваты,
Шобъ воны зналы на Черкени долыни безпешно гуляты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,—
Чы не поможе намъ Господь мылосердный якои добычи достаты.
Ты ще дытя молодее,—
Шобъ тоби туркы бусурмены, альбо татары, здоровья не збавылы
И вику не вмалылы».
То Ивась Коновченко тее слово зачувае,
До Корсуньського полковныка словамы промовляе:

«Эй то ты то, Корсуньськый полковныку, пане Хвылоне!
Возьмы ты утя одно малее,
А друге старее,
Та пусты ты у Чорнее море; чы не поплыве малее,
Якъ бы те й старее».
То Корсуньськый полковныкъ тее зачувае,
До Йвася Коновченка словамы промовляе:
«Благословлю я тебе, отецькый сыну, на Черкену долыну гуляты,
Славы царствія козацькому війську зажываты,
За виру хрыстыяньську въ одній стани статы,—
Чы не поможе тоби Господь якои добычи соби достаты».
То Ивась Коновченко шлычокъ здіймае,
На вси чотыри стороны поклонъ оддавае
И отцеву матчыну молытву спомынае,
Та отъ Корсуньського полковныка, отъ палаткы отхожае
И съ пидъ соньця, съ правои стороны
Туркивъ и татаривъ мечемъ своимъ устрашае.
То винъ то немного на Черкени долыни изъ утра до половыны дня гуляе,
Туркивъ и татаривъ вельми побиждае.
То винъ немного зъ утра до половыны дня погулявъ,
Симсотъ душъ турка и татара посикъ, порубавъ,
А симсотъ душъ жывьемъ на арканъ забравъ,—
До Корсуньського полковныка уси знамена прыставлявъ[1]).
То Корсуньськый полковныкъ ёго въ вичи забачае,
И такъ скоро до ёго поспишае,
За билу руку ёго хватае,
Прекраснымъ лыцаремъ молодецькымъ ёго называе,
Шлычокъ передъ нымъ искыдае,
Славу ёго козацьку молодецьку выхваляе,
Та въ свою палату ёго зазывае.
На червоній кытайци сажае,
Словамы промовляе:
«Эй то якъ то ты, Ивасю Коновченку, прекрасный лыцарю,
У своеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои

[1]) То добре погулявъ!

Прошенія прынимавъ?
Чы ты якъ изъ дому отхожавъ,—
Молебни наймавъ?»
«Эй ни-жъ бо то, пане Корсуньськый полковныку,
Я сёго и въ голови не мавъ.
Моя матуся ридненька,
Удова старенька,
До Божого дому рано исхожала,
А мене въ домивци своій не пры чимъ покыдала,
То може вона й молебни наймала».
То стара жена,
Бидна вдова,
Зъ Божого дому зъ моленія у свою домивку прыбувае,
Свого Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря, у своій домивци не заставае,
То вона гирко плаче й рыдае,
Дванадьцять червиньцивъ шукае
И поспишно чотыри волы чабаньи,
Два кони вороныи
Зъ загорода одлучае,
Та до города Крылова, до жыда олендаря отганяе
Та вороного коня и козацьку зброю у жыда олендаря забирае,
Та до свого двора прыставляе.
Эй то вже жъ то вона изъ свого двора выхожае,
На вси стороны поглядае,
Изъ якого шляху йшлы козакы гатьманьци-запорозьци
На Черкену долыну гуляты,
Славы царствія козацькому війську доставаты,
Шобъ сынови своему Ивасеви Коновченку, прекрасному лыцареви,
Гостынець передаты,
Которого коня душа улюбыла,
Та ще й ухвалыла.
То въ той часъ чотыри чоловика козакивъ запорозьцивъ Господь наношае.
То стара жена,
Бидна вдова,

Ихъ на здоровья стричае,
У свій двиръ завертае
И свого Ивася Коновченка прекрасного лыцаря имъ спомынае.
«Вы то», каже, «козакы, гатьманьци-запорозьци,
Идете на Черкену долыну гуляты,
Чы не моглыбъ вы моему Ивáсю Коновченку, едынчыку, гостынець податы».
То воны тее зачувалы,
До вдовы словамы промовлялы:
«Колыбъ то намъ Господь помигъ до Черкени долыны прыбуваты,
Та Корсуньського полковныка пана Хвылона въ вичи повыдаты,
То будемо й мы по Черкени долыни гуляты,
Чы не дасть Господь и намъ якои добычи достаты».
То бидна вдова,
Старая жена,
Своему Ивасеви Коновченкови, прекрасному лыцареви, коня передавала,
То вона жъ то его не кляла не проклынала,
Та на его вси добри мысли мала
И Господа Мылосердного благала:
«Эй, Господы Мылосердный!
Колыбъ мого Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
Гостра й шабля не рубала,
И быстра пуля его обмынала,
И шобъ его отцева й матчына молытвá не скарала».
То вона вороного коня за шовкови поводы, за срибни удела изъ стани вывожае
И козакомъ запорозцемъ Иваномъ гостынець передавае.
То Иванъ козакъ-гатьманець на Черкену долыну ажъ третего дня прыбувае.
То Ивась Коновченко съ палаты выхожае
Та по Черкени долыни по всій поглядае,
Чы воно на Черкени долыни що добре почынае,—
Може зъ якои стороны турокъ або татарынъ чы не захожае;

То по Черкени долыни поглядае
И поверхъ долыны свого вороного коня,
Свою зброю козацьку молодецьку въ вичи забачае.
Та обратно въ палату вхожае,
До Корсуньського полковныка словамы промовляе:
«Ой Корсуньськый полковныку пане Хвылоне!
Шо то ты соби думаешъ гадаешъ?
Шо я жъ то думавъ, шо мене матуся ридненька,
Вдова старенька
Клене—проклынае,
Ажъ вона мини молодому гостынець передавае».
То Корсуньськый полковныкъ тее зачувае,
Словамы промовляе:
«Якый же ты, Ивасю Коновченку, одъ своеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои,
Гостынець маишъ?»
«Эй то ты то, пане Хвылоне, такый я соби гостынець маю,
Шо которого коня моя душа улюбыла,
Да ще й ухвалыла».
То Корсуньськый полковныкъ исъ палаты и самъ выхожае
Вороного коня въ вичи забачае,
До Ивася Коновченка словамы прымовляе:
«Эй то Йвасю Коновченку годытьця твоеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои
Гостынець тоби получаты,
Шобъ ты мигъ свою матусю ридненьку,
Удову стареньку,
Рано й пизно спомынаты».
То Иванъ козакъ гатьманець доброго коня молодецького
До Корсуньського полковныка прыставляе,
То Иванъ Коновченко до доброго коня пидхожае,
На коня сидае,
Передъ Корсуньськымъ полковныкомъ молодецькою хвабристью повертае,
До Корсуньського полковныка промовляе;
«Эй Корсуньськый полковныку!

Отеперъ, каже,
Благословы мини оковытои горилкы, та зеленого вына напыться».
То винъ до сороковои бочкы якъ прыхылывся, та въ свій кубокъ налывъ,
Серце свое козацьке звеселывъ.
«Якъ бы я, Корсуньськый полковныку, пане Хвылоне,
Побильшъ оковытои горилкы вжывавъ,
То я бъ ще не такъ по Черкени долыни беспешно гулявъ».
То тоди Ивась Коновченко побильше горилкы вжывае,
На доброго коня сидае,
Та тоди по Черкени долыни беспешно вже гуляе.
То тоди Корсуньськый полковныкъ
По Черкени долыни на его спыльна поглядае
Эй шо вже жъ по Черкени долыни турка й татара никого немае [1])
То Ивась Коновченко по Черкени долыни проийджае,
По Черкени долыни поглядае,
Шо тилько на Черкени долыни турецькый,
Бусурменьськый
Та татарськый трупъ валяе
То винъ тоди междо трупомъ проийджае,
Голову свою козацьку молодецьку вороному коневи на грыву склоняе;
То де то взявся сидобородый татарынъ, [2]) та зъ-заду схватывся,
Та зъ видъ ливого боку якъ замирывся,
Та такъ его сердешного спиткавъ,
Шо мало въ пилъ не перетявъ.
То Йвась Коновченко съ коня звалывся
И Корсуньському полковныку не поклонывся.
То Корсуньськый полковныкъ по долыни спыльна поглядае,
Шо тилько Ивася Коновченка добрый кинь самъ по Черкени долыни гуляе,
То Корсуньськый полковныкъ до своихъ козакивъ

---

[1]) Уже, значыть, управывсь!
[2]) Междо трупу.

Гатьманьцивъ-запорозьцивъ словамы промовляе:
«Эй, не дурно Коновченкивъ кинь вороный самъ по Черкени долыни гуляе,
Мабуть мого Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря, на свити жывого немае».
То Корсуньськый полковныкъ до своихъ козакивъ словамы промовляе:
«Эй, вы, козакы, гатьманьци-запорозьци, добре вы соби учыните,
Та поспишненько на Черкену долыну бижи́те,
Та доброго коня вороного изловите,—
Его тило козацьке—молодецьке пре́красного лыцаря пошукайте.
То козакы гатьманьци-запорозьци сее зачувалы,
Тила прекрасного лыцаря Ивася Коновченка ажъ тры дни шукалы,
Та его тило козацьке молодецьке на червону кытайку бралы,
Та до Корсуньсько́го полковныка прыставлялы.
То Корсуньськый полковныкъ его въ вичи забачае,
Гирко плаче рыдае,
До козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ словамы промовляе:
«Отеперъ», каже, «козакы, гатьманьци-запорозьци, глыбоку яму копайте,
Та хорошенько тило козацьке поховайте».
То козакы тее зачувалы,
Глыбоку яму копалы,
Его тило козацьке молодецьке хорошенько поховалы,
Высоку могылу высыпалы,
Надъ нымъ похоронъ одправлялы.
То Корсуньськый полковныкъ гирко плаче рыдае,
До козакивъ запорозьцивъ словамы промовляе:
«Мабуть уже намъ на сій Черкени долыни послидній разъ пробуваты,
Бо вже намъ такого прекрасного лыцаря, Ивася Коновченка, не достаты.
Уже Ивась Коновченко прекрасный лыцарь оженывся;
Узявъ соби гордыню,
Жену туркыню».

То такъ то воны Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
Хорошенько на Черкени долыни поховалы,
А турка татара у викъ вишный заклыналы.
Хотя прекрасного лыцаря Ивася Коновченка
На Черкени долыни голова полягла,
Такъ его слава козацька молодецька не помре не поляже
Междо панамы,
Междо козакамы,
Междо всима православнымы христыянамы.
То тоди Корсуньськый полковныкъ й козакы, гатьманьци-запорозьци,
Исъ Черкени долыны одъиждјалы,
Гирко плакалы й рыдалы,
Та Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря, спомыналы.
То тоди вже козакы, гатьманьци-запорозьци,
У городы хрыстыяньськы у городъ Черкасы прыбувалы.
То Корсуньськый полковныкъ самъ до вдовы старои до двора прыбувае,
То стара жена,
Бидна вдова
Зъ двора выхождае,
Корсуньськый полковныкъ іи стричае
И до вдовы словамы прымовляе:
«Эй здорова, здорова, старая жона,
Бидна вдово!»
То вона то Корсуньськóго полковныка въ вичы забачае,
Та до его словамы прымовляе:
Эй, Корсуньськый полковныку, пане Хвылоне!
Де жъ ты мого сына заподивъ?
Чы ты его вбывъ,
Чы стребывъ,
Чы запродавъ.
Чы туркамъ бусурменамъ та татарамъ въ неволю оддавъ?»
То Корсуньськый полковныкъ тее зачувае,
До вдовы словамы прымовляе:
«Ой бидна удóво,
Старенькая жóно,
Та яжъ твого сына ни вбывъ,

Ни стребывъ,
Ни запродáвъ,
Ни туркамъ бусурменамъ та татарамъ въ неволю не оддавъ.
А хиба тоби, удóво,
Старéнька жóно,
Сонъ такый не снывся,
Шо вже твій сынъ на Черкени долыни оженывся;
Узявъ соби гордыню, гордыню.
Жену туркыню».
То вдова тее зачувае,
Та Корсуньського полковныка у двиръ свій зазывае
И всихъ козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ, на рынокъ завертае,
Славнои смерты свого сына пытае.
То козакы, гатьманьци-запорозьци, тее зачувалы,
До вдовы одни слова промовлялы.
То старая жена,
Бидна удова,
Велыкую радисть мала,
Вына та солодкого меду имъ поставляла
И всимъ козакамъ, гатьманьцямъ-запорозьцямъ,
По тры таляри гостыньця давала,
Молебни отправляла
И Корсуньського полковныка за ридного отця у себе мала,
Та всихъ козакивъ гатьманьцивъ
На своимъ содержаніи цилый тыждень мала,
Гуляла й пырувала
Велыкую радость мала.
То тоди Корсуньськый полковныкъ зъ вдовыного двора зъижджае,
Та до своихъ козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ, словамы промовляе:
«Эй вы козакы, гатьманьци-запорозьци!
Добре мы за Йвася Коновченка вдовыченка, прекрасного лыцаря,
У старои удовы хлиба солы ужывалы,
Та мы ій и правды не сказалы!

Якъ не будемо ій по правди казаты,
То буде насъ Богъ невыдымо караты»[1].
Эй то то воны зъ города Черкасъ выходылы
Та козака идного гатьманьця-запорозьця тамъ прыостановылы.
То той козакъ, гатьманець-запорожець, до вдовы у двиръ захожае,
Гирко плаче рыдае,
До вдовы словамы прымовляе:
«Ой, удово,
Старенькая жоно!
Шо ты то гуляешъ-веселышся,
А твій сынъ не оженывся,
А получывъ винъ на Черкени долыни не быструю кулю,
А гострую шаблю.
Не получывъ винъ гордыни,
Жены туркыни,
А получывъ винъ глыбокую яму й высоку могылу,
Вирненьку дружыну».
То тоди то старая жена,
Бидна удова,
Гирко плаче-рыдае,
Къ сырій земли прыпадае
Та Корсуньського полковныка не клене не проклынае[2],
А тилько словамы промовляе:
«Ой, бодай ты, Корсуньськый полковныку, тай здоровъ на свити пожывъ,
Якъ ты мого Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
На Черкени долыни прыостановывъ».
Выслухай Господы у прозьбахъ,
У нещетныхъ молытвахъ,—
Дай Боже мыру царьському,
Народу хрыстыяньському,
На многая лита,
До коньця вика!

---

[1]) Оханувся, значыть.
[2]) Тоди гриха боялыся здорово!

Мини одынъ гу́саръ росказувавъ, що воны колысь проходылы черезъ Черкену долыну, то бачылы й могылу Коновченкову; вона, кае, й доси стоить высока-превысока! Коновченковою такъ и до сего часу зветьця.

7.

Про сокола.

(Невольныцька).

Вылынулы соколы
Съ чужои стороны,
Силы впалы у лиси,
На превоздобному древи ориси,
Извылы соби гниздо щерла́тное,
Изнеслы яйце жемчужное
И вывелы соби дытя
Бездильне,
Та безридне,
Ясне соколя.
То якъ полетивъ сокилъ старый
На чужу украину жывносты доставаты,
То винъ соби жывносты не доставъ,
Тилько бездильне свое та безридне ясне соколя утерявъ.
То винъ у свою украину прылитае,
Свого бездильного та безридного соколяты на мисти не застае.
То винъ сызокрылого орла стричае
И до его словамы прымовляе:
«Эй, сызокрылый орле,
Чы ты не чувъ, чы не прыбачывъ, де то мое дытя,
Бездильне та безридне ясне соколя подилося.
Эй то сызокрылый орелъ тее зачувае,
До ясного сокола словамы прымовляе:
«Эй то ты то ясный соколе!
Ихалы стрильці́
Булахи́вци
Зъ города

Царыгорода,
Та твое гниздо щерлатное увыдалы
Та орихъ дерево зрубалы.
Та твое дытя,
Бездильне
Та безридне
Ясне соколя
Забралы,
Та въ городъ Цариградъ заношалы
Та Ивану Богословцю на утиху продавалы.
То то Ивась Богословець его забирае,
Золоти путá на ногы надивае
И жемчугомъ очи запускае,
По Царыгороди гуляе
И ясне соколя на рукахъ носыть, серце свое утишае.
То якъ бы-жъ ты, ясный соколе, надъ Царыградъ городъ надлетивъ,
Та жалибненько заквилывъ,—
Хай твое дытя,
Бездильне та безридне соколя,
Не такъ то весело бувае,
Не якои птыци не ввыжае,
Головку склоняе,
То чы не буде Иванъ Богословець велыке мылосердіе маты.
Чы не буде его на высокый валъ выкыдаты».
То ясный сокилъ тее зачувае,
Надъ городъ Царыгородъ надлитае,
Жалибненько проквыляе.
То ясне соколя тее зачувае,
Свою головку нызенько склоняе,
И очи пидъ либъ пускае.
То Иванъ Богословець на его поглядае,
Важко здыхае,
До своихъ слугъ словамы прымовляе:
«Ой вы, вирни мои слугы!
Возьмить оце дитя,
Бездильне та безридне соколя,

Та золоти пута зъ нигъ скыдайте,
Жемчугъ зъ очей здіймайте,
Та на высокый валъ выношайте,
Та на тыхый витеръ его пускайте.
Буде на его тыхый витеръ повиваты,—
Чы не буде воно на свое здоровья змагаты».
Ой у сьватую недиленьку барзо рано пораненьку
Бездильне та безридне ясне соколя забиралы,
Золоти пута зъ нигъ скыдалы,
Жемчугъ зъ очей знималы,
Та на высокый валъ выношалы,
На тыхый витеръ пускалы.
То ясный сокилъ на сыру землю крыльця свои спускае
И свое дытя,
Бездильне та безридне ясне соколя,
Поспишно на крыла хватае,
Пидъ высоку высоту залитае,
Та городъ Царыгородъ заклынае:
«Оже хочъ ты, Царыгородъ городъ, на сребро-золото багатый,
Шо е въ тоби шо исты и пыты
И хороше ходыты,
Та немае чоловикови одрадосты».
Услышы, Господы, у прозьбахъ
У нещетныхъ молытвахъ
Дай, Боже, мыру царьському,
Народу хрыстыянському
На многая лита,
До коньця вика!

8.

Витчымъ.

Ой у сьватую божественную недиленьку,
Барзе рано пораненько,
То не гласныи дзвоны дзвоныли,
Якъ у первому двори неридный отець и маты исъ своимъ сыномъ говорылы:

«Ой идыжъ ты, сыну, мижъ чужіи люде,
То тамъ тоби чы не лучче буде;
То нехай тебе хторый отець не лае, не проклынае
И щастя й доли козацькои твоеи не теряе».
То въ сьватую недиленьку старша сестра коня выводыла,
Середульша зброю выносыла,
А найменьша сестра выходыла,
Хустыну своему братови выносыла,
Гирко плакала и рыдала,
Слезамы пролывала,
До свого братика найменьшого словамы промовляла:
«Братику мій ридненькый,
Якъ голубонько сывенькый!
Видкиль же тебе въ гости выглядаты:
Чы зъ буйного витру,
Чы зъ шырокого степу,
Чы зъ славного війська Запорожья?»
То братъ тее зачувае,
До сестры своеи найменьшои словамы прымовляе:
«Сестро моя ридненька,
Голубонько сывенька!
Не выглядай мене ни зъ буйного витру,
Ни зъ шырокого степу,
Ни зъ далекого поля,
Ни зъ славного війська Запорожья,
А возьмы ты, сестро моя ридненька,
Голубонько сывенька,
Жовтого писку въ жменю,
Та посій на билому каменю,
То якъ буде жовтый писокъ на билому камени схожаты,
Хрещатымъ барвинкомъ зеленымъ билый каминь устылаты,
То тоди будешъ мене, сестро, въ гости выглядаты».
То найменьша сестра тее зачувае,
До свого братика словамы прымовляе:
«Братику мій ридненькый,
Якъ голубоньку сывенькый!
Я сего одъ старыхъ людей не чувала,
Шобъ жовтый писокъ на билому камени исхожавъ,

Билый каминь устылавъ.
То мабуть не буде жовтый писокъ на билому камени схожаты,
Хрещатымъ барвинкомъ билый каминь устылаты,
То мабуть мини, братику, тебе въ вичи не выдаты».
Отныни и до вика,
И до коньця вика!

9.

Про сестру та про брата.

Ой у сьвятую недиленьку барзе рано пораненько,
То не сыва зозуля закувала,
Не дрибная птыця у бору защебетала,
Якъ сестра до брата лысты пысала
Та въ чужи далеки города засылала,
Та свого брата ридненького у госьти прохала,
Та его и благала:
«Братику мій ридненькый,
Якъ голубоньку сывенькый!
То прошу я тебе, прыбудь ты до мене,
Созвидай мене на чужій чужыни,
Пры бидьній годыни,
Пры несчаслывій моій злій хуртовыни.
Шо я то, братику, на чужій чужыни прожываю,
Велыке горювання всегда соби прынимаю,
Шо я то, братику, на чужій чужыни завдовила,
Своимы диточкамы маленькымы осыротила».
То братъ тее зачувае,
До сестры словамы промовляе:
«Радъ бы я, сестро, къ тоби прыбуты,
Тебе созвидаты,
Такъ не могу за быстрымы водамы
За шырокымы степамы
И за дальнимы далекымы сторонамы,
И за темнымы высокымы лугамы».
То сестра тее зачувае,
До братика словамы промовляе:

Братику мій ридненькый
Якъ голубонько сывенькый!
Черезъ быстріи воды билымъ лебедонькомъ переплывы,
А черезъ шыроки степы малымъ невелыкымъ перепилонькомъ перебижы,
Черезъ дальни далекіи стороны, черезь темни высокы лугы яснымъ соколомъ перелеты,
А на мое подвирья сызокрылымъ голубкомъ упады
И жалибненько загуды,—
Серцю печаль тугу́ мою роздилы
Шо вже жъ то, братику, идеть Хрыстове Просьвитле Воскресеніе:
Людямъ радость,—
Мини смутость.
Шо люде то на празныкъ до Божого дому йдуть
Якъ бджолы гудуть,
А зъ Божого дому выхожають,
Якъ макъ процьвитають;
Пола исъ полою исхожае
И братъ исъ сестрою съ празныкомъ поздоровляе,
А на мене бездильну нихто й не погляне,—
Будьто насъ, братику, нихто й родомъ незнае.
Шо якъ мы въ свого отця й маткы прожывалы,—
Якъ у нашого отця й маткы пылы й гулялы,—
Ни свитъ, ни зоря на добрыдень давалы,
Съ празныкомъ поздоровлялы,
На хлибъ и на силь зазывалы,
А якъ прышыбла, братику, мене, нещасна хуртовына,
То тоди одреклыся кумы й побратымы
И всякая називаная сердешная родына!
Трудно то, братику, рыби безъ воды пробуваты
И звирю-птыци безъ лиса въ чыстимъ поли гуляты,
А ище труднише, тяжче й важче бездильному, та безридному чоловикови
На чужій украини безъ родыны кревнои й сердешнои прожываты!»

Выслухай, Господы, у прозьбахъ
У нещетныхъ молытвахъ.

Дай Боже мыру царьському
Народу хрыстыяньському
На многая лита,
До коньця вика.

10.

Про вдову.

У сьватую недиленьку барзо рано пораненько,
То не сосна у бору зашумила,
Якъ бидна вдова,
Стара жена
Зъ своимы диткамы въ домивци своій гомонила:
«Ой сыны жъ мои, диты маліи, якъ мини зъ вамы викъ горюваты,
То якъ то мини старенькій хлиба й солы чужого заробляты,
Та васъ годуваты?!»
То бидна вдова, стара жена чужого хлиба солы заробляла
Та своихъ сынивъ изъ малу до зросту годувала,
По наймахъ не пускала,
Чужымъ людямъ у рукы на стыраніе не давала,
То жъ то вона зъ ными пры старосты литъ вику прожыты мала.
То якъ сталы удовыны сыны до свого розуму дохождаты,
Сталы соби молоде подружжа заниматы,
Сталы свою матку ридненьку, удову стареньку зневажаты,
Сталы іи пры старосты литъ у плечи торкаты
И сталы зъ неи насмихатысь, изъ двора зганяты:
— «Ой иды ты, маты,
На чужый двиръ прожываты;
Нехай наши жинкы молодіи не будуть съ тебе насьмихатысь
И диткы наши маленьки при старосты литъ тебе въ плечи торкаты».
То стара жена бидна удова тее зачувае,
До своихъ сынивъ словамы прымовляе:
Ой, сыны жъ мои, диты молодіи!

Стилько я зъ вамы рикъ горювала,
Пучкамы та ручкамы хлибъ заробляла та васъ годувала.
То я то зъ вамы прожыты викъ свій мала,
А теперъ я чого одъ васъ дождала?
Де мени теперъ смерты дождаты,
Де мого вику теперъ докончаты?!.
То й у сьватую недиленьку барзе рано пораненько,
Бидна вдова стара жена зъ двора выходыла,
Та за дрибнымы слёзамы сьвита Божого не выдала.
Обыльетьця вона гирько слёза́мы,
Ударытьця объ полы билымы рученькамы,
Плаче рыдае, дрибнымы слёзамы пролывае,
А блызькый сусида тее зачувае,
Та зъ свого двора выхожае,
До вдовы словамы прымовляе:
«Ой удово старенькая, не плачъ не журыся!
Иды ты у мій двиръ прожываты,
Будешъ мени хатку промитаты,
Будешъ ты моихъ маленькыхъ диточокъ доглядаты,
То буду я тебе, удову стареньку, почытаты, шануваты й поважаты!»
То стара жена бидна вдова на чужому подвирьи дванадьцять литъ прожывае,
То всякый то день дрибнымы слезамы пролывае,
А сынамъ усимъ тремъ удовыченькамъ на своему подвирьи прожытку немае.
Ставъ ихъ Господь невыдымо караты
Эй скотыною и дытыною побиждаты.
Ставъ старшый братъ сее замичаты,
Шо ставъ Господь и дуже ихъ обиждаты.
Сталы зъ вдовыченькивъ и люде насьмихатысь.
То тоди старшый братъ тее зачувае,
Та до своихъ братывъ словамы промовляе:
«Эй, братикы мои ридненьки,
Голубонькы сывеньки!
Не добре мы соби учынылы,
Шо свою матку ридненьку прогнивылы!
То добре мы соби, братикы, изробымо,

Та до своеи матуси ридненькои.
Удовы старенькои
На чужый двиръ ходимо,
Та ызенько до нигъ упадимо,
Та свою матку ридненьку,
Удову стареньку
У свій двиръ прызовимо».
То въ сьватую недиленьку барзе рано пораненько,
Не сызи орлы заклекоталы,
Якъ уси тры вдовыченькы на чужый двиръ прыбувалы
Та до своеи матуси ридненькои,
Удовы старенькои,
Шлычкы въ рукы поздіймалы
Та ызенько до нигъ упалы,
Та свою матусю ридненьку
Удову стареньку,
У свій домъ прохалы іи и благалы:
«Ой иды жъ ты, маты,
Въ отцевськый двиръ прожываты
Та будемо мы свои жинкы молодіи научаты.
И будешъ ты хлиба солы въ своему кута́стви [1]) ужываты,
То будемо мы тебе шануваты й поважаты
И будемъ твоеи староеты по викъ свій доглядаты».
То стара жена бидна вдова тее зачувае,
До своихъ сынивъ словамы прымовляе:
«Ой, сыны жъ мои, диты молодіи!
Шо теперешнего часу,
Который чоловикъ отцевську-матчыну молытву забувае,
То его Господь мылосердный невыдымо карае,
А который чоловикъ отцевську матчыну молытву спомынае,
То ему Господь мылосердный и въ поли и въ доми спомогае».
Выслухай, Господы, у прозьбахъ, у молытвахъ,
Дай Боже люду царському,
Мыру Хрыстыяньському
На многая лита
До коньця вика!

[1]) Кутку.

11.

Про Мыхія.

Ой да на славній Украини,
У славному лиси Лебедыни,
То тамъ то жывъ прожывавъ дидокъ старенькый,
Мыхійко маленькый.
Та въ цего дидка старенького,
Мыхійка маленького
Штаны солóмьяни, постолы бобрóви,
Щыро-лычани вьязови,
А волóкы зъ жоночого вáлу въ односталь несукани.
То винъ то въ тому лиси Лебедыни гуляе,
Та на чыстый степъ поглядае:
То ёму то бачытьця, що въ чыстому степу молодыци
Збирають полуныци.
То винъ то, мерщій, зъ лиса Лебедына выбигае,
Та до тыхъ молодыць успишае,
Та до того миста поспишненько прыбувае [1]),
Та на те мисто пыльненько поглядáе:
Ажъ то не молодыци збирають полуныци,
А воно очеретяни куныци
Надъ ричкою мають,
Головкамы одъ витру кывають.
То винъ то, чымъ дужче, назадъ до лиса Лебедына поспишáе,
Та те болото клене проклынае:
Та бодай же тебе, болото, провальямъ завалыло,
Якъ ты мене зъ лиса Лебедына такъ далеко заманыло!»
То винъ то впьять у лисъ Лебедынъ прыхожае;
По лису Лебедыну похожае,
Та давни свои роскоши спомынае:
«Що якъ то я у дида Сóленка прожывáвъ,
То яки то я одъ дида Соленка речи прочувавъ!»
Що якъ то було людямъ добре въ свити жыты,
Що було съ кимъ у хати говорыты;

[1]) Значыть,—не гаиться.

Якъ празныка дожыдае,
То велыку соби радисть мае»...
У свій куринь ухожае, (Мыхійко)
Та добри мысли соби мае:
Шо якъ то въ свити прожываты,
Яке соби занятія маты?
«То я то на Чорному мори, та на суходоли,
Пидъ прыпечкомъ доли,
На прыпечку духы́ душу
На комени рыбу трушу,
По пидъ лавлю
Човномъ плавлю,
А коло порога прыстань занимаю».
Де то взялася на Чорному мори та на суходоли быстрая хвыля,
Та куцому собаци
Пры самій с....
Хвистъ одкрутыла,
Та дидови старенькому,
Мыхійкови маленькому
У рукы втеребыла;
То винъ то козацькый звычай добре знае,
Та коло себе хочь мухы обганяе,
. . . .
На многая лита,
До коньця вика!

Усіеи, щобъ якъ слидъ,—не помню.

Бувъ я у Таганрози, та зійшовсь якось у шынку зъ запорозцемъ! старый, старый... Литъ ему девьяносто буде. Я тамъ спивавъ ему оцихъ писень: Коновченка, трехъ бративъ спивавъ, дакъ винъ зрадивъ. «Наша», говорыть: «слава козацька не гыне! Я, ось, кае, тутъ литъ до семыдесяты жыву, та цихъ писень не чувъ тутонькы, а на нашій, каже, Украини, а винъ самъ выходець съ полтавськои губерніи, «бачъ», каже, «ище водятьця си письни».

12.

Про Правду та Неправду.

Нема въ сьвити правды, правды не зійськаты,
Шо звыкла неправда тепера правдою статы.

Шо тепера правду ногамы топтають,
А тую неправду медомъ выномъ напувають.
Шо тепера правда стоить у порога,
А тая неправда сыдыть конець стола.
Шо тепера й правда слезамы рыдае,
А тая неправда съ панамы гуляе.
Шо тепера й правда у темній темныци,
А тая неправда съ панамы въ свитлыци.
То чы ты, правдо, вмерла, чы ты заключена,
Чы ты, маты ридна, одъ насъ одречена?
Уже давно правда уже давно вмерла,
А тая неправда увесь сьвитъ пожерла.
Та тилькожъ у сьвити правды,—шо ридный отець та маты.
Дебъ мы моглы въ сьвити свого отця и матиръ одыськаты?
Ой, орлыце маты, де тебе й узяты?!
Шо тебе жъ не купыты а ни заслужыты!
Шо колысь булы диткы, та сталы сыриткы,
Та немають помочи соби отневиткы.
Горе малымъ диткамъ безъ отця безъ маткы, и горе пробуты,
Шо завсегда плачуть и рыдають не можуть забуты.
Колыбъ то намъ Богъ давъ орловіи крыла,
То лынулыбъ мы на ту украину, де насъ отець и маты спородыла.
То ище колыбъ намъ Богъ давъ соловьини очи,
Изнялысь мы бъ полетилы до отця до ненькы, хошъ посередъ ночи.
Бо вже кинець вику икъ намъ прыблыжывся,
Хошъ ридного брата теперъ стережыся;
Бо винъ хоча ридный братъ, то правды не міе,—
Винъ тилько устамы якъ перамы віе;
Хоть изъ нымъ у судъ статы, правды не зійськаты,
Тилько сре́бромъ и златомъ панивъ насыщаты.
Который чоловикъ буде сю неправду хвалыты,
То буде его душа одъ Бога пекломъ кзрана, а тило гориты;
А который чоловикъ може сю сьватую правду испольняты,

То сошлеть ему Господь съ небесъ благодаты.
Самъ Господь правда и сокрушыть гордыню
И вознесеть сьватыню.
Однынй и до вика
И до конця вика!

13.

Царю Хрысте.

Царю Хрысте, Пане Мылый,
Есь Ты дольготерплывый.
У четвергъ къ вечеру былыше,
Совитъ жыды сотворылыше.
То сталы жыды гадаты,
«Якъ бы намъ Хрыста спійматы?!
Що винъ намъ законъ уставляе
И царемъ себе называе,
А въ насъ царивъ не есть много,
Токмо кесира идного».
А Іюда икъ имъ тече,
А прытекшы до ихъ рече:
«Шо вы мини даcте? Продамъ Его,
Бо я есть ученыкъ Его».
«Трыдесять сребряныкивъ тоби дамо,
А тилько продай намъ Его».
А Іюда розгордывшы,
Свое серце роспалывшы,
За сребряныки продавъ Хрыста,
А самъ лышывся свого царства.
Узявъ сребныкы, течеть изнову,—
Якъ бы винъ не бувъ пры тому.
То прызнавсь Хрыстосъ Своій муци,
Шо вже въ жыдивъ на поруци.
Узявъ Хрыстосъ хлибъ преломывъ
И всимъ ученыкамъ подавъ,
А вмочывъ у соль и Іюди давъ:

«Отой Мене одъ васъ жыдамъ продавъ».
Речеть Іисусъ Хрыстосъ ученыку
Іоану наперсныку:
«Маліи дни испысуйте,
Страсти Моей дочытуйте.
Прыскорбна душа по смерты,
Когда прышедъ часъ умерты;
Прыспивъ конець и прышедъ тому часъ,
Устаните,—иду отъ васъ».
А мы Его восхваляймо,
Честь и славу Ему даймо,
Алилуя воспиваймо.
Алилуя, Алилуя! Слава, Хрысте,
Твоихъ страстей!

Псальмы: «Мукы Хрыста, Про Почаевську Божу Матирь, Про Лазаря жытыа, Іисусе Прелюбезный» вырваны изъ тетради, въ которую они сперва были начисто переписаны.

Весели писни: Чечитка, Мищанка, Хома та Ярема, Гарбузъ, Вербунка вырваны изъ тетради, въ которую они сперва были переписаны начисто.

Разсказъ «про Кобзаря й про Лирныка», и списокъ именъ умершихъ кобзарей въ разныхъ уѣздахъ, извѣстныхъ Кравченку, и списокъ именъ нѣкоторыхъ живыхъ кобзарей—вырваны изъ тетради, въ которую сперва они были переписаны начисто.

Козацьки писни: 1. Про трехъ братывъ Озовськыхъ, 2. Про Олексія Поповыча, 3. Про Хведора Безридного, 4. Про Кишку Самійла, 5. Про трехъ братывъ Самарськыхъ, 6. Про Коновченка—вдовыченка, 7. Про Сокола, 8. Витчымъ, 9. Про Вдову, 10. Про Сестру та Брата, 11. Про Мыхія.

Псальмы: 1. Про Правду, 2. Велыкой мой жалю, 3. Мукы Хрыста, 4. Царю Хрысте, Пане мылый, 5. Ой, горе горе на симъ свити жыты, 6. Та ввошлы жъ моя лита, 7. Іисусе Прелюбезный, 8. Уходъ Божои Матери во храмъ, 9. Про Пачаивську Божу Матирь, 10. Про Пустельныка, 11. Про Мыхаила, 12. Про Мыколая, 13. Про Лазаря жытыя. Списокъ псалмовъ составленный не полный. Кравченко зналъ очень много псалмовъ.

Весели писни: 1. Чычиточка, 2. Мищанка, 3. Дворянка, 4. Хома та Ярема, 5. Гарбузъ, 6. Вербунка, 7. Бугай.

Я бувъ крипостный Крюковського пана. Ото-жъ я по пану Крюковськымъ и прозываюсь. Съ трехъ литъ мене взято до двора и бувъ я пры панычу, До десяты годъ я бувъ выдющій... Пидрисъ мій панычъ,—оддалы его у Гадячъ увъ учылыще и мене зъ нымъ оддалы; одвезлы мене зъ нымъ у Гадячъ. Обижа мене панычъ...

Прыйде оце зъ учылыща на кватырю, якъ зачне гратьця зо мною,—штыля мене то видсиль, до видтиль; скубе, щыпа... Поставе, було, мене ракомъ. «Стань на чотырехъ лапкахъ. А ну, чы повезешъ мене, Иванько». Якъ попогрався отакъ винъ зо мною пивтора года, та якъ заболилы у мене очи, якъ заболилы... Шо якъ ляжу ныць, та якъ полежу, такъ надо мною такъ якъ ричка слёзы набижыть... «А, Ванька, се ты, сукынъ сынъ, усьц....? Ванька всьц....! Та якъ почне мене скубты, та быты, то въ мене слёзы такъ и бижуть, такъ и бижуть... Колы вже й исты за слезамы не можна. Тоди винъ якъ побачывъ, що вже, значыть, не въ перелывкы,—посыла изъ Гадяча письмо до дому въ Лохвыцю. а ему шобъ другого мальчыка далы. Прывезлы мене до дому. Сталы батько прызывать знахуривъ, жыдивъ и жыдивокъ. Жыдивка була така, шо каже:—«вылечу хлопця твого». Та тры мисяци чы що коло мене сыдила, та ничого й не зробыла. Люде кажуть, шо въ Полтави е дохторъ що може спользувать. Повезлы, царство Боже, батько мене въ Полтаву, такъ той дохторъ подывывся на мене, тай каже имъ: «шо-жъ,—попользую якъ небудь. Покынь его тутъ, а въ мисяць навидайся до мене» Такъ у мисяць батько прыйихалы. «Не пускайте его на двиръ съ пивъ мисяця,—одыйдуть очи». Прывезлы мене, та не то пивмисяца, а й мисяць не пускалы—не помагаетьця. Возылы у Катарнославъ; тамъ пробувъ пивтора году у болныци—не помоглось. Повезлы ше въ Кыивъ до Короваева. Такъ винъ подывывсь, та й каже: «не выпользую. Вишный калика винъ буде. Повыйидавъ сахаръ зрачкы». Ослипъ я. Пересталы очи бачыть. А якъ прыиде панычъ до дому, то чого було не робе изо мною изъ слипымъ! Батько та маты було, почують, що панычъ прыихавъ, буде хлопця мучыты. Разъ якъ узявъ мене ганять по двору у литку, та въ жныва, такъ турлявъ мене турлявъ, а тамъ руськи на двори колодязь открылы, такъ винъ турлявъ мене турлявъ,

та на колодязь направывъ, такъ я туды й шелеснувъ. Такъ руськи тоди: «што вы, панычъ, дѣлаете? Отъ мальчыкъ убывся». Вытяглы мене видтыля насылу жывого. Довго пролежавъ я писля того... Такъ ото вже я якъ ослипъ, такъ батько та маты порадылысь, та отдалы мене въ Гапóнивку до слипого, до Ивана, такы Кравченка; и винъ Иванъ Кравченко и я Иванъ Кравченко. Винъ ше й Касьяномъ прозываетьця. Узявъ винъ мене на тры годы, за пивтора году вывчывъ грать. (Отрывóкъ).

Кобзарь Иванъ Грыгоровичъ Кравченко.

Зап. **Порфирій Мартиновичъ.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Учрежденіе въ Кіевѣ экстрапочты чрезъ Житомиръ на С.-Петербургъ и Одессу.* Кіевскій военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Желтухинъ 2-ой, 23 февраля 1828 года писалъ главноуправляющему надъ почтовымъ департаментомъ: «...существующая нынѣ между Кіевомъ и С.-Петербургомъ почта доставляетъ корреспонденцію не ближе какъ въ *десятые* сутки. Нынѣшнія обстоятельства, требующія очень часто скорѣйшаго сношенія, вынуждаютъ къ посылкѣ курьеровъ, сопряженной съ ущербомъ для казны, что бы легко могло быть отвращено учрежденіемъ корреспонденціи изъ С.-Петербурга съ городомъ Кіевомъ чрезъ одесскую экстрапочту; съ учрежденіемъ таковой отъ города Житомира до Кіева, что составляетъ не болѣе 140 верстъ и не можетъ сдѣлать отягощенія, если способомъ сношенія поденною (?) службою ускорили и казна избавилась отъ большихъ издержекъ. Убѣждаясь симъ единственно, прибѣгаю съ покорнѣйшей просьбою къ вашему сіятельству о содѣйствіи вашемъ въ семъ случаѣ».

Изъ департамента отвѣчали: «поелику *обыкновенная* почта изъ Кіева въ Житомиръ и обратно отправляется два раза въ недѣлю, направленіе симъ путемъ нужной, наипаче по службѣ, корреспонденціи могло бы довольно ускорить сообщеніе между Кіевомъ и столицею, такъ какъ экстрапочты с.-петербургская и одесская, проходя чрезъ Житомиръ три раза въ недѣлю, могутъ легко забирать кіевскую (отъ Житомира до Петербурга четыре дня пути).

Впрочемъ, помѣхой оказалась Радомысльская станція, которая постоянно задерживала кіевскую почту, благодаря ей приходившую въ Житомиръ слишкомъ поздно.

Генералъ Желтухинъ продолжалъ настаивать.

Вопросъ 17 марта того же года разсмотрѣнъ въ комитетѣ министровъ и, съ соизволенія его императорскаго величества, экстрапочта между Кіевомъ и Житомиромъ учреждена. Отправленія установлено принимать въ Кіевѣ по вторникамъ и субботамъ, съ 2 до 6 часовъ, такъ какъ уходъ назначенъ не позже 8 ч.

Изъ Кіева первая экстрапочта вышла 12 мая.

Малороссійскій почтъ-директоръ отдалъ распоряженіе, чтобы кіевскій губернскій почтмейстеръ принималъ безостановочно корреспонденцію господина военнаго губернатора и другихъ важнѣйшихъ лицъ, адресованную въ Одессу, Измаилъ и пр. пункты, но генералъ Желтухинъ вскорѣ добился того, что вся его и ему адресованная переписка шла исключительно экстрапочтою.

Въ этомъ году Кіевъ, лежавшій на большомъ трактѣ Москва—Дубоссары—Кишиневъ, прочно связался съ магистралью С.-Петербургъ—Одесса, скрещивавшеюся съ названнымъ трактомъ въ г. Махновкѣ. Благодаря сему, въ предѣлахъ губерніи пришлось позаботиться о прибавленіи по 10 почтовыхъ и по 3 курьерскихъ лошадей на станцію.

---

2) *Слабость кіевскаго дворянства къ сохраненію званій и чиновъ при отставкѣ и наслѣдственно.* 25 февраля 1828 г. кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Желтухинъ [1]) писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ:

Желая удержать порядокъ въ чиноначаліи, дабы чрезъ то дать надлежащую цѣну заслугамъ, я долженъ былъ обратить вниманіе на нѣкоторыя отступленія отъ правилъ по выборамъ дворянства кіевской губерніи. Многіе тамошніе помѣщики, избѣгая дѣйствительной службы, но желая имѣть между дворянами какой-нибудь почетный титулъ, весьма часто, по связямъ, пріобрѣтаютъ званія представителей главнаго суда и повѣтовыхъ маршаловъ, не исправляя до того никакой должности по выборамъ дворянства.

---

[1]) Въ бытность въ столицѣ.

Сверхъ сего, по обыкновенію, существующему какъ въ кіевской, такъ и во всѣхъ прочихъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, повѣтовые маршалы считаютъ себя въ V классѣ, пользуются титуломъ высокородія, носятъ шляпы съ плюмажемъ и вообще присваиваютъ преимущества, соединенныя съ чиномъ пятаго класса.

То же самое обыкновеніе ввело нѣкоторымъ образомъ въ правило, что преимущества сіи сохраняются, какъ предсѣдателями, такъ и маршалами, и по увольненіи ихъ отъ службы. Такимъ образомъ и въ отставкѣ они продолжаютъ именоваться тѣми же званіями, носятъ шляпы съ плюмажемъ и даже дѣтямъ своимъ сообщаютъ титулы презусовичей и маршалковичей. Нѣтъ сомнѣнія, что обыкновеніе сохранять званіе по отставкѣ и, въ особенности, наслѣдственное право на чины, должны были получить начало во время безпорядковъ послѣдняго аристократическаго правленія Польши».

Намѣреваясь «поставить службу въ должное уваженіе», генералъ Желтухинъ предлагаетъ установить за правило, чтобы въ званія маршаловъ повѣтовыхъ и предсѣдателей были избираемы дворяне, имѣющіе уже чины, службою пріобрѣтенные, или лица, служившія по выборамъ. По увольненіи отъ службы лицъ, не удостоенныхъ чина V класса,—запрещать таковымъ пользоваться правами съ тѣмъ чиномъ соединенными.

Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что при выборахъ, дворяне не могутъ быть стѣсняемы чинами избираемыхъ, доколѣ причина къ тому существовать будетъ, ибо въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ и присоединенныхъ, чиновныхъ дворянъ слишкомъ мало.

Противу пользующихся же титулами по увольненіи отъ службы— предлагается, основываясь на законѣ, принять приличныя мѣры и прибѣгать ко внушеніямъ.

---

3) *Крестьянинъ «массонъ»*. Въ мартѣ 1848 г. благочинный мѣстечка Лысянки, звенигородскаго уѣзда, кіев. губ., объявилъ становому, что, погребая у помѣщичьяго крестьянина С. ребенка, слышалъ въ народѣ толки о томъ, будто бы С. не вѣруетъ въ Бога, не дозволилъ читать надъ мертвымъ «дѣтемъ своимъ» псалтирь и, впустивъ собакъ въ комнату, гдѣ находилось тѣло, сѣлъ за столъ, на которомъ лежалъ покойникъ, курилъ трубку, произносилъ богохульство и себя называлъ *массономъ*.

При предварительномъ удостовѣреніи, учиненномъ приставомъ, объявленіе благочиннаго подтвердилось.

Тщательное затѣмъ изслѣдованіе обнаружило, что С., будучи пьянымъ, дѣйствительно закурилъ трубку въ присутствіи мертвеца и, обозванный за это своимъ тестемъ массономъ, самъ куреніе оставилъ, но дальнѣйшее чтеніе псалтиря воспретилъ, сознавая, что собравшіеся слишкомъ нетрезвы для его слушанія.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Договоръ прихожанъ съ избраннымъ ими священникомъ. Въ старину, когда выборное начало въ Малороссіи было сильно, прихожане, избирая себѣ священниковъ, заключали съ ними „контракты" [1]), въ которыхъ точно и опредѣленно обозначалось, за какія требы и сколько долженъ былъ получать съ прихожанъ священникъ. Избираемый во священники давалъ отъ себя на томъ-же контрактѣ запись, что онъ точно будетъ исполнять требованія контракта.—

«1804 году, генваря 28 дня, мы нижеподписавшіеся Глуховского повѣта, мѣстечка Воронежа [2]), церкви святія живоначальныя Тройци [3]) прихожане дали сей контрактъ Глуховской ружной Анастасіевской церкви діакону Григорію Кулжинскому сакидону (?) въ томъ, что, избирая мы его на мѣсто умершаго нашего приходского священника Тимофѣя Яновскаго цѣлопарохіальнымъ священникомъ, имѣемъ, за рукоположеніемъ его. для житія его жъ опредѣлить церковной дворъ, въ которомъ строенія: хата съ комнатою, сѣньми и коморою, и при ономъ дворѣ огородъ, съ котораго противъ школьнаго строення вълоперекъ для дьячка саженей на 10, да для больницы назначается, такъ какъ сіе теперь строеніе есть на три противъ того саженей.

А на содержаніе его производить ежегодно отъ дворянъ, козаковъ и владѣльческихъ крестьянъ грунтовихъ отъ всякаго хозяина отъ сохи по одной мѣрки ржи, а отъ подсосѣдковъ по 10 к. деньгами.

---

[1]) См. подобные „контракты" въ Кіевской Старинѣ за 1898 г. кн. 1-я, въ Черниговскихъ губерн. вѣдомостяхъ за 1895 г. № 1470.

[2]) Черниговской губерніи.

[3]) Теперь этой церкви въ м. Воронежѣ нѣтъ. Она была одноглавая, деревянная, выстроенная въ 80-хъ годахъ XVIII ст. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была продана жителямъ с. Любитова, кролевецкаго уѣзда, задумавшимъ строить себѣ церковь.

Сверхъ того, за требы установленные, а именно: за сорокоустъ шестинеделній 4 р., за великую панахиду по 10 коп., за малую 5 к., за освященіе дому и воды 40 к., кладязя 20 к., за молебень съ акафистомъ 20 к., безъ акафиста 10 к., за прочтеніе Евангелія за столпъ 50 к., за зачало 10 к., за освященіе пасокъ по 1 к., за маслосвятіе по 30 к., за молитву родилници 5 к., за крещеніе младенцовъ по 10 к., за погребеніе взрослихъ 20 к., а младенцовъ по 10 к., за вѣнчанье въ своемъ приходѣ съ убогшихъ людей по 50 к., а въ другой приходъ получать съ уваженія примѣрно, какъ взимается по другимъ здѣшнимъ приходамъ. Обовязиваясь при томъ исполнять по сему безъ и малѣйшаго отъ насъ во всемъ удержанія медлѣнности, и что онъ, Кулжинскій, пребудетъ тѣмъ доволенъ, въ томъ мы на семъ и подписались, а для выполненія въ томъ-же данна намъ съ его подписомъ копія.

На подлѣнномъ тако: Слѣдуетъ длинный рядъ подписей прихожанъ, именитыхъ и не именитыхъ, Троицкой церкви м. Воронежа, среди которыхъ есть подпись: «примеръ-маіора и кавалѣра Тимофѣя Хилчевскаго». Тимофей Хильчевскій былъ послѣднимъ сотникомъ Воронежской сотни, и по уничтоженіи сотничества, надо полагать, переименованъ былъ въ премьеръ-майоры [1]).

1804 года февраля 17 контрактъ этотъ представляемъ былъ въ въ повѣтовый земскій судъ, который и утверждаетъ его, взявши пошлины: печатнихъ $50^1/_2$ коп. и восковихъ 2 коп.

Затѣмъ въ концѣ контракта есть запись самого Кулжинскаго, въ которой онъ даетъ обязательство, что будетъ строго выполнять требованія контракта.

А. Шр—ко.

Православный священникъ, бѣжавшій къ старообрядцамъ. Въ 1808 году черниговскій губернаторъ баронъ Френсдорфъ донесъ малороссійскому генералъ-губернатору о появленіи въ Добрянскомъ посадѣ черниговской губерніи, бѣглаго священника Ивана Михайлова Розинтовскаго, о которомъ онъ счелъ нужнымъ произвести дознаніе. Дознаніе выяснило, что священникъ бѣжалъ изъ Владимірской епархіи для пріисканія себѣ, какъ писалъ губернаторъ, „въ старообряд-

---

[1]) См. о немъ „Описаніе старой Малороссіи“ Лазаревскаго. Т. II. стр. 162, 174, 324.

ческихъ жителей мѣста". Губернаторъ послалъ запросъ епископу владимірскому Ксенофонту, желая узнать, „не учинилъ ли оный Ив. Михайловъ особо какихъ законопротивныхъ поступковъ", а въ ожиданіи отвѣта отдалъ его двумъ жителямъ посада на поруки, предписавъ черниговскому губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему произвести тщательное слѣдствіе. Епископъ Ксенофонтъ отвѣтилъ, что за священникомъ Розвитовскимъ „не значится другихъ противозаконныхъ дѣйствій, кромѣ упражненій его въ пьянствѣ, безчиніи и въ недобропорядочномъ препровожденіи жизни съ женою своею". Слѣдствіе губернскаго стряпчаго выяснило, что этотъ священникъ, 46 лѣтъ отъ роду, съ 15 лѣтняго возраста служилъ во владимірской епархіи; началъ службу дьячкомъ, былъ въ архіерейскомъ хорѣ, затѣмъ былъ дьякономъ и наконецъ священникомъ. Пробывъ на приходѣ нѣсколько лѣтъ онъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста за пьянство и опредѣленъ въ другомъ приходѣ на мѣсто дьячка. Вскорѣ его простили и опредѣлили священникомъ къ каѳедральному собору во Владимірѣ, но Розвитовскій и здѣсь продолжалъ вести нетрезвую жизнь. Встрѣча на улицѣ въ пьяномъ видѣ съ членомъ Консисторіи („излишне упився горячаго вина"—как доносилъ послѣдній консисторіи), была причиной, что его опять перевели въ село, гдѣ вскорѣ было запрещено ему священнослуженіе въ теченіи пяти мѣсяцевъ и предложено искать другого мѣста. Прощенный Розвитовскій безъ дозволенія начальства покинулъ приходъ и явился въ Москву, гдѣ встрѣтился съ нѣсколькими иноками изъ Молдавіи, которые пригласили его съ собой въ Молдавію, куда онъ и отправился, но, вмѣсто Молдавіи, попалъ въ Добрянскій посадъ, населенный старообрядцами. Поселившись здѣсь, онъ, по просьбѣ мѣстныхъ жителей, отслужилъ наканунѣ Крещенія вечерню, на другой день литургію и водосвятіе. Служба его очень понравилась старообрядцамъ, и его начали упрашивать остаться у нихъ священникомъ, на что онъ согласился. Были созваны жители Добрянскаго посада, гдѣ единогласно и порѣшили просить начальника посада о разрѣшеніи имъ пригласить И. М. Розвитовскаго священникомъ на открывшуюся вакансію при мѣстной церкви. А губернскій стряпчій предложилъ опрашивать жителей о жизни и дѣяніяхъ этого священника. При этомъ, каждый, привлекаемый къ допросу, давалъ предварительно такую подписку: „Я нижеподписавшійся даю сію добровольную подписку" малороссійской черниговской губерніи губернскому уголовному дѣлъ стряпчему, обще съ городницкимъ нижнимъ земскимъ судомъ, въ томъ, что былъ ими при-

званъ для спроса по секретному дѣлу, ими въ Добрянкѣ производимому, и что я на спросъ ихъ показанія долженъ содержать въ тайнѣ, никому отнюдь ни подъ какимъ видомъ не объявлять, опасаясь за розгласку по всей строгости законнаго истязанія, въ чемъ и подписываюсь.

Губернаторъ получивъ донесеніе о желаніи жителей Добрянскаго посада имѣть Розпитовскаго своимъ священникомъ, отправилъ туда чиновника, который созвалъ сходъ, при чемъ жители посада подтвердили свое желаніе и подали объ этомъ петицію, подписанную нѣсколькими десятками лицъ. Губернаторъ представилъ это дѣло на усмотрѣніе кн. Лобанова-Ростовскаго, который и предписалъ барону Френсдорфу оставить Розпитовскаго въ посадѣ священникомъ, обязавъ его подпискою не уѣзжать изъ посада безъ дозволенія начальства. (Арх. П. Губ. Правленія, по описи № 387).

И. Ф. Павловскій.

Пропускъ греческихъ купцовъ чрезъ Васильковскій форпостъ въ 1739 г. Обычныя затрудненія при пропускахъ черезъ границу увеличивались въ военное время. На такія именно затрудненія указываетъ одно дѣло 1739 г. о пропускѣ греческихъ купцовъ чрезъ Васильковскій форпостъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1739 г. въ польскомъ селѣ Мытницѣ скопилось много пріѣзжихъ купцовъ грековъ, которые давно уже ожидали пропуска въ Россію и, по всей вѣроятности, не скоро бы еще дождались его, еслибъ не помогъ имъ въ этомъ проѣзжавшій въ это время черезъ Мытницу гр. Минихъ. По ихъ просьбѣ, онъ далъ предложеніе ген.-губернатору Леонтьеву «показанныхъ купцовъ, ежели они представятъ по себѣ въ томъ, что при нихъ никакихъ подозрительныхъ людей не имѣется и въ зараженныхъ опасною болѣзнью мѣстахъ не были, надежныя поруки, яко то Нѣжинского войта Терновіота и другихъ, внутрь нашихъ границъ ихъ пропустить безъ задержанія, а товары принять въ карантинъ по своему разсмотрѣнію».

Согласно этому предложенію, греки были черезъ границу пропущены и для выдержанія карантина остановлены въ Васильковѣ, а нѣжинскому войту предписано было представить за нихъ поручительство.

Между тѣмъ 24-го іюня греки, числомъ 17 человѣкъ, подали Леонтьеву общее доношеніе, въ которомъ писали: «Прошлого 1738 и сего 1739 годовъ въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ мы нижеподписавшіеся, цареградскіе и македонскіе жители греки, прибыли въ польскую пограничную деревню Мытницу съ товарами своими: волоского вина 44 бут., ладану 16 бочекъ, бакалея 8 возовъ и съ деньгами для покупки московскихъ товаровъ; а нынѣ какъ мы, такъ и товары наши, по указу К. Г. К., велѣно принять въ карантину къ Васильковскому форпосту; а помянутого волоского вина здѣсь при Васильковскомъ форп. въ карантинѣ поставить негдѣ, ибо и такъ чрезъ много время стоя въ Мытницѣ, хотя тамо подъ кровлею, только начало киснуть, а здѣсь безъ всякой кровли на жару къ тому жъ перевозкою переболтается, то и совсѣмъ пропасть можетъ, отчего намъ не малое разореніе будетъ, и того ради В. В. П. всепок. просимъ, дабы повелѣно было пропустить насъ въ Кіевъ, понеже намъ не точію карантина, но уже и по три минуло, а волоского вина въ Кіевѣ и въ Нѣжинѣ до указу продавать не будемъ, только бъ намъ означенное вино въ удобномъ мѣстѣ поставить".

А іюля 14-го о томъ же подалъ прошеніе въ К. Г. К. нѣжинскій житель грекъ Мацовитъ, братъ одного изъ прибывшихъ купцовъ. Но только тогда, когда получилось доношеніе нѣжинскаго войта Петра Терновіота о томъ, что за пріѣзжихъ грековъ поручились нѣжинскіе греки «певніе и свѣдоміе люде, которимъ въ томъ вѣрить можно», просителей пустили, наконецъ, въ Кіевъ, а затѣмъ и въ Нѣжинъ. Обратно заграницу пріѣзжіе греки отпускались тоже по особому для каждаго разрѣшенію генералъ-губернатора, испрашиваемому чрезъ нѣжинскаго войта.

Отвѣтственность оцѣнщиковъ въ кіевскомъ магистратѣ (1762 г.). Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1756 г., по словесному приказу присутствующихъ въ магистратѣ, кіевскіе мѣщане Григоровичъ, Григорій Кривобокъ и Марко Стефановъ оцѣнивали дворъ мѣщанина Антона Карамалѣя, подлежавшій публичной продажѣ для покрытія заявленныхъ на Карамалѣя претензій. Оцѣнивши этотъ дворъ въ 123 р. 40 коп., названные мѣщане заявили о томъ письменно въ магистратъ, но приказанія относительно продажи двора не получали. Прошло бо-

лѣе пяти лѣтъ, когда магистратъ далъ уже письменное приказаніе другимъ оцѣнщикамъ не только оцѣнить, но и продать этотъ дворъ, и онъ былъ проданъ въ апрѣлѣ 1762 г. за 120 рублей. Недостающую противъ первой оцѣнки сумму магистратъ опредѣлилъ взыскать съ названныхъ выше первыхъ оцѣнщиковъ, а когда они протестовали противъ того опредѣленія, магистратъ ихъ арестовалъ, требуя немедленной уплаты наложеннаго на нихъ взысканія. 19-го апрѣля они подали въ магистратъ челобитную на высоч. имя, но магистратъ ее не принялъ, приказавъ содержать ихъ «неспускно подъ карауломъ пота, пока тую недоимку» они не взнесутъ. Тогда они на четвертый день изъ подъ ареста отправили челобитную на высочайшее имя въ кіевскую губернскую канцелярію [1]). Послѣдняя указомъ магистрату отъ того же 27 апрѣля приказала освободить просителей изъ подъ караула немедленно, если дѣйствительно магистратъ имъ въ свое время приказа *о продажѣ* двора не давалъ; «а по претензіямъ о долгахъ Карамалѣя и объ ономъ его дворѣ и, ежели оной дворъ отъ долговременного обиску кіев. магистратомъ нерѣшенія дѣла пришелъ въ ветхость и отъ того убыло оному цѣны, то о взысканіи оной цѣны съ тѣхъ, кто въ томъ винными окажутся, учинить надлежащее рѣшеніе немедленно и что учинено будетъ, о томъ въ К. Г. К. рапортовать, а для него объ оныхъ долговыхъ на Карамалѣя претензіяхъ и о дворѣ его съ того времени, по нынѣ рѣшеніе не учинено, о томъ прислать въ К. Г. К. для разсмотрѣнія отвѣтъ».

Случай этотъ не только указываетъ на признаніе отвѣтственности оцѣнщиковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество продавалось ниже ихъ оцѣнки, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ поводовъ, по которымъ губ. канцелярія самими же обывателями привлекалась къ вмѣшательству въ дѣятельность магистрата, являясь какъ бы апеляціонною инстанціей. Въ сущности отношенія не были достаточно опредѣлены, и Губ. Канц. фактически находила возможность входить во всѣ сферы магистратскаго вѣдомства.

Въ данномъ случаѣ сами челобитчики не отрицали въ принципѣ отвѣтственности оцѣнщиковъ, не отрицали права магистрата

---

[1]) Челобитную эту писалъ В. Ген. Канц. канцеляристъ Григорій *Аксютовъ*, а первую, въ магистратъ поданную, прекрасно написанную и лишь повторенную Аксютовымъ, писалъ абшетованій войск. канцеляристъ Стефанъ *Киселіовскій*.

налагать на нихъ взысканіе: они настаивали лишь на томъ, что магистратъ несправедливо возложилъ это взысканіе *на нихъ*, будучи самъ виновенъ въ несвоевременной продажѣ дома. Съ жалобой на это судебное дѣйствіе магистрата и обратились они въ Губ. Канц.

Изъ старинныхъ отзывовъ о малороссахъ. I. Въ выходившемъ въ 1816 г. въ Харьковѣ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (кн. X) находятся письма Левшина изъ Малороссіи, (преимущественно изъ Полтавской губеніи), причемъ въ 23-мъ письмѣ въ X кн. журнала, озаглавленномъ «Отличительныя свойства малороссовъ», по устраненіи обычныхъ въ старое время общихъ фразъ и неидущихъ къ дѣлу разсужденій, находятся также не лишенныя интереса этнографическія замѣчанія: «Малороссіяне благоговѣютъ къ религіи и непреклонны въ священныхъ истинахъ оной... Они пламенно любятъ отчизну свою и помнятъ славу предковъ своихъ... Воинственный духъ не погасъ: они всегда съ радостью идутъ сражаться за вѣру, Государя и ту землю, на которой прославились предки ихъ, на которой родились они, взросли и привыкли вспоминать громкія дѣла Свирговскихъ, Наливайковъ и Хмельницкихъ... Малороссіяне честны, въ словахъ тверды и мужественны. Домашняя ихъ жизнь и семейственное согласіе достойны уваженія. Почтеніе и любовь, къ которымъ пріучаются они съ малолѣтства, дѣлаетъ ихъ послушными сыновьями, добрыми супругами и хорошими отцами, а свято сохраняемая здѣсь вѣрность супружеская изгоняетъ изъ семействъ ревность—злѣйшаго врага спокойствія. Къ сожалѣнію, дружба не всегда соединяетъ здѣсь братьевъ, и раздоры часто царствуютъ между женами ихъ. Къ чести малороссіянъ, цѣломудріе свято сохраняется ими, несмотря на вольность обхожденія между обоими полами позволенную. Молодые мужчины, хотя всегда свободно шутятъ и играютъ съ дѣвушками, но привыкли ограничивать желанія свои, не смѣютъ далеко простирать дерзкихъ требованій и довольствуются поцѣлуями, срываемыми со щекъ незастѣнчивыхъ малороссіянокъ, которыхъ горделивая походка, вольность и рѣшительная твердость во всѣхъ поступкахъ показываютъ мужество, женщинамъ необыкновенное и часто отнимающее у нихъ прелести (?!). Чувствуя любовь, малороссіяне не скрываютъ ее и не томятся... Они бросаются на колѣни передъ отцомъ и матерью и умоляютъ соединить ихъ. По-

лучивъ согласіе родныхъ, они получаютъ право быть вмѣстѣ... Нерѣдко завѣса ночи скрываетъ ихъ покоющихся сладкимъ сномъ въ объятіяхъ другъ друга. Но горе тому, кто употребитъ во зло сію свободу! Стыдъ, поношеніе и даже презрѣніе ожидаютъ какъ ихъ, такъ и отцовъ съ матерями... Малороссіяне... способны хранить ввѣренныя тайны; но добродѣтель эта часто обращается въ порокъ и производитъ скрытность. Воровство было презрительнѣйшимъ поступкомъ у древнихъ малороссіянъ; оно и теперь здѣсь въ омерзеніи... Изобиліе въ прекрасныхъ картинахъ природы, щедрость земли и счастливый климатъ дѣлаетъ здѣшнихъ жителей веселыми и склонными къ забавамъ... Бѣдность малорусскаго народа на каждомъ шагу ощутительна... она происходитъ отъ безпечности и увеличивается мнимымъ источникомъ богатства—свободою винокуренія, которая отвлекаетъ ихъ отъ работы... Женскій полъ здѣсь трудолюбивѣе мужескаго. Малороссіянки не только заботятся о малюткахъ и старикахъ, не только пекутся о приготовленіи всего нужнаго для домашней жизни, но и отправляютъ работы мужчинъ, съ которыми живутъ въ согласіи, исполняя желанія и волю ихъ, не будучи, однако, въ рабскомъ повиновеніи.

Нѣкоторые обвиняютъ малороссіянъ въ гордости и непокорливости, другіе приписываютъ имъ злопамятство и лукавство. Малороссіяне имѣютъ много добродѣтелей; но имѣютъ и пороки такъ же, какъ всѣ народы. Однакожъ, мы большей частью не замѣчая въ нихъ первыхъ, обращаемъ вниманіе на послѣдніе. Причиною тому кажется недостатокъ въ ласковости и обходительности, которыя всегда привлекаютъ тамъ и предупреждаютъ съ перваго взгляда въ пользу людей, ими одаренныхъ.

Терпѣніе жителей бѣдныхъ достойно удивленія; но бойся вывести ихъ изъ онаго, бойся раздражить ихъ!...

Суевѣрія и предразсудки, которымъ подвержены малороссіяне, не могутъ быть названы пороками, потому что они общи всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ племенамъ (далѣе мимоходомъ упомянуты Коляда, Купала, повѣрье объ омовеніи души послѣ смерти, колдуны, оборотни, вѣдьмы, домовые, «наводящіе ужасъ на необразованныхъ простолюдиновъ»).

Наружность малороссіянъ имѣетъ въ себѣ нѣчто важное; умныя лица, усы, при крѣпкомъ сложеніи, обритой бородѣ и высокомъ ростѣ—придаютъ имъ величественный видъ. Жаль, что они непоровотливы. Статныя, плечистыя, по большей части темнорусыя и круглолицыя малороссіянки вообще недурны, хотя красотки между ними рѣдки.

Малороссіяне, какъ кажется, чувствуютъ красоту къ архитектурѣ: ихъ вкусъ довольно образованъ природою. Деревни ихъ, расположенныя большей частью на горахъ, у подошвы которыхъ текутъ рѣки, или на прекрасныхъ долинахъ, и дома, выбѣленные какъ снаружи, такъ и внутри, представляютъ издали пріятный видъ.

Они живутъ хорошо, чисто и опрятно. Ихъ хаты—прекрасныя комнатки, просто, но хорошо убранныя и раздѣленныя большей частью на двѣ половины. Печи съ трубами предохраняютъ отъ дыму.

Малороссіяне въ пищѣ разборчивы и умѣютъ со вкусомъ приготовлять ее. Природныя ихъ кушанья—вареники, галушки, жирный борщъ—очень вкусны. Къ тому же замѣтить надо, что пища, остающаяся отъ обѣда, не употребляется ими въ ужинѣ, но варится свѣжая.

Охота ихъ къ простымъ картинамъ, которыми убираютъ комнаты, показываетъ, что они любятъ живопись.

Пляска малороссіянъ стройна и прекрасна. Пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и нерѣдко протяжны... Гибкостью, чистотою и пріятностью голосовъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи. Придворная музыка пѣвческая составлена почти изъ однихъ малороссіянъ...

Языкъ малороссійскій хотя и не имѣетъ правилъ, однакожъ, нѣкоторые ученые малороссіяне употребляютъ его въ сочиненіяхъ: перелицованная Энеида—прекраснѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе—служитъ тому доказательствомъ. При всемъ томъ до сего времени онъ составляетъ только языкъ народа. Но если геніи здѣшней стороны обратятъ на него вниманіе свое и образуютъ оный, ограничивъ (?) положительными правилами граматики, тогда малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ, можетъ быть, будутъ состязаться съ просвѣщеннѣйшими народами Европы. Тщетна сія надежда; ибо нѣтъ къ тому побудительныхъ (?) причинъ. Да и возможность составить языкъ изъ нарѣчія, оставленнаго почти всѣми образованными коренными жителями здѣшней стороны, есть самая малая!» Этими словами и заканчивается письмо Левшина, причемъ не слѣдуетъ забывать, что оно написано великороссомъ въ 1816 г., когда единственнымъ представителемъ малорусской литературы была Энеида Котляревскаго.

II. Въ 1824 и 1825 г. подъ редакціей проф. А. В. Склабовскаго выходилъ въ Харьковѣ «Украинскій Журналъ», одно изъ лучшихъ изданій стараго времени. Въ № 13 1825 г. помѣщена статья Александра Мещерскаго «Описаніе города Прилукъ и его повѣта», гдѣ,

между прочимъ, отмѣчено, что «всѣ обитатели повѣта малороссіяне, отличающіеся отъ великороссіянъ своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, обрядами въ домашнемъ быту, одѣяніемъ и особливою способностью къ пѣнію и музыкѣ. Будучи набожны, кротки, храбры, вѣрны и способны къ конной службѣ, могутъ только многіе изъ черни (такъ авторъ называетъ крестьянъ) не безъ основанія быть укоряемы въ лѣности, и причиною сего должно считать не что другое, какъ изобиліе всѣхъ произведеній, служащихъ къ ихъ продовольствію. Дешевизна горячаго вина также не малою причиною можетъ почесться сего недостатка. Впрочемъ, мало такихъ, которые бы, страстно предавшись излишнему употребленію онаго, совершенно разстраивали свое состояніе и терпѣли крайнюю бѣдность».

Проф. **Н. С мцовъ**.

Письмо В. Г. Шевченка къ Т. Г. Шевченку. Имя Варфоломея Григорьевича Шевченка тѣсно связано многими обстоятельствами жизни съ Тарасомъ Григорьевичемъ, такъ-что, какъ извѣстно, они впослѣдствіи именовали другъ друга «братомъ», хотя родство ихъ, если и существовало, то очень отдаленное. Намъ доставлена вдовой покойнаго П. А. Кулиша копія одного изъ писемъ В. Г. Шевченка къ знаменитому кобзарю Украины, переписанная рукою Кулиша и хранившаяся въ его бумагахъ. Письмо это, датированное 5 іюля 1846 года, слѣдовательно черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія Т. Г. Шевченка въ «общество славянистовъ», интересно въ томъ отношеніи, что В. Г. Шевченко, тогда еще не очень близко знакомый съ Тарасомъ Григорьевичемъ, что видно изъ тона письма, получилъ какія-то вѣсти о чемъ-то недобромъ, могущемъ грозно надвинуться на молодого поэта, и, какъ человѣкъ практическій, предостерегалъ своего земляка и родича отъ могущихъ быть непріятностей. Недаромъ въ письмѣ есть фраза: «якъ я почувъ, що Вамъ щось тамъ сказано—не пускать межъ люды пысання якогось, *що колюче*, то я ажъ затрусывся». О какомъ именно произведеніи Шевченка идетъ рѣчъ, догадаться по письму нельзя, но вѣроятно объ одномъ изъ тѣхъ, которыя были поставлены въ вину поэту послѣ ареста его.

Ред.

Достойнѣйшій Тарасъ Григорьевичъ!

Ну! якъ писаты: чы такъ якъ до чоловика, созданого Богомъ и надиленого при созданіи розумомъ? чы якъ до чоловика, избалованного щастямъ? Ни, мабуть перше напышу до Петербургского Академиста, а тамъ якъ пизнаю, шо винъ мій родычъ, то напишу по-братскій.

Я чувъ, що вы гараздъ писаты и малеваты, тылько якъ не розсердытесь, то пріймить и мою раду; онъ бачте що: кажуть, що Ваше писання вподобалы розумны люды; а де котори сказалы, що такъ не годыця; то бачте, треба бъ якось помаленьку, шобъ стару пиймати; воно все ничого, та ба! шкода буде мыни родыча, а може кому доброго товарыща, або що.

Часомъ на свити бувае, шо правды не люблять, и бувае, шо за правду принудять за девятыми воротами гавкнуть. Ця пословичка у насъ пишла изъ того, що судейски крючкы кванылысь на балъ до генерала Рота, и булы зъ нымъ трохы побратались: а одынъ розумный чоловикъ Приставъ изъ москаливъ—винъ теперъ у Билій Церкви—Паліенко имъ оту пословыцю сказавъ, каже: о! якъ бы це Генералъ та не Ротъ, то винъ бы вамъ давъ такого одлукавого, шо который бы ажъ за девятыми воротамы гавкнувъ!

То бачте, якъ я почувъ, шо вамъ шось тамъ сказано—некускать межъ люды писання якогось, що колюче, то я ажъ затрусывся; думаю: може справди—чоловикъ на чужини, порадыця ни съ кымъ, то якъ избывся съ пантелыку—не дыво; хочъ то я ничого не поможу, але добро сказать якъ то кажуть: чы зроблю що чы ни, а що накываю то паде.

Отъ же такъ, ныхай вамъ не здаеця, шо то радыть той, шо вырисъ въ Карелывци, бо часомъ въ Карелывци родыця такый, якъ и въ Вильшаный, а може ще й гирше якъ въ Лысянци.

Якъ шо до правды Ваша робота гостренька, то кличыками объ землю погартуйте, вона заразъ вытупыця.

Про Ваши Гайдамакы я частенько читаю, якъ бы то вы булы таки добры, та ще мыни изъ вашои праци вдилылы що ныбудь, то ябъ Вамъ гарне спасыбогъ сказавъ.

Колы напишите до мене—будете таки ласкави, то може и я ще наперу лыстокъ не пожалую; а якъ же ни—то Богъ зъ вами.

Якъ диждемъ контрактывъ тыхъ, що мають буть, та будемъ жывы, надіюсь буть въ Кіевѣ—може зайду до Васъ, хочъ табакы понюхаемъ и де що потолкуемъ.

Прощайте, бувайте здоровы, я оце швыдко поиду въ Одессу.

Съ глубочайшею преданностью остаюсь на всегда покорнымъ слугою Варфоломей Шевченко.

5 іюля 1840. Кириловка.

Вси ваши и мои слава Богу здорови; жнуть та косять хлопци, а кладуть въ копыци дивчата и молодыци.

Секретное предписаніе объ арестѣ В. М. Бѣлозерскаго. Какъ извѣстно, однимъ изъ участниковъ кіевскаго «общества славянистовъ», даже, можетъ быть, инициаторомъ его, состоялъ Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, помѣщикъ черниговской губерніи, раздѣлившій вмѣстѣ съ товарищемъ не только судьбу ареста и предварительнаго сидѣнія, но даже, по предложенію графа Орлова, могшій подвергнуться четырехмѣсячному заключенію въ крѣпость. Это наказаніе, впрочемъ, по высочайшему утвержденію, было отмѣнено, и В. М. Бѣлозерскій получилъ мѣсто въ Петрозаводскѣ—совѣтника губернскаго правленія. Къ исторіи ареста В. М. Бѣлозерскаго у насъ имѣется интересный документъ, доставленный намъ вдовою покойнаго П. А. Кулиша. Документъ этотъ—*весьма секретное* предписаніе начальника черниговской губерніи борзенскому земскому исправнику 7 апрѣля 1847 г. за № 378. Вотъ текстъ его:

«По Высочайшему повелѣнію предписано было арестовать помѣщика Борзенскаго уѣзда Василія Михайлова Бѣлозерскаго, котораго однако, при исполненіи нарочно командированнаго мною чиновника особыхъ порученій Васильева, вмѣстѣ съ Вами, въ уѣздѣ неоказалось, а дознано, что онъ выѣхалъ въ г. Варшаву.—На случай, еслибы Г. Бѣлозерскій возвратился въ Борзенскій уѣздъ, предписываю Вамъ слѣдить за этимъ со всею бдительностью и какъ только онъ появится, арестовать его ту же минуту, а бумаги взявъ опечатать не разсматривая и доставить его вмѣстѣ съ бумагами, Вами лично ко мнѣ въ г. Черниговъ, не теряя на то ни одной минуты, подъ личною Вашею отвѣтственностью.

При этомъ случаѣ предписываю Вамъ, настоящее предписаніе сохранить въ совершенномъ секретѣ, предваряя Васъ, что если означенный помѣщикъ проѣздомъ, или какимъ другимъ образомъ будетъ въ уѣздѣ и Вами не будетъ тотъ же часъ арестованъ и ко мнѣ представленъ, то это падетъ на личную отвѣтственность Вашу. Гражданскій губернаторъ Гессе».

Изъ прошлаго Полтавщины. I. *«О камнѣ, во время громового удара съ высоты упавшемъ».* Въ мартѣ 1811 г. полтавскій губернаторъ получилъ донесеніе отъ роменскаго нижняго земскаго суда, что въ имѣніи графа Ю. А. Головкина, въ селѣ Кулешовкѣ, 28 февраля того же года упалъ съ высоты камень, вѣсомъ болѣе 15 фунтовъ. Наряжено было дознаніе. Оказалось, что видѣли это паденіе пять человѣкъ, которыхъ и допрашивали. Они показали, что и оный (т. е. камень) при третьемъ громовомъ ударѣ съ трескомъ и необычайнымъ шумомъ, показался въ воздухѣ съ блистаніемъ искръ и съ нѣкоторымъ свистомъ, несшимся наискось; когда же упалъ въ огородъ крестьянина Школенка, то сквозь люд̀ъ ледъ) и землю пробился въ аршинъ глубины и по вырытіи оттоль былъ еще весьма горячій». Губернаторъ, «по вниманію къ сему происшествію», послалъ нарочнаго для привоза камня. Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій объ этомъ далъ знать министру полиціи Балашову, а этотъ доложилъ Государю, который повелѣлъ доставить камень въ Петербургъ, что и было исполнено; въ маѣ того же года онъ былъ отправленъ съ нарочнымъ. Это былъ, конечно, аэролитъ. Паденіе его всегда сопровождается звукомъ, подобнымъ пушечному выстрѣлу, и особымъ шумомъ, похожимъ на свистъ летящаго ядра. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 448).

II. *Предсказаніе кобеляцкаго дворянина о дороговизнѣ хлѣба.* Въ 1804 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, проживавшій въ г. Кобелякѣ дворянинъ Мартынъ Чепѣжный подалъ кн. Куракину слѣдующее прошеніе. «У разсужденіи моей вѣрности къ Его Императорского Величеству не могъ я не объявить имѣющейся быть у семъ настоящемъ и будущемъ годѣ важной перемѣнѣ. Объявляю вамъ, ваше сіятельство, что сего настоящаго времени цѣна аржаному хлѣбу 2 р. 50 к. указнаго весу четверты и разной хлѣбъ тоже дешевъ; сего жъ и бу-

дущаго года будетъ цена всему хлѣбу столь велика, что и думать страшно; при чемъ всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство доложить Его Императорскому Величеству объ семъ безсумнительно: мнѣ желательно, чтобы позволено было всѣмъ комиссіямъ отъ Его Императорскаго Величества скупить побольше хорошаго количества,—можно бы получить доходъ знатной казнѣ; покупка же хлѣба будетъ выгодна апрѣля и мая, а далше ожидать возвышенія цѣнъ. Подписался М. Ч. «доброжелателемъ» князя.

Кн. Куракинъ предписалъ кобелякскому городничему допросить Чепѣжнаго: какія есть у него данныя утверждать, что цѣна на хлѣбъ вздорожаетъ? Но М. Чепѣжный отказался дать какія либо объясненія и заявилъ городничему, что «по сему важному дѣлу онъ не откроетъ ничего, хотя бы городничій сильнѣйшія вынужденіи на то употребилъ». М. Ч. считалъ лишнимъ давать объясненіе вторично, полагая что въ прошеніи своемъ онъ уже все объяснилъ. Кн. Куракинъ на докладѣ объ этомъ написалъ: «отмѣняется вовся», т. е. дѣло прекратить; видимо, счелъ лишнимъ допрашивать этого дворянина. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 209).

—

III. *Частныя пожертвованія черниговскихъ дворянъ на организацію милиціи въ 1806 году*. Какъ извѣстно, манифестомъ императора Александра I въ 1806 г. 30 ноября призывалось русское дворянство къ пожертвованіямъ на организацію милиціи для борьбы съ Наполеономъ. Помимо ассигнованія дворянскимъ собраніемъ сбора на содержаніе и жалованье чинамъ милиціи, были и частныя пожертвованія. Особенно крупнымъ жертвователемъ явился генералъ-маіоръ М. В. Гудовичъ, приславшій губернатору 5 тысячъ руб. «Почитая истиннымъ счастьемъ и священнѣйшимъ долгомъ быть всегда готовымъ на помощь любезнѣйшему отечеству моему и соревнуя въ томъ соотчичамъ моимъ, прилагаю при семъ 5 тыс. и прошу употребить оные для общественной пользы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ; счастливъ буду, если сія малая жертва принята будетъ, стократъ счастливѣйшимъ почиталъ бы себя, если бы обстоятельства соглашались съ искреннѣйшимъ моимъ усердіемъ». Частныя пожертвованія поступили отъ слѣдующихъ уѣздовъ: стародубскаго—12350 р., борзенскаго—2465 р. и по подпискѣ (безъ обозначенія уѣзда)—2509 р., всего 17324 р. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, по описи № 321).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

———

Поправка. Въ „Кіевской Старинѣ“ за ноябрь 1903 г., въ отдѣлѣ «Документы, извѣстія и замѣтки», на стр. 73, помѣщено секретное предписаніе кіевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 декабря 1834 г. (вѣроятно изъ бумагъ звениг. полицейскаго архива?), за подписью: д. с. с. *Козминъ*.

Не имѣетъ ли въ данномъ случаѣ мѣсто ошибка, происшедшая отъ неразборчивости подписи на предписаніи? Насколько извѣстно, въ указанное время, кіевскимъ губернаторомъ былъ д. с. с. Александръ Алексѣевичъ *Корниловъ* (начало 1834 года до средины 1835-го), принявшій губернію отъ д. с. с. Лашкарева и передавшій ее д. с. с. Переверзеву.

Алексѣй Мёрдеръ.

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку, въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6159 руб. 78 коп. (см. № 1-й 1904 г., стр. 12—14), вновь поступило: 1) Н. Ш—ій (изъ Херсона)—10 р.; 2) отъ офицеровъ: Д. Сим—ва—10 р.; А. Пил—ча—5 р.; Д. Перх—ча—5 р.; И. Бор—ка—5 р,; Н. Чех—аго—3 р.; В. Опп—ва—2 р.—всего 30 р.; 3) видъ студ. П. Р.—1 р.; 4) Геращенко—1 р.; 5) Кирдзинъ—1 р.; 6) О. А. Бутовичъ (Дараганъ)—10 р.; 7) И. А. Бакуменко—1 р.; 8) М. Г. Мачуговская—50 коп.; 9) Украинци и Товарыства зъ Бережанъ—79 р. 50 к.; 10) Л. А. Бѣлявскій—1 р.; 11) М. Г. Рожинская—2 р.; 12) М. Ф. Рожинскій—1 р.; 13) г. Симашкевичъ—1 р.; 14) К. Стыранкевичъ—2 р.; 15) г. Панасюкъ—1 р.; 16) М. Сѣцинская—5 р.; 17) А. Цихоцкій—5 р.; 18) Д—жа—2 р. 50 к.; 19) В. Л—ій—2 р. 50 к.; 20) Н. Я—къ—1 р.; 21) В. Д—кій—1 р.; 22) К. Р—овъ—10 р.; 23) В. К.—3 р.; 24) А. Г—ый—5 р.; 25) А. Томашевскій—5 р.; 26) А. Вильчекъ—1 р.; 27) В. Гогоцкій—5 р.; 28) П. Авраменко—5 р.; 29) А. Ш—чъ—5 р.; 30) Н. Калишевичъ—3 р.; 31) И. Глинка—5 р.; 32) Ф. Когутовъ—5 р.; 33) проф. Н. И. Стороженко—10 р.; 34) О. П. Косачъ (выручка съ концерта, устроеннаго въ Кіевѣ 21 декабря 1903 г.)—300 р.; 35) NN—15 р. Кромѣ того, на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка получено отъ: 1) О. К. Урсинъ—1 р.; 2) офицеровъ В. Бѣлозерскаго полка—3 р. 25 к.; 3) Л. В. Гогинъ—1 р.; 4) видъ Севастопольцивъ—6 р. 15 к. и 5) А. В.

Лоначевскій—10 р., всего вмѣстѣ съ прежними 6717 р. 18 к., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій; 286 р.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5409 р. 78 к. на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, къ 209 р. 49 к., собраннымъ на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка, прибавилось 5 р., прислан. М. Ф. Комаровымъ,—всего 214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Столѣтіе Харьковскаго университета. Какъ извѣстно, въ 1905 году истекаетъ 100 лѣтъ со дня учрежденія Харьковскаго университета. Подготовительныя работы къ празднованію этого юбилея находятся въ полномъ разгарѣ: пишется историческая записка исторіи каѳедръ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, составляется біографическій словарь профессоровъ и преподавателей, подготовляются къ печати сочиненія Каразина и т. д. и т. д. Нѣтъ, кажется, никого среди представителей учебнаго персонала Харьковскаго университета, кто не несъ-бы какой-либо работы къ предстоящему юбилею. Но столѣтіе Харьковскаго университета является крупнымъ событіемъ не только въ жизни самого университета, а также и въ жизни г. Харькова и всей южной Руси. Поэтому юбилей Харьковскаго университета привлекаетъ къ себѣ вниманіе болѣе широкаго круга лицъ, чѣмъ одни университетскіе преподаватели и служащіе; въ особенности это событіе вызываетъ живой интересъ среди членовъ Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ. Въ настоящее время рѣшено издать сборникъ статей, посвященныхъ университетскому юбилею, а кромѣ того, по иниціативѣ своего предсѣдателя, проф. Н. Ѳ. Сумцова, осенью истекшаго 1903 года Общество вошло въ Совѣтъ университета съ ходатайствомъ объ устройствѣ выставки предметовъ, относящихся къ Харьковскому университету и его дѣятелямъ и питомцамъ, во время празднованія университетскаго юбилея. Предложеніе Ист.-Фил. Общества было встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ въ профессорской коллегіи, и уже образована коммиссія изъ 12 профессоровъ (по 3 отъ каждаго факультета) для устройства юбилейныхъ празднествъ, въ томъ числѣ и выставки. Коммиссіи предоставлено право пригласить къ участію въ ея работахъ не только другихъ преподавателей уни-

верситета и членовъ Историко-Филологическаго Общества, но также и другихъ лицъ, которыя могутъ содѣйствовать успѣшному выполненію возложенныхъ на коммиссію задачъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одной изъ самыхъ интересныхъ, но въ то-же время и наиболѣе трудныхъ работъ коммиссіи явится устройство юбилейной выставки. Самая идея устроить такую выставку заслуживаетъ полнаго одобренія, такъ какъ эта выставка иллюстрируетъ бытъ юбиляра и его дѣятелей за весь столѣтній періодъ, познакомитъ публику съ забытыми трудами и матеріалами, вызоветъ на свѣтъ Божій, безъ сомнѣнія, много неизвѣстныхъ и цѣнныхъ данныхъ; но устроить подобную выставку очень и очень трудно. Не говоря о новизнѣ дѣла, такъ какъ такія выставки почти неизвѣстны у насъ, нужно принять во вниманіе характеръ и составъ предметовъ. необходимыхъ для выставки. Какъ мы слыхали, предполагается иллюстрировать бытъ университета за 100 лѣтъ его существованія возможно полнѣе: для этого будутъ собраны виды университета и его вспомогательныхъ учрежденій, его изданія, портреты профессоровъ и другихъ служащихъ, ихъ автографы и труды, портреты, автографы и труды питомцевъ университета, изданія и рисунки, относящіяся къ университету, предполагается даже собрать памфлеты и каррикатуры, подобно Музею Севастопольской Обороны, составить некрополь и т. д. и т. д. Но собрать все это не легко, если принять во вниманіе, что за 100 лѣтъ одно утратилось, а другое переходило, можетъ быть, очень и очень много разъ изъ рукъ въ руки и находится далеко за предѣлами Харькова. Только при сочувственномъ отношеніи публики, особенно-же тѣхъ, кто имѣетъ какое-либо отношеніе къ бывшимъ профессорамъ и питомцамъ университета и владѣетъ интересными для выставки предметами, можно будетъ сдѣлать выставку достаточно полной и интересной. Нужно надѣяться, что южно-русская публика въ особенности сочувственно поддержитъ устроителей юбилейной выставки, такъ какъ для Южной Руси предстоящій юбилей имѣетъ чисто мѣстное значеніе. Правда. коммиссія по устройству юбилейныхъ торжествъ еще не начала своихъ занятій оффиціально и не выдѣляла изъ себя выставочной подкоммиссіи, но тѣмъ не менѣе матеріалы для предстоящей выставки давно уже собираются не только университетскимъ персоналомъ (Д. И. Багалѣй, Н. Ѳ. Сумцовъ и др.), но также членами Историко-Филологическаго Общества. Уже теперь въ университетскую коммиссію и въ Ист.-Фил. Общество поступаютъ портреты, автографы и другія вещи, предназначаемыя для выставки. Такъ, предсѣдателю

Ист.-Фил. Общества недавно прислана статуэтка, изображающая проф. Павловича въ каррикатурномъ видѣ. Статуэтка эта—работы извѣстнаго скульптора-каррикатуриста Степанова и является единственнымъ и при этомъ весьма схожимъ портретомъ давно умершаго профессора. Статуэтка прислана лицомъ, знавшимъ проф. Павловича, при чемъ, по словамъ приславшаго, Степановъ замѣчательно вѣрно, и при томъ отнюдь не въ каррикатурномъ видѣ, изобразилъ голову покойнаго профессора, а утрировалъ лишь при отдѣлкѣ туловища и ногъ. Вообще, нужно надѣяться, что юбилейная выставка вполнѣ удастся и привлечетъ много цѣнныхъ матеріаловъ для характеристики быта Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія.

Музей древностей и искусствъ Харьковскаго университета. Въ теченіе многихъ лѣтъ Музей древностей и искусствъ Харьковскаго университета носилъ характеръ главнымъ образомъ художественнаго собранія, такъ какъ его коллекціи состояли преимущественно изъ картинъ, рисунковъ и гравюръ, а также гипсовыхъ слѣпковъ. Древностей первобытныхъ, историческихъ и церковныхъ въ немъ было мало, да и тѣ представляли весьма случайный подборъ предметовъ. Но въ послѣднее время музей въ сильной степени измѣнилъ свой характеръ, и этимъ онъ обязанъ бывшему въ Харьковѣ XII археологическому съѣзду. Не говоря о томъ, что съѣздъ повысилъ въ Харьковѣ интересъ къ занятіямъ мѣстной стариной, но онъ напомнилъ мѣстной публикѣ еще разъ о Музеѣ древностей и искусствъ Харьковскаго университета, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе пополнить коллекціи этого полезнаго и важнаго для харьковцевъ учрежденія. По издавна установившемуся обычаю, этотъ музей открывался для обозрѣнія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и здѣсь можно было видѣть посѣтителей изъ всѣхъ слоевъ харьковскаго населенія. Кромѣ того, начальство университета всегда любезно разрѣшало желающимъ снимать копіи съ картинъ музея, среди которыхъ имѣется много произведеній знаменитыхъ художниковъ. Такимъ образомъ музей много способствовалъ развитію художественныхъ вкусовъ харьковской публики. Въ настоящее время онъ можетъ съ неменьшимъ успѣхомъ знакомить публику съ мѣстной стариной, такъ какъ, благодаря XII археологическому съѣзду, обладаетъ значительными коллекціями южно-русскихъ первобытныхъ, историческихъ (въ томъ числѣ козацкихъ) и церков-

ныхъ древностей. Какъ извѣстно уже читателямъ «Кіевск. Старины», большая часть предметовъ, собранныхъ для выставки XII археолог. съѣзда членами Харьковскаго и Московскаго Предварительныхъ Комитетовъ, была принесена въ даръ Музею древностей и искусствъ Харьковскаго университета, и такимъ образомъ его коллекціи древностей сразу достигли значительныхъ размѣровъ. Кромѣ того, директоръ музея, проф. Е. К. Рѣдинъ, постоянно увеличиваетъ коллекціи покупкой, а затѣмъ другіе профессора и члены Историко-Филологическаго Общества дѣятельно заботятся объ умноженіи музейныхъ собраній и постоянно передаютъ въ музей древности изъ произведенныхъ ими раскопокъ и т. д. Сверхъ того, частныя лица тоже все чаще и чаще передаютъ въ музей принадлежащія имъ старинныя вещи и случайныя находки древностей. Наконецъ, предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи гр. Бобринскій обѣщалъ прислать изъ принадлежащихъ Коммиссіи предметовъ такіе дублеты, которые могли бы пополнить отсутствующіе или бѣдные отдѣлы музея, напр., вещи изъ раскопокъ въ Ольвіи, Херсонесѣ и Керчи, древности эпохи переселенія народовъ и т. д. Такимъ образомъ коллекціи музея все болѣе и болѣе разростаются, и принадлежащее музею помѣщеніе оказывается настолько тѣснымъ, что размѣстить въ немъ хорошо древности совершенно немыслимо. Поэтому оказалось необходимымъ построить новое зданіе для университетскихъ музеевъ. Планъ и смѣта такого зданія составлена архитекторомъ Харьковскаго губернатора г. Величко, и въ настоящее время университетъ вошелъ съ ходатайствомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія объ отпускѣ необходимыхъ для этого средствъ. Зданіе музеевъ предполагается построить на университетской горкѣ, фасадомъ на Екатеринославскую улицу. По плану оно имѣетъ очень красивый видъ и будетъ въ 2 этажа. Въ первомъ этажѣ предположено помѣстить нумизматическій кабинетъ и этнографическій музей Историко-Филологическаго Общества, а въ верхнемъ этажѣ будутъ размѣщены музеи древностей и искусствъ, потому что теперешній музей древностей и искусствъ думаютъ раздѣлить на два отдѣльныхъ музея. Въ вестибюлѣ будутъ поставлены каменныя бабы и другіе монументальные памятники, которые опасно помѣстить въ верхнемъ этажѣ. Если осуществится эта постройка, то Харьковъ обогатится очень важнымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, такъ какъ въ настоящее время, благодаря тѣснотѣ, пришлось ограничить до-

ступъ публики для осмотра музея древностей и искусствъ и даже совсѣмъ закрыть его для постороннихъ лицъ.

Музей украинскаго генія. Устройство музеевъ, посвященныхъ тому или другому писателю, художнику, ученому, все болѣе и болѣе входятъ въ обычай въ Европѣ. У насъ, на Украинѣ, нѣтъ подобныхъ музеевъ, и только въ музеѣ Украинскихъ Древностей имени В. В. Тарновскаго, въ Черниговѣ, существуетъ весьма интересный цѣнный Шевченковскій отдѣлъ. Къ сожалѣнію, другимъ представителямъ украинской мысли и слова не такъ посчастливилось, и относящіеся къ нимъ предметы мало собирались. Конечно, благодаря этому, многое уже утрачено, а другое стало рѣдкостью или забыто. Поэтому нужно привѣтствовать Историко-Филологическое Общество при харьковскомъ университетѣ за принятую имъ на себя иниціативу въ собираніи всего того, что характеризуетъ украинскій геній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ общество рѣшило создать при своей библіотекѣ отдѣлъ, посвященный памяти основателя Общества, проф. А. А. Потебни, причемъ предполагалось собрать не только портреты, рукописи и сочиненія покойнаго профессора, но также принадлежавшіе ему предметы. Благодаря поддержкѣ вдовы покойнаго, этотъ отдѣлъ будетъ весьма полонъ и интересенъ. Затѣмъ, подъ впечатлѣніемъ Полтавскихъ юбилейныхъ торжествъ, какъ извѣстно читателямъ изъ январской книги «Кіевской Старины», было положено начало отдѣлу нашего знаменитаго писателя И. П. Котляревскаго. А осенью истекшаго 1903 года, по предложенію предсѣдателя проф. Н. Ѳ. Сумцова, Ист.-Фил. Общество рѣшило организовать въ своемъ этнографическомъ музеѣ отдѣлы, посвященные и другимъ украинскимъ писателямъ, причемъ въ первую очередь былъ поставленъ отдѣлъ извѣстнаго украинскаго писателя Я. И. Щеголева, недавно умершаго. Въ настоящее время положено уже начало этому отдѣлу, такъ какъ вдова покойнаго писателя, по просьбѣ проф. Н. Ѳ. Сумцовы, уступила для музея Общества слѣдующіе предметы, принадлежавшіе покойному Я. И. Щеголеву: письменный столъ, кресло, портфель и цѣлый рядъ рукописей. Такимъ образомъ въ этнографическомъ музеѣ Историко-Филологическаго Общества мало-по малу составляется рядъ меліоративныхъ отдѣловъ, которые представятъ цѣнный матеріалъ для характеристики украинскаго генія. Конечно, составлять подобные отдѣлы---дѣло трудное, и на успѣхъ множно на-

дѣяться только въ томъ случаѣ, если Общество встрѣтитъ поддержку и сочувствіе среди украинской публики, такъ какъ денежныя средства его не велики, и путемъ покупки оно можетъ лишь въ слабой степени увеличивать свои коллекціи. Но во всякомъ случаѣ нужно пожелать полнаго успѣха новому полезному начинанію въ дѣлѣ изученія Украины!

Юбилейный вечеръ въ честь Н. В. Лисенка въ Харьковѣ. 14-го января въ Маломъ театрѣ состоялся юбилейный вокально-музыкально-танцовальный вечеръ по случаю *тридцатипятилѣтія музыкальной дѣятельности* нашего славнаго «кобзаря» *Николая Витальевича Лисенка* при исключительномъ исполненіи его произведеній. Сборъ съ этого вечера долженъ поступить на учрежденіе стипендіи имени малорусскаго композитора въ мѣстномъ музыкальномъ училищѣ.

Славное имя композитора, его личное присутствіе на вечерѣ и симпатичная цѣль этого вечера привлекли въ залъ Малаго театра огромное количество публики. Маститый юбиляръ появился въ началѣ концерта въ первомъ ряду партера и былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій и восторженными криками. Когда же Николай Витальевичъ въ началѣ второго отдѣленія лично продирижировалъ своей прекрасной кантатой «Гей, не дывуйте», исполненной съ большимъ одушевленіемъ мужскимъ хоромъ г-на Туровѣрова, восторги публики достигли своего апогея. Тогда же чествуемому композитору поднесенъ былъ роскошный вѣнокъ съ надписью на лентѣ: „*Славному кобзарю видъ вдячныхъ харьковцивъ*“.

Въ заключеніе поставленъ былъ «апоѳеозъ» Н. В. Лисенка. Спеціально для этого художниками, ставившими живыя картины, въ нѣсколько дней былъ написанъ большой портретъ Н. В. Лисенка, занявшій центральное мѣсто въ «апоѳеозѣ». Вокругъ него размѣстились герои оперъ «Риздвяна ничъ» и «Тарасъ Бульба».

Н. В. вышелъ на эстраду, и ему при оглушительныхъ оваціяхъ поднесены были еще 2 большихъ вѣнка. Затѣмъ анонсировано было, что Н. В. любезно согласился сыграть что-нибудь изъ своихъ композицій на роялѣ. Анонсъ вызвалъ бурю аплодисментовъ.

Н. В. сыгралъ свой прекрасный «Жалибный маршъ» (похоронный) на смерть Шевченка и варіаціи на народную тему «Плыве човенъ».

«Костюмированный балъ», закончившій собой этотъ интересный юбилейный вечеръ, отличался большимъ оживленіемъ. Начался онъ малороссійскимъ козачкомъ, бойко исполненнымъ костюмированными и некостюмированными танцорами.

Танцы затянулись далеко за полночь.

Н. В. Лисенко написалъ слѣдующія слова въ книгѣ почетныхъ посѣтителей, имѣющейся у дерекціи Малаго театра: «*Сердешно радый выявыты мою вдячнисть за щире прывитання мене въ дорогому Харькови, де я колысь выховувавсь и студентувавъ. Н. Лысенко. 14 января 1904 г. Одвидавъ Малый театръ, познавъ шановного властывиця його, мылувавсь вдатнимъ резонансомъ и диригувавъ студеньческимъ хоромъ «Гей, не дывуйте»*...

Чистая выручка съ вечера въ суммѣ 423 р. 32 к. передана г-ну харьковскому губернатору для отправки ея въ дерекцію музыкальнаго училища Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества для образованія фонда стипендіи имени композитора Н. В. Лисенка при этомъ училищѣ. Кромѣ сбора отъ устройства вечера, учредителями получено пожертвованіями отъ разныхъ лицъ и выручено отъ продажи программъ-акварелей работы г.г. художниковъ С. И. Васильковскаго и г. Кричевскаго еще 220 р.; эти деньги также поступятъ въ распоряженіэ дирекціи музыкальнаго училища съ тѣмъ же назначеніемъ.

Присужденіе премін имени А. А. Потебни. Въ засѣданіи историко-филологическаго Общества 21-го декабря заслушанъ былъ отзывъ проф. Н. Ѳ. Сумцова о сочиненіи о купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ, представленномъ на премію имени А. А. Потебни. Лекторъ принялъ къ свѣдѣнію около сотни сборниковъ и изслѣдованій и разобралъ свыше шести сотъ купальскихъ пѣсенъ, разбивъ ихъ на отдѣльные мотивы, придерживаясь пріема Потебни въ изслѣдованіи его о колядкахъ. Работа большая, написана стройно и ясно. Рецензентъ рекомендовалъ выдать автору сочиненія полную премію. Къ этому мнѣнію присоединился проф. А. П. Кадлубовскій, высказавши при этомъ нѣсколько критическихъ замѣчаній. Предложеніе рецензентовъ о полной преміи было принято единогласно. По вскрытіи конверта съ девизомъ, авторомъ сочиненія оказался студентъ-филологъ 4-го курса М. Д. Кушенъ.

Затѣмъ обсуждались темы для предстоящаго года. По большинству голосовъ принята тема, предложенная въ интересахъ предстоящаго въ 1905 году въ Екатеринославѣ археологическаго съѣзда, слѣдующаго содержанія: «Археологія и этнографія въ предѣлахъ южной Россіи, по даннымъ харьковскихъ изданій съ 1881 по 1904 г.» (библіографія и краткая оцѣнка главныхъ статей и сборниковъ). Работа эта должна служить продолженіемъ „Указателя“ Устинова, доведеннаго до 1881 года. («Южный Край», № 7952).

Отложенный юбилей газ. „Волынь“. Редакція газ. «Волынь», пріостановленной на нѣсколько мѣсяцевъ, помѣстила въ газетахъ слѣдующее письмо:

Имѣемъ честь покорнѣйше просить напечатать въ вашей уважаемой газетѣ, что, вслѣдствіе постигшей газету «Волынь» пріостановки, мы, по независящимъ обстоятельствамъ, лишены возможности выпустить въ свѣтъ подготовляемый юбилейный сборникъ «Волыни» (по случаю 25 лѣтія). Равнымъ образомъ намъ приходится отложить до болѣе благопріятнаго момента и выполненіе остальной программы, которой проектировалось ознаменовать четверть-вѣковой юбилей газеты. Къ свѣдѣнію авторовъ, уже приславшихъ намъ свои произведенія, мы считаемъ долгомъ сообщить, что статьи ихъ будутъ на тѣхъ-же условіяхъ напечатаны въ газетѣ „Волынь“ по ея возобновленіи. Примите и пр. Редакція газеты „Волынь“, г. Житоміръ.

Собраніе древнихъ грамотъ. С.-Петербургскимъ археологическимъ институтомъ, какъ сообщаетъ «Нов.», собраны въ разныхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ хранилищахъ С.-Петербурга, Москвы, Риги, Варшавы, Харькова, Львова и Несвижа 52 грамоты, преимущественно XIV вѣка, изъ которыхъ нѣкоторыя извѣстны лишь въ малораспространенныхъ заграничныхъ изданіяхъ, а нѣкоторыя только впервые дѣлаются извѣстными ученому міру. («Южн. Край», № 7959).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Культурная работа двухъ лагерей въ Галичинѣ. Львовское „Діло“ дѣлаетъ подсчетъ силамъ двухъ борющихся въ Галиціи и Буковинѣ партій: «москвофиловъ» и «украинофиловъ». Особенно газета останавливается на двухъ „важнѣйшихъ въ жизни факторахъ: молодежи и прессѣ“. «Оба эти фактора,—говоритъ газета,—въ нашихъ рукахъ!» Подсчитывая число студентовъ-украинофиловъ въ высшихъ заведеніяхъ Австріи (по спискамъ студенческихъ обществъ), газета опредѣляетъ это число въ 930; изъ обществъ студенческихъ—наибольшія: «Акад. Громада» и „Основа“ въ Львовѣ (въ обоихъ—730 студентовъ). Въ студенческихъ обществахъ „москвофильскихъ“ („Другъ“—во Львовѣ, «Буковина»—въ Вѣнѣ и др.) записано 108 человѣкъ. По мнѣнію газеты, это число постепенно должно падать, какъ обнаруживаютъ отчеты обществъ за прошлые годы. Переходя къ печати, «Діло» насчитываетъ въ Австріи 26 періодическихъ изданій украинофильскаго направленія: 3 ежедневныхъ газеты, 5—еженедѣльныхъ, 7—двухнедѣльныхъ изданій, 8—ежемѣсячныхъ и 2 изданія, выходящія черезъ 3 мѣсяца. Сюда же слѣдуетъ присоединить и нѣмецкій по языку журналъ „Ruthenische Revue“. Москвофильская печать представлена 9 изданіями. Что касается изданія книгъ, брошюръ, то продуктивность «москвофиловъ» достигаетъ всего лишь 10 проц. издаваемаго украинофилами.

Очень жаль, что «Діло» не сообщаетъ статистическихъ данныхъ о распространенности изданій борющихся партій; было бы интересно знать, сколько подписчиковъ имѣютъ, напримѣръ, «Галичанинъ» съ одной стороны, и «Діло», съ другой?

Кажется, при большомъ сравнительно числѣ повременныхъ изданій въ Галиціи, подписчиковъ на нихъ имѣется мало. „Діло“ жалуется, что „Літер.-Наукъ. Вістникъ“, издаваемый главами „украинофильства“ проф. Грушевскимъ и Франкомъ—подобіе нашихъ ежемѣсячниковъ,—имѣетъ всего лишь 144 подписчика (однихъ священниковъ уніатовъ въ Галиціи около 3,000 человѣкъ!).

———

Малорусскія читальни въ Галиціи. Газета «Діло» дѣлаетъ подсчетъ сельскихъ читаленъ, основанныхъ въ Галиціи просвѣтительнымъ обществомъ «Просвіта». Общество это обратило свою дѣятельность на провинцію въ 1891 г.; съ этого года до начала 1904 г. оно основало по деревнямъ и мѣстечкамъ до 1,345 читаленъ. Если къ этому числу присоединить почти такое же число читаленъ, основанныхъ «старорусскимъ» обществомъ имени Качковскаго, то станетъ ясно, какъ въ Галиціи развита общественная самодѣятельность въ области народнаго просвѣщенія, находящая, увы! мало поддержки со стороны земскаго самоуправленія. Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣятелями по устройству читаленъ являются, главнымъ образомъ, священники-уніаты.

Польскій и русинскій языкъ въ галиційскихъ школахъ. Состоявшееся въ послѣднихъ дняхъ прошлаго мѣсяца педагогическое собраніе „Kola Krakowskiego“ въ вопросѣ о языкахъ польскомъ и русинскомъ въ галиційскихъ школахъ пришло къ слѣдующимъ выводамъ. Преподаваніе на обоихъ языкахъ въ школахъ возможно только въ ущербъ развитію и цѣлямъ школы. Что-же касается обученія этимъ языкамъ въ школахъ—собраніе рѣшило въ ближайшей сессіи обсудить вопросъ объ обязательномъ обученіи польскому и русинскому языкамъ во всѣхъ среднихъ школахъ Галиціи.

Воззваніе клуба русинскихъ пословъ. Ввиду приближающихся выборовъ русинскихъ пословъ въ Галицкій сеймъ, послѣ выхода изъ него прежнихъ избранниковъ, въ газ. «Діло» напечатано воззваніе этихъ вышедшихъ пословъ къ русинскому народу, гдѣ указывается, что политика края требуетъ поголовнаго избранія опять тѣхъ-же самыхъ пословъ, чтобы доказать силу и солидарность русинскаго народа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Составилъ М. Комаровъ. *Одесса, 1903, 1—143, in 8⁰. Ц. 75 коп.*

О громадной пользѣ книжки съ отмѣченнымъ заглавіемъ нечего и говорить: всякій интеллигентный читатель, а въ особенности имѣющій отношеніе къ литературѣ, дорожащій именемъ величайшаго нашего поэта, скажетъ автору большое спасибо,—отнынѣ не прійдется ему болѣе блуждать въ потемкахъ, собирая необходимую литературу, которая не у всякаго подъ руками. Имѣя теперь эту цѣнную книгу въ нашей литературѣ, невольно хочется помечтать, что авось научная разработка вопросовъ, связанныхъ съ именемъ Шевченка и его произведеніями, а на первомъ мѣстѣ—критическое научное изданіе его поэзіи, вступитъ въ новую фазу, станетъ явленіемъ болѣе частымъ, чѣмъ донынѣ.

Правда, и настоящій указатель, какъ и всякій иной, нельзя назвать абсолютно полнымъ, въ особенности въ отношеніи литературы галицкой послѣ 1883 года, понынѣ не имѣющей библіографическаго указателя, а также статей и переводовъ на языкахъ иностранныхъ, но всѣ такіе пропуски въ большинствѣ случаевъ не первостепенной важности, а къ тому же со временемъ ихъ легко можно будетъ пополнить. Желая и съ своей стороны внести малую лепту въ это дѣло, отмѣчаемъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ замѣченные нами пробѣлы, питая надежду, что и иныя лица не откажутъ въ своей посильной

помощи... Но прежде скажемъ о расположеніи матеріала въ указателѣ. Весь матеріалъ размѣщенъ въ XII отдѣлахъ, а именно: Собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка на малорусскомъ языкѣ и отдѣльныя ихъ изданія (стр. 11—20, всего 80 №№); Малорусскія произведенія Т. Шевченка, помѣщенныя въ сборникахъ и журналахъ (стр. 21—24,—45 №№); Произведенія Т. Г. Шевченка на русскомъ языкѣ (25—26, всего 21 №№); Переписка Т. Г. Шевченка (27—30, всего 42 №№); Рисунки его (31—33,—27 №№); Переводы малорусскихъ произведеній Т. Г. Шевченка: на русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій, словацкій, нѣмецкій, французскій и др. языки (стр. 34—42,—87 №№); Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по-русски, на языкъ малорусскій (42—44,—13 №№); Музыка въ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка и на память о немъ (50—53,—59 №№); Драматическія передѣлки произведеній Т. Шевченка (54—55,—8 №№); Учрежденія имени Т. Г. Шевченка (56—58,—7 №№); Сводъ статей о Т. Г. Шевченкѣ и его произведеніяхъ (59—131, всего 855 №№). Кромѣ того, въ началѣ сообщаются важнѣйшія даты изъ жизни Т. Г. Шевченка (стр. 6—10), а въ концѣ помѣщенъ алфавитный указатель книгъ и статей о Шевченкѣ, композиторовъ, художниковъ, издателей и другихъ лицъ, способствовавшихъ изученію жизни и произведеній Т. Шевченка (стр. 133—140).

Какъ видитъ читатель, матеріалъ расположенъ въ системѣ, и пользоваться имъ весьма удобно.

Переходимъ къ пропускамъ.

Въ отдѣлѣ IX (переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по-русски, на языкъ малорусскій), не отмѣчена статья: «Шевченко про Котляревського. Виривки з повісти Шевченка «Близнюки» въ Літературно-Науковом Вістнику 1898 г., т. IV, стр. 137 и слѣд.; въ отдѣлѣ XIV (Сводъ статей о Т. Г. Шевченкѣ и его произведеніяхъ) изъ того же «Літературно-Науков. Вістника» пропущены слѣдующія статьи и замѣтки. *За 1898 годъ*: Брюлов та Шевченко. С. Е. (т. IV, Хроніка, 60); Матеріали до VI т. «Кобзаря» Шевченка у Львові (т. VI, Хрон., 233); Проект видання российських перекладів з Шевченка «Белоуса». С. Е. (т. IV, Хрон., 233). *За 1899 годъ*: Статі про Шевченка (т. V, Хрон., 204); Нове видання Кобзаря у Киіви (т. V, Хрон., 135); Споминки про Шевченка (т. VI, Хр., 191); Пушкін contra Шевченко С. Е. (т. VII, Хр., 62); Портрет Ольріджа намальований Шевченком (т. VII, Хр., 232).

За 1900 годъ: Курочкін і Шевченко. С. Е. (т. XI, Хрон., 121); Споминки Л. М. Жемчужнікова. С. Е. (XI, Хр., 218); Статі про Шевченка (XI, Хр., 8 и XII, Хр., 121); рецензія М. К. на Малий Кобзарь». Черкассы, 1900,—(хотя въ ссылкѣ къ № 74 на стр. 19 на нее имѣется указаніе). *За 1901 годъ:* Читальня ім. Шевченка в Канаді (XIII, Хр., 212),—указаніе имѣется на ст. 58 къ № 6; Недруковані листи Шевченка. С. Е. (XIII, Хр. 213); Спогади про Т. Шевченка (XIII, Хр. 55); Нові переклади Шевченкових поезій *В.* (XVI, Хр., 9); Малюнки до Кобзаря (XIV, Хр., 9); Памятки по Шевченку. С. П—о (XVI, Хр. 21); Ювилейна вистава в Херсоні в 40-ві роковини смерти Шевченка (XIV, Хр. 33); Россияне про Шевченка (XIV, Хр., 40); Шевченко в крузі народніх поетів В. Д—ко (XV, Хр.; 1); «Перелицьований Кобзарь». С. Е. (XV, Хр. 5). Шевченкові реліквії. Щ. Д. (XVI, Хр., 23); Читальня ім. Шевченка в Нижньому-Новгороді (XIII, Хр. 212), если она существуетъ, ею слѣдовало бы пополнить отдѣлъ XIII «Учрежденія имени Т. Шевченка» *За 1902 годъ:* Нові материяли до житепису Шевченка (XVII, Хр., стр. 13); Рецензія на «Поезиі Шевченка» видання «Просьвіти» 1902 р. *В.* (XVII, Хрон., 31);—упоминаніе на стр. 20 къ № 79; Шевченкові малюнки (XVII, Хр., 26); Памяти Шевченка *В.* и автограф Шевченка *В.* (XVIII, Хрон., 1).

Кромѣ того, слѣдовало отмѣтить статью *Я(ковлева) К.* До характеристики М. С. Щепкина (Літер.-Науков. Вістник. XIII, Науковий відділ, стр. 124 и слѣд.). Не отмѣчена также «Korespondencya Bohdana Zaleskiego» въ журналѣ «Przewodnik Naukow'y i Literacki (приложеніе къ Gazeta Lwowska) за 1902 годъ, гдѣ имѣется письмо Б. Залѣсскаго отъ 16/IV 1866 г. съ извѣщеніемъ о посылкѣ поэзій Шевченка во Львовъ, говорится о преждевременности опубликованія писемъ Шевченка...

Теперь о нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ составителя,—правда, немногочисленныхъ, часть которыхъ отмѣтилъ уже въ своемъ отзывѣ г. *В.* (въ «Літературно-Науковом Вістнику за 1903 г., кн. XI, Хр., стр. 142—143), какъ, напримѣръ, на стр. 81, № 310—Кокорудза вм. Кокорудз (тоже еще и на стр. 94, № 468), на стр. 82, № 320—Баткôвщина, вмѣсто Батькôвщина, на стр. 83, № 137—Naukowyi—вм. Naukowy, 85, № 362—русской вм. рускои, стр. 103, № 566—Пачовськiй В. вм. Пачовськiй М., но наиболѣе крупный недосмотръ на стр. 39, № 65, гдѣ переводы Гарамбашича отнесены къ чешскому языку вм.

сербскаго (хорватскаго, на стр. 40, № 74—они фигурируютъ уже какъ сербскіе переводы). Отмѣчены г. *В.* еще неправильности на стр. 45, № 3: «*Польскій* на смерть малороссійскаго поэта Т. Шевченка», въ чемъ, по мнѣнію г. *В.* видѣнъ пропускъ: кто «польскій»? и на стр. 107, № 618: *В. Лесевича* на обѣдѣ украинцевъ въ Петербургѣ»... Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ, очевидно: *В. Лесевичъ*. На обѣдѣ»...

Съ своей стороны, укажемъ еще на слѣдующіе промахи: на стр. 5 и 8 „Священника Кошиц*ы*",—слѣдуетъ Кошиц*а*, т. к. фамилія эта *Кошицъ*, (а не Кошица); на стр. 8 «орхеографическую комиссію»—вм. Археографическую; на стр. 19, № 77—«Княжна. Поэма Шевченка. Ц. 3 р.—вмѣсто *К.*; на стр. 20, № 80 „Катерына. Поэма Т. Шевченка. У Кыиви, 1903 року» слѣдовало добавить, что это первое *полное*, безъ пропусковъ, изданіе этой поэмы; на стр. 99, № 517: Н. О. Бѣляшевскій—вм. Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

Все это, конечно, мелочи, которыя ничуть не умаляютъ цѣннаго труда почтеннаго автора.

В. Доманицкій.

Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія (Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время). Д. Вишневскаго. *Кіевъ, 1903.*

Настоящее сочиненіе представляетъ собою одну изъ подготовительныхъ работъ къ составленію полной исторіи Кіевской Академіи со времени основанія ея въ 1615 году. Прежнія работы по исторіи этой Академіи, а именно: «Исторія Кіевской Академіи» преосвященнаго Макарія Булгакова, 1843 г., и «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею» В. И. Аскоченскаго, въ трехъ томахъ, давно уже устарѣли и не соотвѣтствуютъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Новыя подготовительныя работы по исторіи Кіевской Академіи стали появляться съ 1886 года. Въ этомъ году вышелъ въ свѣтъ 1-й выпускъ «Исторіи Кіевской Духовной Академіи» профессора С. Т. Голубева, обнимающій исторію сей Академіи въ до-Могилянскій ея періодъ, т. е. съ 1615 до 1632 года. Остальные выпуски этого капитальнаго труда имѣютъ быть посвящены Исторіи Кіевской Академіи въ Могилянскій ея періодъ, съ 1632 по 1647 годъ. Въ 1895 году появилось небольшое сочиненіе профессора Н. И. Петрова, подъ за-

главіемъ «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка», заключающее въ себѣ краткій обзоръ исторіи этой Академіи за означенное время, а въ 1901 г.—рѣчь профессора С. Т. Голубева «Кіевская Академія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій». Съ 1897 года начались студенческія ученыя работы по исторіи Кіевской Академіи за XVIII и начало XIX вв. Въ 1897 году напечатано было кандидатское сочиненіе студента В. Серебренникова: «Кіевская Академія съ половины XVIII вѣка до преобразованія ея въ 1819 году». Оно основано было, главнымъ образомъ, на остаткахъ академическаго архива, сохранившихся въ архивѣ Кіево-Братскаго монастыря, и на документахъ стараго архива Кіевской Дух. Консисторіи. Того же періода времени изъ жизни Кіевской Академіи отчасти касались и другіе студенты Кіевской Академіи въ кандидатскихъ своихъ сочиненіяхъ, какъ напр. Г. С. Булашевъ въ сочиненіи «Преосвященный Ириней Фальковскій, епископъ чигиринскій». Кіевъ, 1883 г., А. Бѣлгородскій въ сочиненіи «Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799 г.г.)», Кіевъ, 1901 года.

Въ этихъ подготовительныхъ работахъ доселѣ оставался замѣтный пробѣлъ, касающійся исторіи Кіевской Академіи за первую половину XVIII вѣка. Восполнить этотъ пробѣлъ и составляло задачу сочиненія г. Вишневскаго.

Такъ какъ матеріаловъ для исторіи Кіевской Академіи за это время до сихъ поръ обнародовано и извѣстно весьма мало, то автору предстоялъ двойной трудъ—не только обслѣдовать относящіеся къ его области факты, но, такъ сказать,—создать и самые факты, отыскивая ихъ въ разныхъ архивахъ и книгохранилищахъ. Извѣстно, что академическаго архива за это время почти не сохранилось. Приходилось отыскивать матеріалы въ архивахъ и рукописяхъ учрежденій, имѣвшихъ какое либо соприкосновеніе съ Кіевскою Академіею. Авторъ долго работалъ надъ своимъ сочиненіемъ и успѣлъ собрать богатый, свѣжій матеріалъ для него въ архивахъ и библіотекахъ Кіева, Смоленска и отчасти Москвы и С.-Петербурга и даже въ собраніяхъ частныхъ лицъ. На основаніи этого матеріала, списки начальствующихъ и учащихъ лицъ въ Кіевской Академіи, перечень рукописныхъ учебниковъ и характеристика преподававшихся въ ней наукъ за разсматриваемый періодъ составлены авторомъ съ замѣчательною полнотою и обстоятельностію. Впервые указаны имъ нѣкоторыя изъ матеріальныхъ средствъ содержанія Академіи, напр., выдача по 200 руб. въ

годъ на Академію изъ войскового скарбу, и впервые же открытые въ синодальномъ архивѣ списки студентовъ и профессоровъ Кіевской Академіи за 9 лѣтъ, съ $173^{6}/_{7}$ по $174^{4}/_{5}$ учебные годы, хотя вполнѣ и не использованы въ сочиненіи автора.

Напрасно стали бы мы искать въ сочиненіи автора широкой картины жизни Кіевской Академіи за избранный періодъ ея жизни, въ связи ея съ политическою, церковною и общественною жизнію тогдашней Россіи и въ частности Малороссіи. Въ виду многосложности задачи, г. Вишневскій ограничился въ своемъ сочиненіи изображеніемъ только внутренняго строя Кіевской Академіи, и притомъ обращалъ преимущественное вниманіе на вновь добытые имъ матеріалы для исторіи Кіевской Академіи въ данный періодъ. Конечно, ничего нельзя возразить противъ такой спеціализаціи въ области предмета, самого по себѣ обширнаго, такъ какъ подобная спеціализація можетъ лишь содѣйствовать обстоятельному, детальному изученію исторіи Кіевской Академіи и объективному, чисто научному изложенію ея. Эти достоинства и просвѣчиваютъ въ сочиненіи г. Вишневскаго.

Но узкая спеціализація въ сферѣ внутренней жизни Академіи за избранный періодъ, и притомъ по новымъ преимущественно даннымъ, была причиною и нѣкоторыхъ недосмотровъ. Преслѣдуя интересъ новизны матеріала для своего сочиненія, г. Вишневскій иногда довѣрчиво относился къ словамъ прежнихъ историковъ Кіевской Академіи, напр. В. Аскоченскаго, и вмѣстѣ съ нимъ допускалъ старыя ошибки. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ (стр. 84, примѣч. 5), цитируя академическую инструкцію 1734 года по русскому переводу г. Аскоченскаго, г. Вишневскій разсматриваетъ въ § 15 этой инструкціи указаніе на существованіе артельнаго строя въ Кіевской бурсѣ, но въ латинскомъ подлинникѣ нѣтъ ни слова о бурсѣ и говорится объ инспекторахъ надъ панычами и объ обязанности этихъ инспекторовъ блюсти панское добро.

Затѣмъ, спеціализируясь въ извѣстномъ періодѣ исторіи Кіевской Академіи, г. Вишневскій нерѣдко не имѣлъ въ виду данныхъ изъ предыдущаго или послѣдующаго періодовъ исторіи Кіевской Академіи, могущихъ объяснить и освѣтить приводимые имъ самимъ факты. Такъ, напр., г. Вишневскій не указываетъ, изъ какихъ источниковъ Кіевскіе митрополиты давали консолюцію профессорамъ и пособіе бурсѣ; а между тѣмъ изъ сборника правъ и привилегій малорусскаго духовенства, 1768 года, видно, что эти деньги составляли часть

сбора съ вѣнечныхъ памятей, который Кіевскіе митрополиты, на основаніи прежнихъ правъ и привилегій Кіевской митрополіи, не отсылали въ центральное вѣдомство, а удерживали у себя на свои епархіальныя нужды, и такого сбора въ иной годъ бывало до 4700 рублей. Изъ послѣдующихъ же документовъ можно видѣть, что упоминаемый у г. Вишневскаго учитель Кіевской Академіи Василій Кryжановскій есть никто иной, какъ не безъизвѣстный въ исторіи русской духовной литературы Владиміръ Калиграфъ, выкрестъ изъ межибожскихъ евреевъ.

Есть у г. Вишневскаго нѣкоторые пробѣлы и въ спеціально избранной имъ для изслѣдованія области. Въ то время, когда писалось и печаталось сочиненіе г. Вишневскаго, вышло въ свѣтъ нѣсколько изданій, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ его предмету, которыми однако онъ не могъ своевременно воспользоваться, какъ, напр., XI и XII томы «Описанія документовъ и дѣлъ архива Св Синода» и «Матеріалы для исторіи Казанской дух. семинаріи въ XVIII вѣкѣ» К. Харламповича, 1903 г. Въ помянутомъ XII томѣ «Описанія документовъ и дѣлъ архива Св. Синода» есть одинъ документъ, имѣющій прямое отношеніе къ ходатайству о возобновленіи выдачи на Кіевскую Академію по 200 руб. изъ войскового скарбу. Въ 1735 году Св. Синодъ, вслѣдствіе ходатайства Кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго, обратился въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ съ запросомъ о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло по ходатайству бывшаго малороссійскаго гетмана Даніила Апостола о возобновленіи выдачи Кіевской Академіи помянутыхъ денегъ. Коллегія иностранныхъ дѣлъ отвѣчала, что, по рѣшенію Верховнаго Тайнаго Совѣта въ 1722 году, велѣно собираемые въ Малой Россіи въ войсковой скарбъ доходы употреблять на дѣйствительные войсковые расходы, а объ остаткахъ доносить Императорскому Величеству и не употреблять въ расходъ безъ именного Высочайшаго указа (№ 285). По ходу дѣла, Св. Синоду слѣдовало обратиться съ ходатайствомъ къ самой Императрицѣ какъ, повидимому, и просилъ о томъ Кіевскій архіепископъ Рафаилъ Заборовскій президента Св. Синода, архіепископа Ѳеофана Прокоповича. Прокоповичъ же, очевидно, не хотѣлъ плыть противъ теченія высшихъ правительственныхъ сферъ и отказалъ преосвященному Рафаилу Заборовскому въ его ходатайствѣ; но отказъ свой мотивировалъ другими причинами. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Заборовскому отъ 8 марта 1736 года Ѳеофанъ Прокоповичъ подвергаетъ безпощад-

ной критикѣ способъ веденія хозяйства Кіево-Братскимъ монастыремъ и Академіею и даже угрожаетъ виновникамъ «великимъ истязаніемъ и наказаніемъ» (письмо Прокоповича издано и въ «Кіевской Старинѣ» за мартъ, 1884 года). А между тѣмъ экономическое положеніе Кіево-Братскаго монастыря въ это время дѣйствительно было весьма критическое, въ которое онъ поставленъ былъ историческими обстоятельствами, а не радѣніемъ начальствующихъ лицъ монастыря. Г. Вишневскій, вмѣстѣ съ прежними историками Кіевской Академіи, вѣритъ искренности письма Ѳ. Прокоповича и не понимаетъ подлиннаго его значенія и смысла.

Въ помянутой книгѣ К. Харламповича г. Вишневскій нашелъ бы указаніе еще на одного профессора Кіевской Академіи этой эпохи, у него опущеннаго, именно на іеромонаха Епифанія Адомацкаго.

Наконецъ, нельзя не указать на то, что г. Вишневскій не воспользовался въ полной мѣрѣ и указными книгами Кіевской Дух. Консисторіи, вѣроятно потому, что онѣ собраны и сосредоточены въ одномъ мѣстѣ только въ недавнее время. Изъ этихъ книгъ онъ увидѣлъ бы, напримѣръ, что профессоръ іеромонахъ Платонъ Малиновскій выбылъ изъ Кіевской въ московскую Академію не въ 1723, а въ 1724 году.

Но такіе пробѣлы и недомолвки не многочисленны и почти не портятъ общаго пріятнаго впечатлѣнія, получаемаго отъ книги, которая, по разнообразію и цѣнности своего матеріала, собиравшагося по крупицамъ, на долго останется справочною книгою для спеціалистовъ, занимающихся исторіей науки и просвѣщенія въ юго-западной Россіи за обозрѣваемое время.

Къ книгѣ приложено 10-ть приложеній изъ архивныхъ документовъ и рукописей.

Н. П.

Памятная книжка Кіевской губ. на 1904 г., изданіе Кіевскаго губернскаго Статистическаго Комитета. *Кіевъ, 1904 г.*

Звключая въ себѣ всѣ обычные отвѣты «памятныхъ книжекъ» за предыдущіе годы, названная книжка содержитъ два совершенно новыхъ отдѣла: историко-этнографическій и «распоряженій правительства». Въ

послѣдній отдѣлъ вошли главнѣйшія Высочайшія повелѣнія и «положенія», относящіяся преимущественно къ нашему краю, нормальные уставы (сельскихъ банковъ, сельскихъ пожарныхъ дружинъ, потребительныхъ обществъ), почтово-телеграфныя правила и новѣйшія распоряженія по почтово-телеграфному вѣдомству, ветеринарно-полицейскія распоряженія, положеніе о Кіевской областной сельскохозяйственной выставкѣ, предполагавшейся въ 1904 г. и т. д. Введеніе этого отдѣла несомнѣнно значительно увеличиваетъ справочное значеніе памятной книжки, снабженной сверхъ того и невключавшимися въ прежнія изданія списками существующихъ въ губерніи сельскихъ банковъ, сберегательныхъ кассъ, ярмарокъ и т. д. Кромѣ значительнаго расширенія справочнаго отдѣла, названная книжка имѣетъ еще то преимущество предъ памятными книжками предыдущихъ лѣтъ, что справочный ея матеріалъ изложенъ въ опредѣленной системѣ: данныя о дѣленіи Кіевской губ. въ административно-полицейскомъ, судебномъ и др. отношеніяхъ выдѣлены въ особую рубрику, свѣдѣнія о г. Кіевѣ—въ особую, «распоряженія правительства» составляютъ тоже особый отдѣлъ и т. п., чѣмъ, разумѣется, значительно облегчается пользованіе этими матеріалами. Помянутый историко-этнографическій отдѣлъ составляетъ первую попытку статистическаго комитета отступить отъ обычнаго шаблона составленія памятныхъ книжекъ сообщеніемъ данныхъ, выходящихъ за предѣлы матеріаловъ справочнаго характера. Въ отдѣлѣ этомъ сообщаются свѣдѣнія о лирникахъ и кобзаряхъ. Къ сожалѣнію, изъ предисловія къ нему видно, что помѣщеніе этихъ свѣдѣній носитъ довольно случайный характеръ, и можно думать, что это также будетъ дальше, до тѣхъ поръ, пока Комитетъ, не ограничиваясь работой одного своего секретаря, привлечетъ къ участію въ своей дѣятельности достаточное число лицъ, интересующихся дѣломъ изслѣдованія губерніи въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ.

Объ адресъ-календарномъ отдѣлѣ книжки слѣдуетъ сказать, что въ немъ произведено замѣтное улучшеніе опять же введеніемъ большей системы въ расположеніе матеріала, а именно: свѣдѣнія о служащихъ въ Кіевѣ и губерніи не смѣшаны, какъ прежде, воедино подъ заголовками отдѣльныхъ вѣдомствъ, но наоборотъ обособлены, т. е. свѣдѣнія по Кіеву показаны, въ видахъ облеченія справокъ, отдѣльно отъ поуѣздныхъ. Слѣдовало бы для той же цѣли дать еще и болѣе полное оглавленіе «адресамъ нѣкоторыхъ частныхъ учрежденій, обществъ и лицъ свободныхъ профессій въ г. Кіевѣ». Подъ-отдѣлъ

этотъ заключаетъ въ себѣ массу разнообразныхъ свѣдѣній (всего 51 стр.), которыя гораздо легче было бы отыскивать при болѣе подробномъ заголовкѣ. Кстати сказать, въ немъ мы не нашли именъ нѣкоторыхъ женщинъ-врачей [1]). Конечно, это могло зависѣть именно отъ того, что собираніе свѣдѣній для адресъ-календарнаго отдѣла производится обычнымъ путемъ оффиціальныхъ справокъ. Но намъ кажется, что разъ уже составители памятной книжки пожелали стать на путь коренного улучшенія этого изданія, слѣдовало бы придумать и какія либо способы для провѣрки и пополненія обычно недостаточно точныхъ и запаздывающихъ противъ дѣйствительности оффиціальныхъ справокъ.

Во всякомъ случаѣ книжка эта составляетъ шагъ впередъ сравнительно съ изданіями предыдущихъ лѣтъ. Что касается «статистическаго» отдѣла, то мы его разбирать не будемъ, потому что онъ составленъ (хотя и съ нѣкоторыми улучшеніями) по обычнымъ даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета, и улучшенія этого отдѣла можно ждать только тогда, когда оживится самостоятельная дѣятельность самого Комитета.

Л. С. Л.

Н. Ив. Теодоровичъ. Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Томъ V. Ковельскій уѣздъ. *Почаевъ, 1903 г. 573 стран.*

Несмотря на нѣсколько измѣненное заглавіе, настоящій томъ является продолженіемъ капитальнаго труда, начатаго почтеннымъ авторомъ болѣе 15 лѣтъ назадъ. Еще въ 1888 г. онъ издалъ 1-й томъ «Историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Вол. еп.», посвященный уѣздамъ: Житомирскому, Новоградъ-Волынскому и Овручскому. Во 2-мъ томѣ, вышедшемъ въ 1890 г., были описаны уѣзды: Ровенскій, Острожскій и Дубенскій; въ 3-мъ (въ 1893 г.)—Кременецкій и Заславскій; 4-й, самый объемистый томъ, вышедшій въ 1899 г., былъ посвященъ уже одному только уѣзду—Староконстан-

---

[1]) Не знаемъ навѣрное, практикующихъ, или уже оставившихъ практику.

тиновскому. Настоящій 5-й томъ также посвященъ описанію церквей и приходовъ лишь одного уѣзда. Уже изъ этого видно, какъ постепенно расширялись размѣры и рамки труда, первоначально задуманнаго далеко не въ такомъ обширномъ объемѣ. Дѣйствительно, первый томъ «Описанія» заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, краткія статистическія свѣдѣнія о приходахъ, почерпнутыя изъ клировыхъ вѣдомостей, съ присоединеніемъ столь же краткихъ историческихъ свѣдѣній о поселеніяхъ, въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній; эти послѣднія свѣдѣнія авторъ заимствовалъ по преимуществу изъ «трудовъ Кіевской Археографич. Коммиссіи» и изъ «Описей актовыхъ книгъ Кіев. Центр. Архива». Сознавая недостаточность историческаго элемента въ своемъ трудѣ, авторъ, путемъ многократныхъ воззваній и просьбъ, обращенныхъ къ приходскимъ священникамъ, добился присылки ими подлинныхъ церковныхъ документовъ, актовъ, лѣтописей и всевозможнаго рода замѣтокъ и сообщеній. Нашлись между священниками и такіе просвѣщенные корреспонденты, которые сообщали автору обширныя записки, касавшіяся религіозно-бытовой жизни своихъ прихожанъ; другіе присылали записанныя на мѣстахъ изъ народныхъ устъ повѣрья, преданія, пѣсни, пословицы и др. этнографическіе матеріалы, иногда высокой цѣнности. Всѣ эти разнообразныя свѣдѣнія нашли для себя мѣсто въ дальнѣйшихъ выпускахъ труда г. Теодоровича, при чемъ, съ расширеніемъ матеріала, онъ расширялъ и программу своего описанія церквей и приходовъ: помимо прежнихъ историко-статистическихъ свѣдѣній, здѣсь появились подробныя описанія мѣстности, предметовъ мѣстной старины, занятій и вообще быта жителей, народныхъ обрядовъ, вѣрованій и т. под. Особеннымъ богатствомъ бытовыхъ и этнографическихъ матеріаловъ отличаются III и IV томы: здѣсь мы находимъ, напримѣръ, полное описаніе крестьянской свадьбы, народныя псальмы и пѣсни, поговорки, пословицы и т. под. Вотъ почему, выпуская въ свѣтъ IV томъ, авторъ призналъ нужнымъ расширить и самое названіе своего труда, давъ ему общее заглавіе «Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ», каковое заглавіе удержано и во вновь вышедшемъ томѣ.

Независимо отъ указаннаго обогащенія матеріаловъ, не трудно прослѣдить, какъ съ каждымъ выпускомъ растетъ и совершенствуется въ книгѣ собственно историческій элементъ. Авторъ не ограничивается

уже (какъ въ первыхъ выпускахъ) робкими цитатами, что такое-то село упоминается въ такихъ-то актахъ. Конечно, и это громадный трудъ—выбрать изъ многочисленныхъ изданій Кіевской Археографич. Коммиссіи всѣ мелкіе факты, касающіеся того или другого поселенія, и распредѣлить ихъ по надлежащимъ мѣстамъ; но нашъ авторъ давно уже не довольствуется одной этой механической сводкой. Ознакомившись не только съ русскими, но и съ польскими актовыми матеріалами, а равно и съ историческою литературой, касающеюся Волынской земли, онъ свободно и умѣло оперируетъ надъ обширнымъ историко-документальнымъ матеріаломъ, подвергая его систематической обработкѣ. Дѣйствительно, въ послѣднихъ томахъ его труда можно указать цѣлый рядъ полныхъ, обстоятельныхъ и вполнѣ научно составленныхъ историческихъ изслѣдованій, каковы, напр., историческіе очерки нѣкоторыхъ городовъ, мѣстечекъ, монастырей древнихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ и т. под.

Вновь вышедшій томъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ достоинства послѣднихъ выпусковъ труда автора, какъ со стороны богатства матеріаловъ, такъ и въ отношеніи ихъ умѣлой обработки. На первыхъ страницахъ мы находимъ очень обстоятельную и хорошо составленную исторію г. Ковля и его церквей. Съ такимъ же знаніемъ дѣла и стараніемъ сдѣланы историческія описанія и другихъ селеній, при чемъ приведено много подлинныхъ документовъ (иллюстрацій, инвентарей, эрекцій старинныхъ визитъ). Историческіе очерки многихъ поселеній снабжены живыми описаніями мѣстной природы, занятій жителей, ихъ домашняго быта, повѣрій, легендъ, преданій. Много помѣщено и собственно этнографическаго матеріала, напримѣръ: колядки и веснянки въ селѣ Ружинѣ (стр. 134—138), свадебные обряды въ с. Стобыхвѣ, (стр. 301—306), свадебныя и крестинныя пѣсни и обычаи въ с. Щедрогощѣ (стр. 386—390) и т. под. Все это представляетъ особенный интересъ въ виду того, что рѣчь идетъ о такомъ глухомъ, совершенно неизслѣдованномъ краѣ, какъ Ковельскій уѣздъ, гдѣ среди скудной природы, въ глуши лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, въ народномъ быту удерживалось еще много чертъ сѣдой, глубокой старины. Тамъ большинство населенія до сихъ поръ живетъ въ курныхъ избахъ и болѣетъ колтуномъ. Намъ лично приходилось бывать въ томъ краѣ, и мы можемъ засвидѣтельствовать, что тамъ настоящее раздолье для археолога и антикварія. Тамъ люди такъ бѣдны, что молятся въ храмахъ, которымъ насчитываютъ по нѣсколько сотъ лѣтъ, молятся пе-

редъ иконами, на которыхъ отъ древности едва ли уцѣлѣли слѣды живописи, служатъ по рукописнымъ книгамъ, употребляютъ вмѣсто ладону можевельникъ. Книга г. Теодоровича вполнѣ подтверждаетъ наши личныя наблюденiя. Изъ нея видно, что грамадное большинство церквей въ Ковельскомъ уѣздѣ построены въ XVIII ст., въ четырехъ мѣстечкахъ и селахъ (м. Ратно, Михновкѣ, Турiйскѣ и с. Мощеной) сохранились церкви, построенныя въ XVII ст. (между 1614 и 1671 гг.), а въ с. Качинѣ существуетъ церковь постройки 1589 г. И церкви эти—не каменныя, а деревянныя. Вотъ бы срисовать и подробно описать такую почтенную древность! Къ сожалѣнiю, въ книгѣ г. Теодоровича недостаетъ архитектуры описанiя этихъ древнѣйшихъ храмовъ, что, конечно, зависѣло оттого, что онъ не нашелъ такого описанiя въ церковныхъ лѣтописяхъ и клировыхъ вѣдомостяхъ.

Оцѣнивая прежнiе выпуски труда г. Теодоровича, критики находили, что онъ, пользуясь церковными лѣтописями, недостаточно строго относился иногда къ ихъ произвольнымъ соображенiямъ относительно происхожденiя названiя того или другого поселенiя и его исторiи. Въ послѣднемъ томѣ своего труда авторъ уже не даетъ поводовъ для подобнаго упрека. Лишь въ двухъ мѣстахъ его книги мы замѣтили такого рода недосмотръ. На стр. 359 говорится, что дер. Выдраница «получила названiе отъ *выдръ*, кои тутъ ловятся». Конечно, это—соображенiе церковной лѣтописи, но автору слѣдовало бы или вовсе не приводить этого невѣрнаго соображенiя, или же, въ видѣ поправки, замѣтить, что выдра на мѣстномъ языкѣ всегда именовалась *бобромъ*. Точно такъ же, говоря (на стр. 383) о селѣ Щедрогощѣ, авторъ безъ опроверженiя приводитъ измышленiе лѣтописи, будто „село это нѣкогда было мѣстомъ ссылки преступниковъ". Слѣдовало бы замѣтить, что въ бывшемъ польско-литовскомъ государствѣ вовсе не существовало ссылки,—или совсѣмъ не приводить этого наивнаго измышленiя.

Но это, конечно, такiя мелочи, которыя отнюдь не обезцѣниваютъ капитальнаго труда, видимо внушеннаго автору глубокой любовью къ родной ему Волыни и потребовавшаго отъ него громадной затраты времени, силъ и таланта. Пожелаемъ же ему съ такимъ же успѣхомъ описать остальные два уѣзда (Луцкiй и Владимирскiй), и тогда мы будемъ имѣть полное описанiе церквей и приходовъ всей Волынской губ.—изданiе, въ которомъ давно ощущалась настоятельная нужда.

О. Л.

I. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ.
Кіевъ, 1904 г., 581 стран.

Книга съ такимъ архаическимъ заглавіемъ представляетъ собою опытъ систематическаго свода всѣхъ когда-либо записанныхъ и напечатанныхъ пословицъ и поговорокъ: великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и—инородческихъ, т. е. молдавскихъ, латышскихъ, мордовскихъ, татарскихъ, вотскихъ, армянскихъ, бурятскихъ идругихъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи. Вѣроятно, въ виду столь разноплеменнаго состава пословицъ, собирателю и понадобился терминъ: *«россійскихъ»*, долженствующей выразить ту мысль, что это-де сборникъ различныхъ народовъ, населяющихъ Россійскую имперію. Но если дѣйствительно такова была мысль составителя книги, тогда возникаетъ другое недоумѣніе: почему же въ его сборникѣ совсѣмъ отсутствуютъ пословицы: польскія, еврейскія, нѣмецкія, финскія, цыганскія? Вѣдь эти племена тоже обитаютъ въ предѣлахъ имперіи, и чѣмъ же они хуже какихъ-либо айсоровъ, акушинцевъ, лаковъ, кюринцевъ, сургутчанъ, коихъ пословицы включены въ сборникъ (конечно, въ русскомъ переводѣ)?

Для чего понадобилось составленіе столь разношерстнаго сборника? На этотъ вопросъ составитель отвѣчаетъ такъ въ предисловіи: «Издавая этотъ сборникъ, полагаю, что настоящій трудъ представитъ нѣкоторый интересъ: и въ сферѣ изслѣдованій по обычному праву—какъ сборникъ изреченій, выражающихъ понятія и воззрѣнія народа (народовъ)? на различныя стороны права и быта, и въ жизни вообще—какъ сводъ завѣтовъ сѣдой старины и выработанныхъ вѣками, зачастую не утратившихъ своего значенія и по настоящее время, правилъ житейской мудрости». Безъ сомнѣнія, пословицы каждаго отдѣльнаго племени могутъ представлять этотъ двоякій интересъ; но когда вы заставите семьдесятъ племенъ одновременно выражать свои правовыя воззрѣнія и правила житейской мудрости, то въ результатахъ можетъ получиться лишь новое вавилонское смѣшеніе языковъ. Вѣдь каждый народъ можетъ имѣть свои особыя понятія о различныхъ предметахъ, въ особенности—если рѣчь идетъ о русскихъ туземцахъ и инородцахъ, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ умственнаго, нравственнаго и соціальнаго развитія.

Въ началѣ своей книги г. Иллюстровъ даетъ весьма подробный библіографическій обзоръ источниковъ, изъ коихъ онъ заимствовалъ пословицы, и это, по нашему мнѣнію, самая цѣнная часть его работы. Для великорусскихъ пословицъ и поговорокъ онъ указываетъ 114 источниковъ, для малорусскихъ—41, для бѣлорусскихъ—16 и для инородческихъ—40. Обзоръ малорусскихъ сборниковъ пословицъ онъ начинаетъ съ „Грамматики малороссійскаго нарѣчія" А. Павловскаго, изданной въ 1818 г., и оканчиваетъ сборникомъ А. Малинки, вышедшимъ въ 1902 г., при чемъ отъ его вниманія не ускользаютъ и тѣ небольшія собранія пословицъ, какія помѣщены были въ разное время въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ разныхъ губерній, въ провинціальныхъ газетахъ, мелкихъ брошюрахъ и въ др. рѣдкихъ изданіяхъ. Во всѣхъ этихъ источникахъ г. Иллюстровъ насчитываетъ 30431 малор. пословицъ и поговорокъ. Вообще надо замѣтить, что г. Иллюстровъ— удивительный статистикъ: онъ даетъ точныя свѣдѣнія о томъ, сколько именно пословицъ находится въ томъ или другомъ сборникѣ, книгѣ, статьѣ, распредѣляетъ собирателей пословицъ по поламъ, сословіямъ, званіямъ, профессіямъ, и точно обозначаетъ сколько и кѣмъ собрано или записано. Въ концѣ книги онъ даетъ цѣлыхъ пять указателей: именной, этнографическій, географическій, предметный и сверхъ того огромный (на пяти печатныхъ листахъ мелкаго шрифта) указатель источниковъ, откуда заимствованы пословицы.

И все-таки его перечень источниковъ малорусскихъ пословицъ не совсѣмъ полонъ. Ему мало вѣдомы сборники пословицъ, составленные въ Галичинѣ, Буковинѣ и въ Угорской Руси. Изъ нихъ онъ знаетъ лишь «Галицкіи приповѣдки и загадки, зôбраніи Г. Илькевичемъ» и напечатанныя въ Вѣнѣ въ 1841 г., и затѣмъ онъ пользуется сборниками А. Дешка и В. Вислоцкаго, помѣщенными въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общества» въ 1867—1869 гг.; о позднѣйшихъ же галицкихъ этнографическихъ изданіяхъ онъ не упоминаетъ. Затѣмъ, польскіе этнографы въ разное время издали огромную массу малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ. Сейчасъ нѣтъ ихъ у насъ подъ руками и мы боимся напрасно упрекать г. Иллюстрова въ игнорированіи ихъ, но навѣрное между ними встрѣчаются и пословицы. Наконецъ, есть пропуски въ перечнѣ собраній малорусскихъ пословицъ, помѣщеныхъ въ русскихъ изданіяхъ; для примѣра укажемъ на пятитомное изданіе Н. И. Теодоровича: «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи», гдѣ въ III томѣ (на

стр. 609—614) помѣщено 244 пословицы, записанныя въ Заславскомъ уѣздѣ, а въ IV томѣ (на стр. 242—248 и 793—798) приведено 485 пословицъ, записанныхъ въ Староконст. уѣздѣ.

О. Л.

Про сыритъ. Збирнычокъ для дитей *упорядкувавъ Гнатъ Галайда. На гарному папери въ окладынци 50 коп.; дешеве выдання 10 коп. и 4 коп. г. Харьковъ.*

Неоднократно уже и многія земскія собранія и разнообразные съѣзды русскихъ дѣятелей высказывались за то, что для поднятія въ народѣ просвѣщенія необходимо въ мѣстностяхъ съ нерусскимъ населеніемъ завести обученіе въ школахъ на мѣстныхъ языкахъ, издать на этихъ же языкахъ возможно больше популярныхъ и дѣтскихъ книгъ. Однако, и до настоящаго времени популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ издано не много, а книжекъ для дѣтскаго чтенія и совершенно нѣтъ. Попытки изданія дѣтскихъ книгъ на украинскомъ языкѣ, конечно, не разъ дѣлались, но всѣ онѣ, по независящимъ обстоятельствамъ, какъ принято говорить, не могли придти къ желанному концу. Въ виду этого намъ теперь особенно пріятно отмѣтить недавно вышедшій въ свѣтъ «Збирнычокъ для дитей» г. Г. Галайды: «Про сыритъ»: это первая ласточка,—хочется вѣрить, что она предвѣщаетъ скорую весну...

Сборникъ г. Галайды «Про сыритъ» состоитъ изъ нѣсколькихъ стихотвореній и 3 разсказовъ, въ которыхъ изображается тяжелая участь сироты по смерти отца-матери. Одни изъ стихотвореній сборника взяты «зъ народныхъ устъ», а другія принадлежатъ перу извѣстныхъ украинскихъ поэтовъ: Т. Шевченка, Я. Щоголева, О. Конисського, Б. Гринченка («Сыритка»). Изъ разсказовъ обращаетъ на себя большое вниманіе переводъ извѣстнаго разсказа Ѳ. Достоевскаго: «Святый вечиръ у Хрыста». Переводъ сдѣланъ довольно хорошо и маленькими читателями прочтется съ удовольствіемъ. Интересенъ также разсказъ г. Галайды: «Лыстъ до мамуси», гдѣ изображена Катруся, дѣвочка сиротка, которая въ своемъ письмѣ *«дорогій мамуси у небо»* жалуется на свою сиротскую долю. Сборникъ украшенъ многими поясняющими содержаніе разсказовъ рисунками, которые, къ сожалѣнію, всѣ вышли довольно неудачно. Издана книжка опрятно, по цѣнѣ—

10 коп. и 4 коп.—вполнѣ доступна для народа. Для интеллигенціи есть также изданіе на лучшей бумагѣ стоимостью въ 50 коп.; въ этомъ изданіи нѣкоторые рисунки вышли лучше, чѣмъ въ дешевомъ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Редакторы сборниковъ, альманаховъ имѣютъ обыкновеніе свои произведенія оставлять безъ подписи. Читатели такъ уже привыкли къ этому, что авторомъ всякаго неподписаннаго въ сборникѣ произведенія считаютъ редактора его. Въ сборникѣ г. Г. Галайды «Про сыритъ» тоже есть одно стихотвореніе безъ подписи: «Сыритка». Спѣшимъ исправить заблужденіе тѣхъ изъ читателей, которые авторомъ этого стихотворенія будутъ называть г. Галайду, редактора сборника: стихотвореніе это принадлежитъ перу извѣстнаго украинскаго писателя Б. Гринченка и еще въ 1895 году было напечатано имъ за собственною подписью въ сборникѣ: «Кныга казокъ виршомъ». Намъ неизвѣстны мотивы, которыми руководствовался г. Галайда, скрывая дѣйствительнаго автора стихотворенія; мы можемъ только догадаться: ужъ не потому ли это было сдѣлано, что текстъ «Сыритки» *безъ разрѣшенія автора* былъ подвергнутъ нѣкоторымъ несущественнымъ, совершенно ненужнымъ, а мѣстами и непонятнымъ (напр., «щыро доглядала» исправлено въ «щедро доглядала») измѣненіямъ, исправленіямъ и сокращеніямъ...

Е. Кв.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ послѣдней книжкѣ «Литературн. Вѣстн.» помѣщены не вошедшія въ полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева воспоминанія его о Т. Г. Шевченкѣ. И. С. Тургеневъ зналъ Шевченка въ тотъ періодъ его жизни, когда послѣ ссылки онъ возвратился въ Петербургъ.

«Шевченко, по словамъ Тургенева, производилъ скорѣе впечатлѣніе грубоватаго, закаленнаго и обтерпѣвшагося человѣка, съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ продолжительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости; юмора, «жарта» въ немъ не было вовсе. Только разъ, помнится, онъ прочелъ при мнѣ свое прекрасное стихотвореніе «Вечиръ» (Садокъ вышневый и т. д.) и прочелъ его просто, искренне; самъ онъ былъ тронутъ и тронулъ всѣхъ слушателей; вся южно-русская задумчивость,

мягкость и крѣпость, поэтическая струя, бившая въ немъ, тутъ ясно выступила на поверхность.

Самолюбіе въ Шевченкѣ было очень сильное и очень наивное въ то же время: безъ этого самолюбія, безъ вѣры въ свое призваніе онъ неизбѣжно погибъ бы въ своемъ закаспійскомъ изгнаніи; восторженное удивленіе соотчичей, окружавшихъ его въ Петербургѣ, усугубляло въ немъ эту увѣренность самородка-поэта. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ додумался до того, что, не шутя сталъ носиться съ мыслью создать нѣчто новое, небывалое, ему одному возможное—а именно: поэму на такомъ языкѣ, который былъ бы одинаково понятенъ русскому и малороссу; онъ даже принялся за эту поэму и читалъ мнѣ ея начало. Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, а именно: эти стихи его вышли самые слабые и вялые изъ всѣхъ написанныхъ имъ: безцвѣтное подражаніе Пушкину.

Далѣе идетъ разсказъ о неудачномъ сватовствѣ Шевченка. У г-жи Кар—ской находилась въ услуженіи дѣвушка малороссіянка, по имени Лукерья; существо молодое, свѣжее, нѣсколько грубое, не слишкомъ красивое, но по своему привлекательное, съ чудесными бѣлокурыми волосами и той не то горделивой, не то спокойной осанкой, которая свойственна ея племени. Шевченко влюбился въ эту Лукерью и рѣшился жениться на ней; Кар—скіе сначала диву дались, но кончили тѣмъ, что признали ее невѣстой поэта и даже начали дѣлать ей подарки и шить приданное; съ своей стороны, Шевченко готовился къ свадьбѣ, къ новой жизни... Но Лукерья отказала своему жениху. Ее, вѣроятно, запугали уже немолодыя лѣта Шевченка, его нетрезвость и крутой нравъ; а оцѣнить высокую честь быть супругою народнаго поэта она не была въ состояніи. Я нѣсколько разъ видѣлъ Шевченка послѣ его размолвки съ Лукерьей: онъ казался сильно раздраженнымъ».

Какъ видите, новыхъ данныхъ для біографіи малорусскаго поэта здѣсь не оказывается, если не считать упоминанія о какомъ то новомъ междурусскомъ языкѣ, на которомъ покойный Шевченко сочинялъ будто бы поэму.

Въ галицк. газ. «Діло» (№ 4 и 5) помѣщенъ обзоръ издательства въ Россіи малорусскихъ книгъ въ 1903-мъ году. Авторъ статьи, Ив. Кравецькый, указавъ на неблагопріятныя условія для этого издательства, отмѣчаетъ болѣе выдающіеся факты его въ разныхъ городахъ

Россіи и въ заключеніе дѣлаетъ сопоставленіе съ издательствомъ въ Австріи и Америкѣ. Оказывается, что въ Австріи въ три раза больше издано украинскихъ книгъ, чѣмъ въ Россіи. Удивляться, конечно, здѣсь нечему.

* * *

Въ „Вѣстн. Юга" (671) помѣщена слѣдующая замѣтка, касающаяся вопроса о положеніи нашей украинской драмы.

Въ одной изъ одесскихъ газетъ мы прочитали, что малорусскій репертуаръ обогатился новой пьесой „Чужа жинка", принадлежащей перу украинской писательницы г-жи Левитонъ. Пьеса эта, по словамъ газеты, является очень удачной передѣлкой гауптмановскаго „Извозчика Геншеля" и въ январѣ шла уже въ одномъ изъ одесскихъ театровъ, при участіи гг. Заньковецкой и Кропивницкаго, при чемъ на долю пьесы выпалъ большой успѣхъ. При относительной бѣдности украинскаго репертуара—бѣдности, вытекающей изъ общихъ условій существованія у насъ украинской литературы вообще и драматическихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ въ частности, когда эти послѣднія не могутъ выходить за опредѣленныя для нихъ этнографическія рамки, а слѣдовательно украинская сцена не можетъ пользоваться и переводами изъ чужихъ литературъ—всякую новинку въ этой сферѣ, если она обладаетъ литературнымъ достоинствомъ, приходится, конечно, только привѣтствовать, что дѣлаемъ мы и по отношенію „Чужой жинки". Но, спрашивается, терпимы ли тѣ условія, при которыхъ талантливые украинскіе авторы, могущіе очевидно дать что либо оригинальное, должны заниматься передѣлками (переводы не допускаются!) такихъ высокохудожественныхъ вещей, какъ «Извозчикъ Геншель»? Нормально ли это?

Во Львовѣ недавно появился въ продажѣ «*Перший руский ілюстрований музичний календар' на рік 1904*», литературная часть котораго весьма интересна. Кромѣ историческаго очерка (лѣтописи) галицкихъ пѣвческихъ обществъ («Боянів»), а именно: львовскаго, стрыйскаго, перемышльскаго, станиславовскаго, снятинскаго, тарнопольскаго и бережанскаго и корреспонденцій о многочисленныхъ сельскихъ хорахъ, здѣсь встрѣчаемъ: біографіи М. Лисенка, о. І. Киша-

кевича, Д. Сичанскаго, С. Крушельницкой, І. Билыковскаго, о. Н. Кумановскаго, о. П. Бажанскаго, І. Бортнянскаго, затѣмъ статьи по музыкѣ: В. Шухевича изъ его труда «Гуцульщина»: «Гуцульські струмента, танці і пісні», І. Білыковскаго: «Музика і ії походжене» і «Опера і ії розвій», о. Бажанскаго: «Ціха і будова стародавноі рускоі муз. гармоніі», Ст. Людкевича: «Про розвій та сучасне значіне т. зв. програмовоі музики», Р. Зарицкаго: «Італіянська азбука і малий словарець знаків музичніх», В. Домета: «О критичнім музичнім осуді та конечности его виобразованя»; «Взаімини межи рускою церковною піснею и народом», і «Спомини з перших артистичних прогульок по Галичині», о. Бережницкаго: «Скрипка, ії история і значіне яко інструменту сольового і орхестрального» и др. мелочи (напр. анекдоты о музыкѣ).

Изъ этого голаго перечня статей по музыкѣ можно уже видѣть, что музыкальное образованіе галицкихъ братьевъ находится на надлежащемъ пути, о которомъ намъ еще можно лишь мечтать.

Въ «Южн. Краѣ» (№ 7966) помѣщена статья проф. Н. Ѳ. Сумцова объ Амвр. Лукьян. Метлинскомъ.

Въ «Южн. Краѣ» (№ 7984) напечатана статья проф. П. Буцинскаго «Присоединеніе Малороссіи» по поводу 250-тилѣтія со дня Переяславскаго договора.

Малорусская драматургія обогатилась новымъ произведеніемъ «Гроши», написаннымъ земскимъ врачемъ богодуховскаго уѣзда М. Ѳ. Сластинымъ. Эта драма въ пяти актахъ изъ народной жизни. Живя въ деревнѣ, авторъ прекрасно изучилъ бытовыя условія народной жизни; пьеса посвящена авторомъ М. Л. Кропивницкому.

Вышла памятная книжка волынской губерніи на 1904 г., содержащая обычные статистическіе матеріалы и, помимо календаря, отдѣлы литературный и статистическій. Въ литературномъ отдѣлѣ помѣщена обширная статья члена губернскаго статистическаго комитета О. Фотинскаго по вопросу объ исторіи южно-русскаго козачества. Въ заключеніе приложенъ списокъ служащихъ волынской губерніи.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бібліотека Грипя Щипавки. Книжочка I. «Project na zniszczenie Rusi». Подав Гриць Щипавка. Чернівці 1903, 1—39. Ц. 10 кр.

Бібліотека для рускоі молодіжи (під редакциею Юліяна Насальського). Том LXVIII і LXIX: Драма на селѣ. Оповѣдане Франца Мешка: Царь и три его сыны; Сонъ лѣтнои ночи,—Шекспира.

Вовчок Марко. Народні оповіданя. Том II. Видане четверте. Накладом Укр.-рускої Видавничої Спілки. Львів, 1903, ст. 280, in 8⁰. Ціна 2 кор. (Інститутка, Від себе не втечеш, Ледащиця, Кармелюк, Невільничка, Девять братів і десята сестриця Галя, Ведмідь, Чортова пригода, Листи з Парижа).

Володиславич Антон. Чоловік чести, драма в 3 актах. Коломия, 1904, ст. 106, in 8⁰.

Грушевський М. Памяти Олексія Маркевича (Відбитка з LV т. Записок, з портретом пок.). Львів, 1903, ст. 14, 8⁰. Ціна 15 кор.

Достоєвський Хведор. Грач. Оповідання. Переклав О. П. Львів, 1903, ст. 266. Виданне Укр.-Рускої Выдавничої Спілки, ч.ч. 65—67, Ц. 1 к. 50 с.

„Дума". Сольо тенорове в супроводі фортепяна, слова Т. Шевченка, музика М. Лисенка. Ціна 1 кор. Заходом Станиславівського Бояна.

Запорожець. Календар на рік переступний 1904, Коломия, 1904, ст. 128. 8⁰. Ціна 60 сот.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Кн. V. Т. LV. У Львові, 1903.

Збірник математично-природописно-лікарський секції Наукового Тов. ім. Шевченка, т. IX. Львів, 1903, ст. 88+42+11+46+10.

Інтрем. Дж. К. Історія політичної економії. Переклав Михайло Лозинський. Накладом Укр.-Рускої Видавничої Спилки. Львів, 1903, ст. 338, 8⁰. Ц. 4 кор.

Історія куска хліба, перерібка з французкого. Листи до молодої дівчини. У Львові, 1903, ст. 63, in 8⁰. Ціна 50 сот.

Каленыченко И. (Селянынъ). Переселеньци у Сибиръ. Виршована поэма. (Издат. Комитетъ Харьков. Общ. распростран. въ народѣ грамотности). Харьковъ, 1903. Ст. 40, 16⁰.

Календар «Просьвіти» на р. 1904. У Львові, 1903. Ц. 1 кор.

Календарик на переступний рік 1904. Коломия, 1904. Накладом коломийськоі філіі Руського Товариства педагогічного.

Кміт Юрий. Подруже. Драма в двох діях. У Львові, 1903. Ст. 54, 8⁰. Ціна 1 кор.

«Козак». Календарик на переступний рік 1904. Коломия, 1904, ст. 192, 8⁰. Ц. 80 сот. (съ беллетристич. отдѣломъ).

Кр—ський Микола. Замітки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка. Уваги до «заміток» д. Кр—ського. Нап. Ю. Романчук (Відбитка з LV т. «Записок», Львів, 1903, ст. 34, 8⁰. Ціна 35 сот.

Перший руский ілюстрований музичний календар на рік 1904. Львів, 1903.

Покажчик змісту Літературно-Наукового Вістника томів 1—XX (1898—1902). Зладив В. Доманицький. З передмовою Івана Франка. У Львові, 1903, I—XXXVII, 1—121, in 8⁰.

Polacy a Rusini. W Krakowie, 1903. Czcionkami drukarni «Czasu». Ст. 56, 8⁰. Ціна 60 сот.

Приятель. Народний календар на переступний рік 1904. Чернівці, 1903. Ст. 144, 16⁰. Ціна 40 сот.

Программы для собиранія свѣдѣній археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ по черниговской губерніи. Черниговъ, 1903. Типогр. губернск. земства, ст. 30, 8⁰

Самойлова Ц. Спартак, провідник римских глядіяторів. Історична повість. З російського переклав В. Л—цкий. У Львові, 1903, ст. 96, 8⁰.

Stefanyk Wasyl. Klonowe liście. Z ukraińskiego przełożył Michał Moczulski, Lwów, 1904. Księgarnia Polska. Warszawa, E. Wende i Sp. Стр. 175, in 16⁰.

Тургенєв Іван. Весняні води. Вид. Укр.-Руськоі Видавничоі Спілки, ч. 69—71, Львів, 1903, ст. 242. Ц. 1 к. 30 с.

Франко Ів. З бурливих літ. Часть I. Накладом Антона Хойнацкого. Львів, 1903, ст. XVI+180, 8⁰. Ціна 2 кор. Зміст: Передмова, Різуни, Гриць і панич.

Франко Ів. Що таке поступ? Коломия, 1903. Накладом редакціі «Поступу», ст. 164, 16⁰. Ціна 1.20 кор.

Франчук Іван. Оферма. Новелька з військового житя. Коломия, 1903. Накладом редакціі «Поступу». Ст. 32, 16⁰. Ціна 25 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Вип. Ш. Р. 1903. (Май—Серпень). Ч. 15. Львів, 1903, ст. 32, 8°. Ціна 30 сот.

Chronik der Ukrainischen Ševćenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberq, 1903. Jänner-April. Heft II. Jhrg. 1903. № 14. Львів, 1903. Ст. 32, 8°. Ціна 30 сот.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ“.

2-я серія.—Популярно-научн., литературн., художествен. и экономическое изд.—въ теч. 1904 г.

20 книжекъ съ иллюстраціями 3 рубля.

Будучи изданіемъ прогрессивно-просвѣтительнымъ, „В. Общ. Жизни“ въ рядѣ статей будетъ отстаивать справедливые и законные интересы трудящихся массъ. Знакомя читателей съ современными теченіями обще-русской и европейской жизни въ области науки, искусства и литературы, «В. О. Ж.» особенное вниманіе будутъ удѣлять краевымъ вопросамъ Новороссіи, а также вопросамъ: европейскому, польскому и малорусскому, требующимъ на нашемъ разноплеменномъ Югѣ постояннаго и объективнаго отклика. Въ „Вопросахъ Общественной Жизни“ будутъ помѣщаться также романы, повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные.

Подписная цѣна за 20 книгъ съ иллюстраціями 3 рубля.

(за пересылку иногородніе доплачив. 50 коп.)

Разсрочка отъ 1 руб.

Всѣ подписчики „Вопросовъ Общественной Жизни“ могутъ получать за 1 руб. 50 коп. (городскіе) и за 2 руб. (иногородніе), съ доставкой и пересылкой, собраніе сочиненій величайшаго англійскаго поэта

лорда Байрона

(автора „Чайльдъ-Гарольда“ и *„Донъ-Жуана“) въ роскошномъ переплетѣ.*

Подписка принимается: 1) въ гл. конторѣ „Вопросовъ Общественной Жизни“, Одесса, Ришельевская, 12, при книжномъ магазинѣ „Образованіе“; 2) во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (коммиссія 50 коп. съ полнаго экземпляра).

Адресъ редакціи „В. О. Ж.“: Одесса, Канатная, 84.

Завѣдующій редакціей и дѣлами изданія **Н. С. Рашковскій.**

2—3

ста 2 руб. Лица, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на газету черезъ казначеевъ и экзекуторовъ пользуются льготою въ уплатѣ подписныхъ денегъ по 1 руб. въ теченіи первыхъ мсѣяцевъ и другими льготными условіями, по соглашенію.—Народные учителя, учащіеся, учебныя заведенія и библіотеки могутъ пулучать газету на особо льготныхъ условіяхъ, по соглашенію съ редакціей.

Подписку по почтѣ адресовать исключительно въ редакцію газеты: „Областное Обозрѣніе и Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ". С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 13-я линія. д. № 22.

Пробный № по требованію высылается безплатно.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежемѣсячный литературный общественный, политическій и историческій журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Въ ближайшихъ нумерахъ журнала будутъ помѣщены труды: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, Н. Н. Болтина, Б. П. Бурдесъ, пр.-доц. В. В. Святловскаго, В. А. Мазуркевича, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, Е. Дубельтъ (Зеландъ), И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, П. П. Исаевича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. Ѳ. Львовича, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. В. Н. Перетца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, Скитальца (О. Яковлева), Л. Ухтомской, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Съ первой же (январьской) книжки начнется печатаніемъ:

1) Неизданныя въ Россіи стихотворенія декабристовъ.

2) Посмертные труды А. М. Бобрищева-Пушкина.

3) Воспоминанія Ф. П. Фонтона (статья эта будетъ печататься съ вышедшаго за границей (Лейпцигъ, 1862 г.) изданія.

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—матеріалы для общественнаго движенія къ Россіи въ XIX столѣтіи.

6) I. Мадачъ: «Трагедія человѣка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастилія, ея архивъ и легенды»,—историческая монографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, библіографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложеній съ отдѣльной нумераціей страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ илюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересыкой на 1 годъ—**6** р., $^1/_2$ года—**3** р., 1 мѣс.—**50** коп.

Рзасрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора помѣщается въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель *С. Сухонинъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельскаго хозяйства.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйствен. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Сатьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и сел.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложенія и дешевизна изданія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при „*Хуторянинъ*" подписчикамъ даются безплатныя приложенія; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельске хозяйство", „Біографія Н. В. Гоголя", „Хуторянинъ и его читатели", 12 книжекъ „Экономическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства", различныя огородныя и полевыя сѣмена и друг.

Въ 1904 году всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы составленныя завѣдующимъ фито-патологической станцій при И. Боническомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія *три раскрашенныя*

„Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній",

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растеній и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовымъ подписчакамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена *кормовыхъ растеній, многолѣтнихъ травъ, огородныя и полевыя.*

„Хуторянинъ" допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина", при Полтавскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

3—3

священъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала на полувелепевой бумагѣ, съ доставкою и пересылкою: 1 р.; изданіе на велепевой бумагѣ 2 рубля.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Условія подписки на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 р., на 9 мѣс.—9 р., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ: 14 р., на 9 мѣс.—10 р. 50 к., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля—при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Ваганьковскій пер., д. Куманина; *въ Петербургѣ:* въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. № 46; *въ Кіевѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ; *въ Варшавѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; *въ Вильнѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Редакторъ-издатель *В. М. Лавровъ.*

2—3

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристическій матерьялъ для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особыя литературныя приложенія къ «Кіевской Газетѣ», въ которыхъ будутъ помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кромѣ того, въ приложеніяхъ будутъ помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кіевской Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложеній.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кіевской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амф—тровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ѳ. Ѳ. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кіевской Газеты» будутъ попрежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За перемѣну адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Кіевъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ*, *А. Ф. Френкель*. Редакторъ *А. Ф. Френкель*.

2—3

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 1-я.—ЯНВАРЬ, 1904.

I.—Блаженный Августинъ въ борьбѣ съ язычниками.—I.—**В. И. Герье**.—*II.—Братья.*—Повѣсть.—I-VI.—**П. Д. Боборыкина**.—III.—*П. А. Чеховъ* и его разсказы,—Этюдъ.—**Евг. Ляцкаго**.—IV.—*Серьги.*—Парижскій разсказъ.—Les boucles d'Oreilles conte parisien.—Изъ Франсуа Коппе.—Перев. **Н. В. Хвостова**.—V.—*Изъ Америки въ Японію.*—I. На Сандвичевы острова.—II. День въ Гонолулу.—III. Въ Японію.—Нагасаки.—**Ѳ. И. Кнорринга**. *VI.—Въ избранномъ обществѣ.*—Повѣсть.—I.—**Е. Авиловой**.—VII.—*Наши экономическія задачи и крестьянскій вопросъ.*—**Л. З. Слонимскаго**.—VIII.—*«Союзъ душъ».*—«Souls». A Comedy of intentions, dy „Rita“.—I-IX.—*Съ англ.* **З. В.**—IX—*Амалія Ризничъ* въ поэзіи А. С. Пушкина.—**П. Щоголева**.—X.—*Стихотворенія.*—I. Пѣсни въ камышахъ, изъ Ленау.—II. Зимней ночью.—III. Изъ Лиліенкрона.—**О. Михайловой**.—XI.—*Хроника.*—Задачи городского благоустройства въ Западной Европѣ.—**В. Тотоміанца**.—XII.—*Землевладѣніе въ Россіи и его судьбы.*—**Е. Р.**—XIII.—*Внутреннее Обозрѣніе.*—Начало новаго періода преобразованій.—Отношеніе ихъ къ общественному настроенію.—Типичныя черты двухъ главныхъ законопроектовъ.—Составъ губернскихъ совѣщаній.—Способы опроса крестьянъ.—Гласные отъ сельскихъ обществъ и земскіе начальники.—Земскій избирательный цензъ.—Земскія ходатайства.—Датскій законопроектъ, возбуждающій ликованіе реакціонной прессы.—Двѣ правительственныя мѣры.—XIV.—*Сельская полицейская стража.*—Письмо въ Редакцію.—**Л. Дашкевича**.—XV.—*Иностранное Обозрѣніе.*—Политическія событія истекшаго года.—Роль Японіи, какъ великой державы.—Восточно-азіатскій кризисъ.—Македонскій вопросъ и балканскія государства.—Политическія дѣла Автро-Венгріи, Германіи, Франціи и Англіи.—XVI.—*Литературное Обозрѣніе.*—I. Великій князь Николай Михайловичъ, графъ П. А. Строгановъ, т. III.—**А. П.**—II. К. Бальмонтъ, «Будемъ, какъ солнце».—III. Г. Хохловъ, Путешествіе уральскихъ козаковъ въ «Бѣловодское царство».—IV. К. I. Храневичъ, Очерки новѣйшей польской литера-

туры.—V. Языковъ, Д. Д., Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, вып. 1.—**Евг. Л.**—Новыя книги и брошюры.—XVII.—*Замѣтка.*—Индивидуализмъ и творчество.—«Когда мы, мертвые, пробуждаемся», др. Г. Ибсена.—**О. П.**—XVIII.—*Новости иностранной литературы.*—I. Maeterlinck, Joyzelle, pièce en actes.—II. Henri de Regnier' Les Vacances d'un jeune h mme sage.—**З. В.**—XIX.—*Изъ общественной хроники.*—Предстоящее открытіе новой с.-петербургской городской думы.—Вѣроятный исходъ выборовъ на городскія должности.—Настоящая и будущая группировка гласныхъ.—Дѣленіе избирателей на разряды и на участки.—Тверское губернское земство въ его отношеніяхъ къ уѣздному.—На чьей сторонѣ справедливость и забота о народномъ благѣ?—В. Н. Герардъ и А. В. Евреиновъ †.—XX.—*Библіографическій листокъ.*—Градовскій А. Д., Собраніе сочиненій, т. IX, ч. III: Органы мѣстнаго управленія.—Большой Всемірный настольный Атласъ Маркса, п. р. Э. Петри, вып. 1-й.—Пругавинъ, А. С., Религіозные отщепенцы.—Всемірные свѣточи. Шекспиръ и его время, состав. М. Гранстремъ.—Шередамъ, А., Европа и австрійскій вопросъ.—XXI.—*Объявленія.*—Каталогъ книжнаго склада типографіи М. М. Стасюлевича на 1902—1904 гг.—№ 1. Изданія, помѣщенныя въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича.—№ 1. Подвижной каталогъ книжн. склада той же типографіи въ январѣ 1904 года.

ПОДПИСКА НА 1904-й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгда: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.* Спб., Галерная, 20.

скихъ народовъ; сверхъ того будутъ печататься переводы стихотворенiй славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библiографическiя извѣстiя изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнiя объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россiи 4 рубля въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský Přehled» въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelství F. Šimaček, Praha, Jerusalemská ul. 11).

Издатель *Ф. Шимачекъ.* Редакторъ *А. Черны.*

„ПОЛТАВСКIЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Открыта подписка на 1904 годъ.

Годъ изданiя второй.

УСЛОВIЯ ПОДПИСКИ.

На годъ—6 р., 11 мѣсяцевъ—5 р. 50 к., 10 мѣс.—5 р., 9 мѣс. 4 р. 75 к., 8 мѣс.—4 р. 25 к., 7 мѣс.—4 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 5 мѣс.—3 р., 4 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 2 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—1 р.

Подписка принимается:

Въ Полтавѣ—въ Конторѣ „ПОЛТАВСКАГО ВѢСТНИКА“, Кобелякская улица.

Редакторъ-издатель *Д. А. Иваненко.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.